

**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ КАЗАХСТАНА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Сборник материалов круглого стола,
(г. Алматы, 28 марта 2013 г.)**

**Алматы
2013**

УДК 323/324
ББК 66.3
Н 35

*Рекомендовано Ученым советом Института философии,
политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК*

Редакционная коллегия:

З.К. Шаукенова (ответственный редактор),
М.С. Шайкемелев, В.Д. Курганская
А.Д. Меірманов (ответственный за выпуск)

Н 35 Национальная консолидация Казахстана: проблемы и перспективы. Сборник материалов круглого стола (г. Алматы, 28 марта 2013 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой – Алматы: ИФПР КН МОН РК. – 196 с.

ISBN – 978-601-7082-82-6

В сборник материалов круглого стола, организованного отделом политологии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, включены доклады, выступления и статьи ведущих специалистов в области этнополитики, этносоциологии и межэтнических отношений. В докладах раскрываются проблемы консолидации полиэтнического и поликультурного казахстанского общества. Предметом дискуссии стали идентификационные аспекты формирования национальной идентичности и институционализации отечественной модели толерантности и межэтнического взаимодействия. В работе круглого стола приняли участие известные казахстанские ученые, эксперты, руководители этнокультурных объединений, преподаватели вузов, докторанты и магистранты, представители НПО, журналисты и активисты гражданского общества.

Сборник предназначен для ученых и аналитиков в сфере национального строительства, политологов, социологов, преподавателей и студентов вузов, а также широкой общественности.

УДК 323/324
ББК 66.3

ISBN – 978-601-7082-82-6

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН РК, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
------------------	---

Д о к л а д ы

<i>Кадыржанов Р.</i> Межэтническая стабильность и национальная консолидация в Казахстане.....	12
<i>Дедерер А.</i> Роль Ассамблеи народа Казахстана в реализации Стратегии-2050.....	29
<i>Султангалиева А.</i> Религиозная идентичность и национальная интеграция в Казахстане.....	33
<i>Нургалиева М.</i> Резервы и риски межэтнической стабильности в Казахстане.....	41
<i>Меңдіғалиев Қ.</i> Қазақстандағы ұлттық мәселелерді көрсетудегі қазақтілді және орыстілді бақ арасындағы тақырыптық айырмашылықтар.....	50

В ы с т у п л е н и я

<i>Жотабаев Н.</i>	60
<i>Кыдырбекулы Д.</i>	64
<i>Алияров Е.</i>	70
<i>Султангалиева А.</i>	73
<i>Илеуова Г.</i>	75
<i>Шайкемелев М.</i>	77

С т а т ь и

Алияров Е. Проблемы национальной консолидации мультиэтнического и мультикультурного общества.....	82
Абдулина З. Этнодемографическая структура Казахстана и особенности национальной политики в РК.....	90
Айтымбетов Н. Қазақстанның ұлттық құрылысын қалыптастыру аясындағы ұлттық идея мәселелері.....	100
Ананьева С. Самобытность национальных литератур Казахстана и их роль в укреплении национальной консолидации республики.....	106
Биекенова Н. Роль и место молодежной субкультуры в процессах консолидации казахстанского общества.....	112
Вержбицки А. Консолидация народа Казахстана.....	121
Дунаев В., Курганская В. Этнические меньшинства в Казахстане: право на участие в общественной жизни.....	131
Мионг Сун Ок State language policy and koreans' linguistic conflict in Kazakhstan.....	143
Нарбекова Г., Садыкова Г. Значение культурной идентичности в консолидации казахстанского общества.....	154
Насимов М. Жаһандану дәуіріндегі жаңа қазақстандық патриотизм.....	161
Токтаров Е. Этнодемографические изменения и проблемы национальной интеграции казахстанского общества.....	167

Шайкемелев М.

Космополитизм онлайн-социальности: вызов национальной идентичности?.....	174
Сведения об авторах.....	187
Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институты туралы мәлімет.....	189
Информация об Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.....	191
Information on the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.....	193

ПРЕДИСЛОВИЕ

28 марта 2013 г. в Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки РК состоялся круглый стол «Национальная консолидация Казахстана: проблемы и перспективы». На круглом столе были обсуждены проблемы и перспективы национальной консолидации Казахстана, трансформации его полиэтнического и поликонфессионального общества в современную нацию, объединенную общими ценностями и символами. По мнению научного сообщества, в целом межэтническая ситуация в современном Казахстане отличается достаточно высоким уровнем стабильности. Международное признание получила казахстанская модель межэтнического и межконфессионального согласия. Тем не менее, достижение высокого уровня национальной консолидации и формирование гражданской нации со времен обретения независимости всегда стоит на повестке дня казахстанского общества. В полиэтническом государстве, каким является Казахстан, вопросы межэтнического взаимодействия постоянно должны находиться в фокусе общенационального внимания, даже когда нет видимой напряженности.

Национальная проблематика по праву относится к числу центральных в социально-политической жизни и массовом сознании современного казахстанского общества. Подтверждением этого является огромное количество книг, газетных и журнальных статей, радио- и телевизионных программ, интернет-публикаций, живых дискуссий на диалоговых площадках в республиканских учреждениях. Ни одна тематика общественной жизни казахстанского общества не вызывает на протяжении столь длительного времени (со второй половины 1980-х гг.) такого интереса, откликов и жарких дискуссий, как общенациональная идея, национальная идентичность, межэтнические отношения, проблемы казахского и русского языков

и их взаимодействия, мультикультурализма, толерантности, национальной политики государства, соотношения понятий этноса и нации, гражданского и этнического, патриотизма и национализма, и т. д. В 90-е гг. вопросы идеологического характера постепенно потеряли былую остроту, когда ослабло ощущение эйфории первых лет независимости и на первый план вышли вопросы социально-экономического характера. Но постепенно, с улучшением и стабилизацией экономической ситуации, проблемы сохранения и укрепления единства народа Казахстана вновь вернули высокие рейтинги общественного внимания. Выяснилось, что в идеологическом поле молодого государства образовался определенный вакуум, когда были разрушены прежние коммунистические идеалы, а на смену им не пришли новые идейные образцы, поскольку идентичность титульного этноса пребывала в кризисе, связанном с многолетним подавлением и неартикулированностью интенций национального самосознания. Наряду с процессом возрождения казахского самосознания, в казахстанском обществе появилась реальная востребованность в общенациональной идее, которая могла бы цементировать разнородные элементы этносоциальной мозаики, прежде скреплявшиеся советской идентичностью.

Казахстан более ста лет развивается в условиях мультикультурализма. Понятие «мультикультурализм» появилось на общественно-политическом и научном горизонте развитых стран ближе к концу 60-х гг. прошлого столетия. Под этим понятием понимается равноправное сосуществование в едином государстве различных этнических групп с их специфическими культурными и религиозными ценностями. Мультикультурализм признает за этнокультурными группами право параллельного развития собственных культур. Стоит отметить, что наличие «параллельных, слабо взаимодействующих этнических сообществ» как раз и явилось вызовом для современных западноевропейских демократий, считавших политику мультикультурализма наиболее сочетающейся с принципами западного либерализма и гуманизма. В Казахстане начала

XXI в., в условиях неокрепшей новой идеологии и беспрецедентной открытости миру главенствовала идейная атмосфера культурного плюрализма. Как раз в это время некоторой неопределенности идеологическое пространство развивающегося государства стали заполнять квазилиберальные модели западной идеологии, нетрадиционные конфессии, ортодоксальные формы ислама, исторически не присущие казахскому этническому сознанию. Возник закономерный вопрос: не размывает ли мультикультурализм основы национальной идентичности, а вместе с ней – и национальные интересы? В связи с этим, логичным выглядело появление интереса к общенациональной идее, которая смогла бы идейно сплотить казахстанские культуры, и, вместе с тем, консолидировать отечественные этнические группы в единую нацию.

Выяснилось, что общенациональная, консолидирующая идея – это, в первую очередь, диалог культур на основе их взаимного проникновения, обогащения и развития в русле толерантности и общечеловеческих ценностей. В реальности же мы получили в наследство параллельное сосуществование двух основных культур – казахской (этнической, традиционной) и русскоязычной (полиэтнической, урбанизированной), ни одна из которых не является доминирующей, что определяет разнонаправленность культурных интересов двух ведущих этногрупп, располагающихся в плоскости двух векторов идентификации – этнического и гражданского. В этих условиях альтернативы политике мультикультурализма пока не существует. Возникает необходимость дальнейшего изучения феномена полиэтничности казахстанского общества, выявления потенциала смешения культур, его преимущества, как возможности учиться друг у друга различным способам освоения и познания окружающего мира.

Перечисленные проблемы определили актуальность тематики круглого стола, ее приоритетность в контексте масштабных задач «Стратегии-2050» по формированию единой национальной идентичности, предупреждению межэтнических конфликтов и укреплению безопасности и стабильности

в государстве, поставленных Президентом РК Н.А. Назарбаевым перед народом Казахстана и научным сообществом.

Основными темами обсуждения на круглом столе стали:

1. Национальное и государственное строительство, новый казахстанский патриотизм как идеология развития нации до 2050 г.

2. Формирование и конструирование национальной идентичности Казахстана, этнический и гражданский векторы национального строительства.

3. Проблемы национальной интеграции мультиэтнического, мультикультурного общества в контексте влияния различных типов идентификации на центробежные и консолидирующие процессы.

4. Сохранение культурной самобытности и генетического кода нации (язык, традиции, история, символы) и их роль в национальной консолидации Казахстана.

5. Роль Ассамблеи народа Казахстана и других институтов национальной интеграции на новом этапе национальной консолидации Республики Казахстан.

С докладами по актуальным проблемам этнокультурной политики и межэтнических отношений выступили ведущие специалисты и общественные деятели в области этнополитики, этносоциологии и межэтнических отношений – доктор философских наук Р.К. Кадыржанов, кандидат политических наук М.М. Нургалиева, председатель республиканской ассоциации немцев Казахстана «Возрождение» А.Ф. Дедерер, и др. Доклады вызвали живой отклик у аудитории, которая приняла активное участие в обсуждении проблематики становления новой казахстанской идентичности. В обсуждении выступили модератор круглого стола М.С. Шайкемелев – заведующий отделом политологии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Е.К. Алияров – президент Казахстанского центра гуманитарно-политической конъюнктуры, Г.Т. Илеуова – президент Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», и др.

Национальная консолидация Казахстана...

В процессе обсуждения докладов особо подчеркивался тот факт, что национальное строительство является результатом постоянного творческого поиска, гражданских дискуссий и на протяжении многих лет находится в фокусе общественного внимания. Многие выступающие обратили внимание на актуальность исследования проблем становления государственного языка в Казахстане, вопросов гармонизации межэтнических отношений в процессе совместной деятельности. Вниманию читателей представлен сборник материалов, включающий доклады и выступления в дискуссии, а также статьи участников круглого стола.

ДОКЛАДЫ

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Рустем Кадыржанов

Поддержание межэтнической стабильности относится к числу важнейших задач национальной политики полиэтнического государства. Казахстан относится к числу полиэтнических обществ, в котором, кроме коренного народа – казахов – проживают другие этнические группы. Одной из главных проблем полиэтнических обществ является поддержание стабильности отношений между этническими группами, предупреждение конфликтов между ними и их разрешение в случае возникновения.

На качественно более высоком и сложном уровне стоит задача национальной консолидации, или национального строительства полиэтнического общества, представляющая собой его трансформацию в единое надэтническое сообщество, объединенное едиными политическими и культурными институтами, символами и ценностями.

Распад СССР привел к межэтнической напряженности и конфликтам в бывших советских республиках. В результате межэтнических конфликтов Азербайджан, Грузия и Молдова потеряли часть своей территории, Таджикистан пережил кровавую гражданскую войну, в Кыргызстане прошли межэтнические столкновения с применением насилия и многочисленными жертвами, в самой России в 1990-е гг. дважды вспыхивала чеченская война и до сих пор на всем Северном Кавказе сохраняется высокий уровень этнического сепаратизма и экстремизма. Межэтнические противоречия и сепаратизм стали причиной войн между Азербайджаном и Арменией в начале 1990-х гг., между Грузией и Россией – в 2008 г.

На этом фоне Казахстан выглядит островком межэтнической стабильности и благополучия. За весь постсоветский период в республике не произошло сколько-нибудь серьез-

ных межэтнических столкновений, которые могли бы повлиять на социально-политическую стабильность государства и общества. Основываясь на достижениях своей национальной политики, государство всячески пропагандирует «казахстанскую модель межэтнической стабильности и согласия» – как внутри страны, так и за ее пределами. Политика государства по поддержке межэтнической стабильности получила высокую оценку международных институтов, в частности, ОБСЕ и Верховного комиссара по делам национальных меньшинств Европейского союза [1].

Следует отметить, что в национальном вопросе в современном Казахстане наблюдается определенная преемственность – в советский период в многонациональной республике также наблюдался высокий уровень межэтнической стабильности. За это Казахстан, в котором проживали представители 130 национальностей, неизменно получал высокие оценки от советских руководителей, прежде всего, от Л.И. Брежнева, который в 1970-е гг. называл Казахстан «лабораторией дружбы народов» и ставил в пример другим республикам.

Несмотря на это, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. многие западные эксперты и аналитики рассматривали Казахстан как весьма вероятную арену этнических конфликтов и противостояний в постсоветский период. Эти конфликты должны были разгореться, по их мнению, прежде всего, между ведущими этническими группами – казахами и русскими. Среди причин возможных этнических конфликтов в Казахстане можно выделить следующие.

Первую причину можно условно назвать «постимперским синдромом». Это связано с тем, что на Западе многие эксперты рассматривают Советский Союз как империю, а Казахстан и другие союзные нерусские республики – как его колонии. Как показывает мировая практика, распад империи приводит к массовому выезду имперской нации из колонии в метрополию [2]. Та же часть имперской нации, которая осталась в бывшей колонии, испытывает давление со стороны элит и националистических организаций колонизованного народа, и если

к власти приходят радикальные националисты, то начинается конфискация земли и других видов капитала, что делает жизнь для этих людей невыносимой. Об этом свидетельствует опыт Африки, в частности, Зимбабве.

В определенной мере постимперский синдром действительно имел в Казахстане место, когда в первой половине 1990-х гг. полтора-два миллиона русских покинули республику и эмигрировали в Россию. В то же время, необходимо иметь в виду, что основная часть русских, 4–4,5 миллиона человек, никуда не уехала, оставшись в Казахстане и рассматривая его как свою родину. Как и другие народы Казахстана, русские заинтересованы в поддержании межэтнической стабильности в обществе и, прежде всего, в отношениях с казахами.

Вторая причина возможных этнических конфликтов в постсоветском Казахстане может быть так же условно, как и первая, обозначена как «столкновение цивилизаций». Казахи относятся к тюрко-мусульманской цивилизации, тогда как русские – к восточно-христианской, православной. Иначе говоря, казахи и русские принадлежат к различным цивилизациям, и Казахстан, согласно типологии автора концепции столкновения цивилизаций, Самюэля Хантингтона, относится к категории «расколотых» стран. Цивилизационные разделения и сопровождающее их напряжение, отмечает Хантингтон, часто приводят к тому, что основная группа, принадлежащая к одной цивилизации, пытается определить страну как свой политический инструмент и сделать свой язык, религию и символы государственными, как это попытались сделать индуисты, сингалы и мусульмане в Индии, Шри-Ланке и Малайзии [3].

Более того, подчеркивает Хантингтон, расколотые страны, разделенные линиями разлома между цивилизациями, сталкиваются с особенно серьезными проблемами по поддержанию своей целостности. В Судане на протяжении десятилетий велась гражданская война между мусульманским севером и преимущественно христианским югом [4]. Сегодня, как мы знаем, Судан в результате этой войны действительно разделен на две страны – Судан и Южный Судан.

К счастью для Казахстана, культурное разделение этнических групп не сопряжено с их территориальным разделением. Культурно-цивилизационные различия народов Казахстана не ведут к этническим конфликтам. Однако цивилизационное различие казахов и русских сказывается в том, что между основными этносами Казахстана существует наблюдаемое культурное разделение, которое, к счастью, не принимает каких-то экстремальных форм. Тем не менее, нельзя не отметить, что, если из Казахстана, как было сказано выше, в 1990-е гг. выехали полтора-два миллиона русских, то из цивилизационно близких к ним Украины или Белоруссии в этот период или позже сколько-нибудь массового выезда не было.

Третья причина возможных этнических конфликтов связана с биполярной демографической этноструктурой Казахстана. Биполярной называется демографическая структура, в которой две этнические группы приблизительно равны по своей численности и преобладают над другими этносами в общем населении страны. По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., Казахстан мог быть отнесен к биполярным обществам: казахи составляли около 40%, а русские – около 37% населения республики, тогда как немцы – менее 6%, а другие этносы – и того меньше [5].

Биполярные общества встречаются в мире не так часто, но практика показывает, что они содержат в себе высокий конфликтный потенциал. Это связано с тем, что две ведущие этнические группы вступают в отношения конкуренции за доминирование в политической, экономической, культурной и иных сферах. Конкуренция этносов нередко перерастает в кровопролитные конфликты, ставя под угрозу само существование государства. На Кипре, население которого состоит из греков и турок в приблизительно равной пропорции, столкновение основных этнических общин в 1974 г. (с вмешательством Турции) закончилось разделением страны на Северный (турецкий) Кипр и Республику Кипр (греческую часть острова). В Руанде столкновения, произошедшие в 1994 г. между основными этническими группами – хуту и тутси – спрово-

ждались кровопролитными боями, этническими чистками с колоссальным числом жертв в один миллион человек.

Помимо Казахстана, биполярным постсоветским обществом была в 1990-е гг. и до сих пор остается Латвия. Следовательно, в этих постсоветских государствах существовал потенциал серьезных этнических конфликтов. С целью изучения возможности этнических конфликтов в Казахстане и Латвии группа ученых во главе с норвежским этнополитологом Полом Колсто провела в 1990-х гг. сравнительное исследование в двух странах, результаты которого были опубликованы в книге «Национальное строительство и этническая интеграция в постсоветских обществах. Исследование Латвии и Казахстана», вышедшей в 1999 г. в США [6].

Главный вывод, к которому пришли Колсто и его коллеги, состоял в том, что, несмотря на биполярную этнодемографическую структуру, ситуация в Латвии и Казахстане отличается достаточно высоким уровнем межэтнической стабильности. Хотя, как отмечает Колсто, с момента обретения независимости этнические вопросы играют очень важную роль в политике обеих стран, в то же время, к сегодняшнему дню обе страны в значительной мере избежали межобщинного насилия, вспыхнувшего во многих других постсоветских государствах. В отличие от других государств с биполярной этнической системой и в противоположность многим другим посткоммунистическим странам Восточной Европы, с самого зарождения в период перестройки движения национального возрождения «Атмода» в Латвии не произошло ни одного этнического конфликта, повлекшего насилие. Аналогичным образом, несмотря на этнические выступления в декабре 1986 г. в Алма-Ате, руководство Казахстана смогло представить свою страну как оазис стабильности во взрывоопасной азиатской части бывшего Советского Союза. Официальная казахстанская пропаганда стремится укрепить среди своих граждан надэтническую гражданскую идентичность. Тем не менее, в Казахстане и Латвии сохраняется достаточно острая напряженность между двумя главными культурно-языковыми группами [7].

Цель возглавляемой Колсто группы, обнаруженная в книге, состояла в том, чтобы опровергнуть на примере Казахстана и Латвии «тезис Горовитца» о том, что биполярные общества неизбежно впадают в конфликт. Это опровержение, как считает Колсто, может быть объяснено различным образом: Казахстан и Латвия могут быть исключением, которое подтверждает правило; возможно, ситуация в этих странах еще не дошла до той точки, с которой в биполярном обществе начинается требуемая тезисом Горовитца динамика; этот тезис, как заключают авторы на основе проведенного в книге анализа, нуждается в определенной модификации [8].

Наконец, четвертая причина возможных этнических конфликтов в полиэтническом и поликультурном Казахстане, предрекавшихся западными экспертами в начале 1990-х гг., вытекает из стремления к культурному доминированию ведущих этнических групп казахстанского общества, что хорошо вписывается в теоретическую схему широко распространенной в этнополитической литературе концепции «культурного плюрализма». Эту концепцию в 1940-х гг. выдвинул британский ученый Дж.С. Фернивалл на основе изучения им колониального опыта Юго-Восточной Азии. Тридцать лет спустя она была более детально разработана М.Дж. Смитом и другими учеными, однако поначалу была встречена научным сообществом со скепсисом. Постепенно концепция культурного плюрализма становилась все более влиятельной, поскольку, как отмечает А.А. Праззаускас, открывала наиболее перспективный путь исследования этнополитических процессов. Достоинство этой концепции состояло в том, что она позволяла принимать во внимание такие важные аспекты полиэтничного общества, как качество этнического многообразия, или степень социокультурных различий между отдельными этническими группами, совместимость их политических культур и т. д. [9].

Вместе с тем, культурные различия полиэтничного общества сопряжены с этническими конфликтами, поскольку различие культур означает различие их ценностей, символов, норм поведения, которые могут противоречить друг другу и

вызывать недовольство членов групп в тех случаях, когда такие противоречия происходят. Таким образом, там, где культурно разнородные группы оказываются в одном обществе, необходимость поддержания порядка требует подчинения одних групп другим. Такое подчинение в культурной сфере означает ни что иное, как ассимиляцию. Но политика ассимиляции очень часто вызывает сопротивление тех, против кого она направлена. Следовательно, нестабильность и этнический конфликт являются неизбежными спутниками плюрального общества [10].

В принципе, концепция культурного плюрализма в определенной мере схожа с концепцией столкновения цивилизаций, в особенности, в применении к Казахстану. Отличие первой от второй состоит в том, что концепция культурного плюрализма предполагает подчинение и ассимиляцию одних этнических групп другими, тогда как концепция столкновения цивилизаций не заостряет на этом внимания. Логично было бы предположить, что культурный плюрализм в Казахстане, поддержанный государством (которое в соответствии с этой концепцией должно рассматриваться как казахское в этнокультурном смысле), приведет к доминированию казахов в культурной сфере, стремлению к ассимиляции других национальностей и их сопротивлению этому, что станет причиной конфликтов между казахами и нетитульными этносами, в первую очередь, русскими.

Развитие событий в Казахстане в постсоветский период не пошло по сценарию концепции культурного плюрализма. В целом, ситуация в сфере культуры и языка не подверглась серьезному изменению в сравнении с советским периодом, – по-прежнему доминируют русский язык и культура и информация на русском языке. Государство, поддерживая развитие казахского языка, казахской культуры и системы образования на казахском языке, не делает этого, однако, в ущерб статусу, сложившемуся еще в советский период. Такая национальная и культурная политика государства рассматривается как обеспечивающая межнациональную стабильность в казахстанском обществе, причем немалую роль в такой интерпретации этой политики играет само государство.

По логике концепции культурного плюрализма действуют казахские национал-патриоты, которые призывают к доминированию казахского языка и казахской культуры и ассимиляции других народов Казахстана (Гали). Национал-патриоты обвиняют государство за слишком большие, по их мнению, уступки русскому языку и русской культуре и видят в этом главную причину неудачи казахского языка в достижении им декларируемого в Конституции статуса государственного языка. Большая часть казахстанского общества, да и государство оценивают такие призывы национал-патриотов как дестабилизирующие межнациональный мир и согласие [11]. Поэтому призывы национал-патриотов не оказывают серьезного влияния на национальную ситуацию в Казахстане, не являются причиной ее изменения в направлении концепции культурного плюрализма с ее требованиями подчинения и ассимиляции одних групп другими.

В чем же заключаются причины межнациональной стабильности в Казахстане? Почему, несмотря на объективные предпосылки, национальная ситуация в полиэтническом и поликультурном казахстанском обществе не развивается по сценарию концепции культурного плюрализма?

Популярным объяснением этого феномена является толерантность казахстанского народа, терпимость и уважение этносов к языкам и культурам других национальностей. Особая заслуга в проявлении толерантности к русским и другим народам Казахстана и их языкам и культурам принадлежит, по мнению государственных деятелей, СМИ и политологов, казахскому народу, демонстрирующему этим свое гостеприимство и другие достоинства своего национального характера. Не все, однако, это объяснение принимают. Казахские национал-патриоты спрашивают: почему только казахи должны быть толерантными и давать русскому языку приоритет в культурно-языковой сфере? Почему русские не признают статус казахского языка, закрепленный в Конституции и законах Казахстана?

Толерантность является политико-идеологическим объяснением межэтнической стабильности в современном Казахстане. Она сродни интернационализму, которым объясняли

«межнациональное согласие и сближение народов» в советское время. Для научного понимания феномена межэтнической стабильности в постсоветском Казахстане такого объяснения, конечно, недостаточно. Очевидно, определенные элементы толерантности в самом деле в межэтнических отношениях проявляются, однако они не могут быть приняты в качестве конечной причины межэтнической стабильности в республике. Этническая толерантность сама должна быть объяснена на основе других, более фундаментальных и универсальных факторов, определяющих систему отношений в полиэтничном и поликультурном обществе, принятых в этнополитической теории.

В качестве главной причины межэтнической стабильности и отсутствия политики культурно-языковой ассимиляции нетитульных этносов в современном Казахстане мы видим негласный договор между казахами и русскими, своеобразный социальный контракт между ними о разделе сфер влияния в казахстанском обществе. В соответствии с этим негласным договором, казахи принимают доминирование русских в культурно-языковой сфере, а русские отдают казахам пальму первенства в политической сфере Казахстана. В этом состоит основное утверждение нашей работы, и его мы хотели бы обосновать, проследив отношения казахов и русских – как в советское время (когда этот негласный социальный контракт был заключен), так и в период независимости – в контексте национальной политики государства.

Такие социальные контракты на самом деле – не такое редкое явление в мировой практике межэтнических отношений в полиэтничных и поликультурных обществах. Например, в Малайзии, отмечает Дональд Горовитц, многие китайцы разделяют взгляд, что малайцы – в силу того, что являются коренным народом – должны быть первыми среди равных в политической системе. Этот взгляд формировался медленно, но последовательно. На протяжении десятилетий колониальная политика, условия китайской иммиграции, желание китайцев вернуться в конечном счете домой способствовали укреплению этого взгляда. Даже после обретения Малайзией независимости партийные лидеры китайской диаспоры призывали

к сдержанности, утверждая, что политической легитимности можно добиться скорее через союз с малайскими партиями, а не через организацию и действия на чисто китайской основе. Признание китайскими лидерами факта, что без малайской политической элиты никакая власть в Малайзии не будет обладать легитимностью, позволило малайцам смягчить подозрения относительно намерений китайцев. Что еще важнее, это дало возможность ограничить вероятность конфликта, который был бы неизбежен в случае ничем не сдержанного вызова китайцев малайскому доминированию в политической сфере и бескомпромиссного требования немедленного политического равенства [12].

Приведенный пример Малайзии представляется нам очень важным для понимания социального контракта в Казахстане. Несмотря на очевидные культурные, исторические, цивилизационные и иные различия Казахстана и Малайзии, можно указать на заметные структурные сходства двух стран. И Казахстан, и Малайзия относятся к биполярным обществам: если в нашей стране ведущими этносами являются казахи и русские, то в Малайзии – малайцы и китайцы. При этом коренные народы обеих стран оказались модернизационно более отсталыми по сравнению с пришлыми народами – русскими и китайцами, соответственно. Это дало последним преимущества в экономической, культурной, политической и иных сферах над коренными народами Казахстана и Малайзии. Однако социальные контракты между казахами и русскими в Казахстане и между малайцами и китайцами в Малайзии резко ограничили вероятность этнического конфликта между ведущими этническими группами. Отсутствие же таких социальных контрактов в других биполярных обществах привело к кровопролитным конфликтам и столкновениям.

В Малайзии социальный контракт между малайцами и китайцами привел к установлению политического доминирования коренного народа в политической сфере, тогда как китайцы доминируют в экономической сфере, контролируя 70% экономики страны. Как результат, каждый из народов страны господствует в своей сфере доминирования, избегая тем са-

мым столкновений в каждой из этих сфер. Рычаги управления в политической сфере позволили коренному народу добиться успехов в образовательной, культурной и других сферах и повысить тем самым свою конкурентоспособность, в том числе в экономике, что привело к росту материального благосостояния малайцев и расширению прослойки предпринимателей в их среде. Но ключевые позиции в экономике Малайзии, как уже было сказано, принадлежат китайцам.

Возвращаясь к Казахстану и утверждая, что в нем существовал и до сих пор существует негласный социальный договор между казахами и русскими, обеспечивающий стабильность отношений между ними, зададимся вопросом: когда этот контракт возник и утвердился? По нашему мнению, его действие началось во второй половине 1960-х гг. и продолжалось до распада СССР. В постсоветский период социальный контракт между казахами и русскими был как бы перезаключен на новых условиях и действует по сей день. Динмухамед Кунаев был той исторической фигурой, которая олицетворяет собой этот социальный контракт в советский период, так же как Нурсултан Назарбаев олицетворяет этот контракт в постсоветский период.

Казахская автономная республика в составе РСФСР, которую можно рассматривать как прообраз национальной государственности, была образована в августе 1920 г. С этого времени и до распада СССР республику возглавляли тринадцать человек, однако до Д. Кунаева, впервые ставшего первым секретарем ЦК Компартии Казахстана в 1959 г. и после двух с половиной лет перерыва вновь возглавившего республику в январе 1965 г., только один казах, Жумабай Шаяхметов, был первым руководителем Казахстана – в 1946–1952 гг. Поэтому до Д. Кунаева говорить о доминировании казахов в политико-государственной системе Казахстана было невозможно. Хотя в руководстве Казахской республики казахи были, однако, никто из них не руководил партийной организацией, а ведь именно партия назначала кадры на те или иные должности и через них определяла свою политику.

Конечно, в условиях тоталитарного централизованного режима не было большого значения, кто возглавляет пар-

тийную организацию республики – казах или представитель другой нации. В любом случае, человек на этом месте обязан был проводить политику центра. Однако национальность руководителя республики имела значение для коренного населения, особенно в Центральной Азии, где и после революции клановые и местнические отношения определяли этническую структуру руководящих органов. Наглядно это проявилось в 1960-е гг. и последующие десятилетия.

Одной из главных целей коммунистического режима в Средней Азии и Казахстане было искоренение традиционных институтов и структур, в первую очередь, трайбализма и местничества. Особенно жестко борьба с ними велась при Сталине и присылаемых им из Москвы наместниках. Наибольшей жестокостью и катастрофическими результатами отличалась руководимая очередным назначенцем Сталина Ф. Голощекиным кампания «Малый Октябрь» конца 1920 – начала 1930-х гг., в ходе которой была осуществлена седентаризация казахов, коллективизация и ликвидация кулачества и баев в казахском ауле. Эта кампания имела трагические для казахов последствия, в ходе вызванного ею массового голода погибли 1,5–2 миллиона человек.

Казахи были коренным народом Казахстана, но для большевистского режима в плане выбора руководства республики это не имело никакого значения. Скорее, наоборот, присылаемые из других республик назначенцы Москвы гораздо лучше справлялись с теми целями, которые режим ставил в отношении Казахстана. Такое управление союзным центром Казахстана создавало у местного населения, в первую очередь, у русских, но также и у казахов представление, что республика представляет собой регион полного русского влияния.

Д. Кунаев находился во главе Казахстана двадцать пять лет. Это, конечно, достаточно длительный исторический период, который оказал влияние на политическое сознание общества. В течение этого периода в общественном мнении сложилось устойчивое представление, что Казахстан вполне способен возглавлять казах. Именно это представление послужило, на наш взгляд, основой социального контракта между казахами

и русскими, в соответствии с которым произошло разделение сфер влияния. Казахи признали за русскими доминирование в культурно-языковой сфере, а русские признали за казахами доминирование в политико-государственной сфере.

Социальный контракт русских и казахов стал следствием другого негласного договора, заключенного между Москвой – как союзным центром и Алма-Атой – как республиканским центром. Этот договор персонализировался в фигурах Л. Брежнева и Д. Кунаева, которых связывали долголетние тесные дружеские отношения. При Л. Брежневе многолетнее руководство республикой представителем коренного народа было характерно не только для Казахстана и Средней Азии, но и других республик Советского Союза.

Союзный центр осуществлял полное руководство республиками и контроль за ними, но степень свободы у их руководителей при Л. Брежневе была значительно выше, чем прежде. Это было связано с тем, что Л. Брежнев предоставил республиканским лидерам свободу в назначении кадров [13]. Д. Кунаев как коммунистический лидер Казахстана руководствовался в своей политике принципами интернационализма. В частности, в кадровой политике он опирался на практику этнического равновесия (если руководитель – русский, то его заместитель – казах, и наоборот).

В то же время, пользуясь правом назначения кадров, Д. Кунаев постепенно менял кадровый баланс в центре и областях в сторону казахов. Это означало, с другой стороны, что Д. Кунаев умело использовал возникший и утверждавшийся при нем социальный контракт казахов и русских с целью закрепления позиций казахов в политико-административной сфере и, вместе с тем, еще больше укреплял в сознании людей этот контракт. С помощью этого контракта, на основе укрепления позиций казахов в политико-административной сфере, изменялась ситуация в пользу казахов в таких сферах, как образование, наука, искусство, торговля и других.

В культурно-языковой сфере в эти годы наблюдалось полное доминирование русского языка и культуры. Политика русификации казахов и других нерусских народов Казахстана

продолжалась на протяжении всего советского периода. Это был очень важный элемент советской национальной политики, который осуществлялся под сенью лозунгов интернационализма, «расцвета и сближения наций», «советский народ – новая историческая общность людей».

В числе наиболее русифицированных народов Советского Союза находились казахи. Это обстоятельство в значительной мере облегчало казахам соблюдение негласного социального контракта с русскими, не создавало у них ощущения ущемленности в языковой коммуникации не только в контактах с русскими и другими этническими группами, но и, что не менее важно, в отношениях между собой. Для казахов, в первую очередь городских, было и до сих пор остается естественным общаться между собой на русском языке.

Значение подобного социального контракта для межэтнической стабильности в полиэтничном и поликультурном обществе состоит в том, что он разводит доминирование этнических групп по различным сферам социального бытия. Каждый из этносов в таком обществе имеет свою сферу доминирования и не претендует на доминирование в той сфере, где господствует другой этнос. Если бы этнические группы конкурировали в одной сфере, что очень часто случается в современном мире, то они неизбежно впадали бы в конфликт между собой, борясь за доминирование в этой сфере и требуя подчинения другой группы. Социальный же контракт позволяет этносам делить в обществе сферы влияния и, тем самым, избегать конкуренции между собой и конфликта.

Обретение Казахстаном независимости привнесло новые элементы в отношения казахов и русских, следовательно, в социальный контракт между ними, но в целом оставило неизменным его основное содержание – разделение сфер влияния: политической – за казахами, культурно-языковой – за русскими. Благодаря этому, по нашему мнению, в постсоветском Казахстане сохраняется межэтническая стабильность, а социальный контракт является фундаментом национальной политики государства, ставящей своей основной целью формирование гражданской нации.

Характеризуя доминирование казахов в политической системе суверенного Казахстана, можно сказать, что относительное доминирование советского времени по принципу «первые среди равных» сменилось на полное, ни с кем не разделяемое господство казахов в политическом и государственном аппарате. Казахи составляют абсолютное большинство в органах власти. Их представленность во власти непропорционально выше доли казахов в общем населении Казахстана. Немногочисленные русские и представители других этносов в центральных органах государства и его областях абсолютно лояльны своим казахским начальникам и не являются выразителями интересов своих этносов во власти.

Такое положение стало возможным в результате того, что клановость, персонализм на всех социальных уровнях, неформальные отношения, получившие толчок и расцветшие в условиях относительной свободы от Москвы при Д. Кунаеве, приобрели абсолютное значение при формировании политической элиты и кадровой политики в условиях полной свободы действий при Н. Назарбаеве. Если Д. Кунаев должен был соблюдать этническое равновесие в кадровой политике, то у Н. Назарбаева такого ограничителя при выборе людей во власть уже нет.

В культурно-языковой сфере Казахстана сохраняется доминирование русского языка, хотя казахский язык по Конституции РК поднят по своему статусу до уровня государственного языка и должен был бы в связи с этим заменить русский язык в государственном управлении и повседневном общении людей. Русское доминирование в культурно-языковой сфере с советского времени сохраняется, хотя социально-политические условия в Казахстане принципиально изменились.

С точки зрения поддержания социального контракта важное значение имеет отношение казахов к доминированию русского языка. В целом казахи это доминирование признают, но не все с ним согласны. Сегодня согласие с доминированием русского языка среди казахов носит секторальный характер. Для сельских казахов и сегодняшних мигрантов из села в город, для которых казахский язык является главным средством вербальной коммуникации, доминирование русского языка в Казахстане является

неприемлемым. Казахские национал-патриоты, выступающие от лица этой социальной группы, активно требуют от власти отменить статью Конституции, утверждающую статус русского языка как используемого наравне с казахским языком в государственных органах и органах местного самоуправления.

Другой сектор казахского этнического сообщества – городские казахи, родившиеся и выросшие в русскоязычной среде и для которых русский язык является главным и естественным средством коммуникации, согласны в той или иной мере с доминирующим положением русского языка в Казахстане. Таким образом, в вопросе отношения к доминированию русского языка в Казахстане внутри казахского народа сегодня имеется очевидное несогласие и даже противоречие. Как будет решаться это противоречие, сегодня сказать трудно.

С точки зрения социального контракта наиболее важным является то, что реальное доминирование русского языка в Казахстане признает государство, и на этом контракте, как было сказано, строит свою национальную политику с ее ярко выраженной направленностью на поддержание межэтнической стабильности, недопущение в какой бы то ни было форме этнических конфликтов.

Наконец, с точки зрения социального контракта и межэтнической стабильности доминирование русского языка имеет важное значение для самих русских, не собирающихся переходить на казахский язык. Это доминирование сохраняет русским культурно-языковой комфорт, и на этой основе позволяет им решать свои жизненные проблемы. Русские, не зная казахского языка и не испытывая в этом потребности, способны получать в Казахстане образование на своем языке вплоть до высшего. Не имея необходимых клановых связей и потому не имея в современных условиях доступа к государственной службе, русские используют свои технические навыки и другие модернизационные преимущества для создания собственного бизнеса или включения в уже существующий бизнес и, как правило, преуспевая в этом, обеспечивают себе и своим семьям необходимый, достаточно высокий уровень материального благосостояния. Возможно, в высшем классе Казахстана русских мало, но их доля велика

в среднем классе, что дает им ощущение успеха, достигнутого собственным трудом, а не благодаря связям и другим неформальным отношениям. Психологический фон такого рода очень важен для поддержания межэтнической стабильности в этнически разделенном обществе, каковым является Казахстан.

Завершая статью, мы хотели бы сказать, что социальный контракт между казахами и русскими, в соответствии с которым два главных этноса Казахстана еще с советских времен разделили между собой сферы влияния и доминирования, стал одной из главных причин межэтнической стабильности как в советский период, так и в эпоху независимости.

Литература

1. *Кнут Воллебек*. Важно и далее укреплять роль АНК // Казахстанская правда. – 2010, 26 октября.

2. *Brubaker, Rogers*. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – Pp. 148–178.

3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон / Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 206–207.

4. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – С. 207.

5. Всесоюзная перепись населения. – М.: Статистика, 1990.

6. *Kolsto, P* (ed.). Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. An Investigation of Latvia and Kazakhstan. – Boulder (Col.): Westview Press, 1999.

7. *Kolsto, P* (ed.). Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies. – P. 5.

8. *Ibid.*

9. *Празаускас А.А.* Многонациональные общества. – В кн.: Этнос и политика: Хрестоматия / Авт. - сост. А.А. Празаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – С. 181.

10. *Horowitz, D.* Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. – P. 136.

11. Нурсултан Назарбаев: Великий путь пройдем в единстве // Казахстанская правда. – 2008, 3 июня.

12. *Horowitz, D.* Ethnic Groups in Conflict. – P. 138.

13. *Isaacs, R.* Party System Formation in Kazakhstan: Between Formal and Informal Politics. – London and New York: Routledge, 2011. – P. 51.

РОЛЬ АССАМБЛЕИ НАРОДА КАЗАХСТАНА В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ-2050

Александр Дедерер

Для любого динамически развивающегося общества, преследующего амбициозные задачи ускоренного индустриального и социального развития, наиважнейшим является паритет интересов национальных групп, политических элит (в какой бы форме они не существовали) и обеспечение стабильности и устойчивости на основе всем понятной и приемлемой национальной идеи.

Это условие довольно эффективно реализовано в нашей стране – посредством использования всего многообразия политических инструментов и средств массовой информации, обеспечивших воспитательный эффект – идея межэтнического мира и согласия всегда была у всех на слуху.

В «смутные» времена 90-х гг., когда общество не могло определиться ни с национальной идеей, ни с векторами развития всего государства, воспитательный характер, основанный на национальных традициях, сыграл свою положительную роль. Не вдаваясь в подробности действия механизмов формирования общенационального мира и согласия, общество адекватно реагировало на благородные целеустановки. Именно таким образом, в частности, сформировался авторитет власти.

Неизменный рост благосостояния населения, профессионально осуществляемое макроэкономическое регулирование, стратегия, направленная на социальную модернизацию и индустриально-инновационное развитие, позволяют в этом хрупком мире поддерживать позитивные настроения в обществе.

Однако существуют объективные законы развития общества: то, что эффективно работало вчера, завтра будет работать плохо, а то и вовсе не будет работать. То есть в политике необходимо всегда соответствовать вызовам времени.

Мы все стали свидетелями того, что время ускорило свой бег. На процессы, ранее протекавшие за столетия, теперь могут потребоваться какие-то 20 лет. Таким образом, одним из современных вызовов времени является адекватное реагирование на быстро меняющиеся реалии, в том числе, в окружающем нас внешнем мире, который неожиданно быстро пришёл в каждый дом. «Социально и экономически мир превратился в одно игровое поле, на котором все более преобладают три динамические реальности: глобализация, «интернетизация» и «дерегуляция». Финансовая сфера, став преимущественно спекулятивной по характеру и не связанной с технологическими инновациями или новыми формами работы, получила возможность мгновенно создавать богатства беспрецедентного масштаба. Инвестиции, перемещение рабочей силы на международной арене диктуются в большинстве своем меркантильным эгоизмом, а не национальными интересами.

Ни существующие национальные правительства, ни региональное урегулирование не в состоянии обеспечить эффективную дисциплину, не говоря об обеспечении контроля над автономной финансово-экономической вселенной, формируемой глобализацией, «интернетизацией» и «дерегуляцией». Налицо – разрывы между политической и социально-экономической сферами на глобальном уровне, утверждает З. Бжезинский [1].

Кризис глобальной мощи осложняется феноменом массового политического пробуждения, которому З. Бжезинский придает особое значение. Коммуникационные возможности, взаимосвязанность и взаимозависимость глобального мира, накладываясь на молодое и зачастую безработное население неразвитых стран, легко мобилизуемое и политически беспокойное студенчество развитых стран, создают предпосылки для протестов против богатой части человечества и привилегированной коррупции правительств. «Возмущение властью и привилегиями развязывает популистские страсти, взрывной потенциал которых чреват международными беспорядками большого масштаба».

Налицо – неуклонное снижение авторитета власти, происходящее во всём мире. Это же мы наблюдаем и в соседней с нами ре-

спублике – Кыргызстане, где укрепились практика нескончаемых протестов граждан, от которых страдает всё общество в целом.

На этот вызов времени можно ответить самым эффективным образом – организовать расширенную работу с населением. Нельзя допускать формализма в работе Ассамблеи народа Казахстана, поскольку именно она призвана обеспечить сохранение межэтнического мира и согласия.

Работа с населением должна приобрести системный характер, а всей структуре необходимо перейти на новый качественный уровень. Качество должно стать важнейшим критерием в организации работы АНК.

В частности, с помощью нового качественного подхода должна быть дана переоценка состояния структур общественного самоуправления этнических групп. В интересах государства нужно опираться на такие структуры, которые имеют массовый характер, имеют связи с подавляющим большинством представителей этнической группы. Такие организации полезны всему казахстанскому обществу, через них можно реально осуществлять государственную политику, предотвращать возможные конфликты, либо оказывать влияние на настроения людей. Наличие раздробленности, внутренних конфликтов, отсутствие национальной идеи, соответствующей общенациональной идее казахстанского общества, не соответствуют целям и задачам Ассамблеи народа Казахстана.

Задачу переустройства структур общественного самоуправления должен решить государственный социальный заказ.

В рамках социального заказа необходимо предусмотреть проведение общенациональных форумов национальных объединений, на которых должны быть урегулированы все споры, конфликты, приняты легитимные общенациональные стратегии (оформленные общенациональные идеи), избраны легитимные органы самоуправления. Должен быть реализован принцип: одна этническая группа – один общественный орган самоуправления. В состав совета Ассамблеи должны войти именно национальные лидеры своих общин. Внутриэтнические конфликты должны быть вынесены за рамки совета Ассамблеи и стать от-

ветственностью национальных элит, которые будут вынуждены искать компромиссы. При организации внутриобщинных дискуссий наиважнейшей должна стать дискуссия о поиске национальной идентичности в контексте с общенациональной идеей.

Ассамблея должна содействовать в установлении связей с европейскими структурами гражданского общества, необходимо осуществлять партнёрство с соответствующими структурами Европейского союза, поскольку именно в Европе задача консолидации общества решается достаточно эффективно.

Развитие связей с соотечественниками, проживающими в Европе, также должно быть заботой Ассамблеи народа Казахстана. Необходимо содействовать тому, чтобы соотечественники были включены в процессы развития гражданского общества, обеспечивая, таким образом, развитие интеграционных связей. Необходимо активное участие Ассамблеи в формировании новой архитектуры безопасности в Евразии.

Безоговорочно принятая экономическая модель, основанная на теории А. Смита и возводящая в абсолют значение эгоизма, разрушает связи внутри социума, являясь фактором, подавляющим моральные устои общества. Эгоизм, став глобальным, вступает в противоречие с национальными и духовными традициями народов, их культурой, формирует однородную массу общества потребления, а общественные интересы, основанные на традиционной культуре и ментальности народов, отступают на второй план.

Общество же в целом переходит в зависимость от глобальной политической элиты. Чтобы выжить и остаться доминирующей в глобальном мире, политическая элита должна понимать, что она должна консолидироваться на новых принципах «правильно понятого эгоизма» глобального измерения, предполагающего способность новой политической элиты ограничивать узкий, корыстный эгоизм общественными интересами и общим благом.

Литература

1. *Brzezinski, Zbigniew* The Global Political Awakening. – The New York Times. – December 16, 2008 // <http://www.nytimes.com/2008/12/16/opinion/16iht-YEbrzezinski.1.18730411.html>

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Алма Султангалиева

Два года назад в электронных СМИ вышла публикация с говорящим названием – «Родина или Бог!?!». Этот заголовок достаточно симптоматичен и символичен, учитывая происходящий в последние 20 лет процесс «возрождения религии» в Казахстане.

В данной статье речь идет о религиозной идентичности, приобретающей особое значение в ее связи с процессом этнической и гражданской идентификации в постсоветском Казахстане.

Но вначале отметим изменения, произошедшие в этно-демографическом составе населения, которые повлияли и на его религиозную конфигурацию. Ведь традиционно здесь, так же, как и в соседних центральноазиатских обществах, этническое происхождение тесно переплетено с религиозной идентичностью.

Итак, за два постсоветских десятилетия этно-демографические процессы среди основных групп – казахов и русских – привели к тому, что на территории Казахстана казахи стали этническим большинством. По результатам последней переписи населения Казахстана, в 2009 г. доля казахов выросла почти вдвое – до 63,6%, доля русских снизилась до 23,3% [1]. Это означает, что в сложившемся в стране мусульманско-христианском этно-культурном пространстве мусульманская община становится доминирующей по численности. Христианская же община теряет свою паству вследствие демографической убыли русско-славянского и немецкого населения.

Религиозная традиция большей части оставшихся 13,1% этнических меньшинств также укоренена в исламе или христианстве. И здесь также отмечен рост удельного веса этнических мусульман (узбеков – до 2,0%, уйгур – до 1,4%) и снижение доли христианских этносов (немцев – до 1,1%, украинцев – до 2,0%).

Эти данные по этническому составу дополняют результаты и впервые проведенной в постсоветском Казахстане официальной регистрации религиозной принадлежности в переписи 2009 г. Она выявила, что, во-первых, абсолютное большинство жителей Казахстана идентифицируют себя с определенной религией – около 97%, и среди них мусульман – 70,1%, христиан – 26,1%, иудаистов – 0,03%, буддистов – 0,09%, других религий – 0,19% [2]. Отметим, что последняя официальная идентификация религиозной принадлежности на территории Казахстана проводилась в 1937 г. в рамках Всесоюзной переписи населения.

В 2011 г. доля зарегистрированных неисламских религиозных объединений составила 38,5%. Большинство из них – религиозные группы, где религиозная и этническая принадлежности совпадают. Христиане (православные, католики, протестанты) – это европейские этносы: русские, украинцы, немцы. Новые религиозные движения (кришнаиты, бахаиты и другие) образуют самый малочисленный религиозный сегмент казахстанского общества. Всего же в стране действуют 43 конфессии. Но сколько последователей в том или ином религиозном объединении, сказать трудно, так как сами религиозные общины, если и ведут списочный учет своих прихожан, то только для внутреннего пользования.

Немного истории

Если взглянуть на историю Казахстана – как советскую, так и постсоветскую, то вопрос о том, что ближе – лояльность религиозной общине или группе, объединенной родственными, этническими, гражданско-государственными узами – практически не ставился. В досоветском казахском обществе религиозная принадлежность была неразрывно связана с этническим, родовым самосознанием и социально-политические институты эту связь поддерживали. Казахи всегда считали себя мусульманами, а исламские нормы (шариат), составной частью которых было обычное (адатное) право, регулировали их жизнь, как, например, в области семейно-брачного, уголовного права и т. д.

В советский же период, с его радикальной секуляризацией всех сфер жизни и даже враждебностью к религии, осознание религиозной принадлежности не противоречило гражданской идентификации. Быть казахом или уйгуром, например, означало быть мусульманином по факту рождения, что не противоречило осознанию себя как советского гражданина. Ислам воспринимался не столько как религиозная доктрина, сколько как этническая культурная традиция, наследие предков. Поэтому можно было считать себя одновременно и мусульманином, и коммунистом.

Исторически, отношения между религиозной идентичностью и другими лояльностями (этнической, гражданской) были достаточно гармоничны, они не противопоставлялись друг другу.

Постсоветское «возвращение религии»

В конце 80-х и с начала 90-х гг. социальные и политические условия радикально меняются. Наступает новая эпоха – религиозной свободы, рынка религиозных идей и строительства новой государственности.

Рост религиозности в обществе, как следствие постсоветского «религиозного возрождения», а, точнее, исламского, был ожидаем [3]. Но вот что за ним стоит? В Казахстане официально зарегистрированных мусульман по переписи 2009 г. насчитывается 72%. Выходит, что большинство казахстанцев считают себя мусульманами. Но в данном случае речь идет об этнических мусульманах (т. е., если ты родился казахом, уйгуром, татаринном, узбеком, значит, ты мусульманин). Эти данные не говорят о степени религиозности. Ведь считаться мусульманином (или православным) по факту рождения не всегда означает следование догматам и ритуалам веры.

Если посмотреть на динамику религиозности в течение 20 постсоветских лет, то окажется, что доля мусульман, посещающих мечеть на более или менее регулярной основе, выросла незначительно – с 14,8% до 17,4%. При этом доля казахов, считающих себя религиозными, но не соблюдающих религиозные предписания, составляет около 43%. Только 5,4% казахстанцев

в сложных ситуациях обратятся за советом к священным писаниям и духовным лицам. Большинство же будет рассчитывать на себя (37,1%), закон (22,9%), общественные нормы (19,6%) и советы близких (13,5%) [4].

Но постепенно растет традиционная религиозность, когда для верующих казахов-мусульман важна самоценность самой религии, ее представлений, практик. Они посещают курсы по изучению ислама, арабского языка, покупают брошюры о том, как совершать молитву (*намаз*), соблюдают пост (*уразу*). Отсюда и интерес к разным интерпретациям ислама, поиску путей приобретения религиозного опыта.

Религия все чаще становится уже индивидуальным выбором, поиском личного спасения. С этим связано расширение в последние годы спектра религиозных течений среди казахов – от пуританских «джамаатов» салафитов до городских кружков «суфистов», не говоря уже об исламских форумах и блогах в Интернете. Усложняющаяся религиозная жизнь, безусловно, начинает контрастировать со сложившимся стереотипом поверхностного ислама у казахов.

Отношения между религиозной, этнической, гражданской идентичностями усложняются, приобретая новые оттенки. Например, это распространение случаев, которые, впрочем, не переросли в устойчивый тренд, смены традиционной религиозной принадлежности. Допустим, когда православный по рождению обращается в ислам или буддизм.

Факты религиозной конвертации стали восприниматься в общественном мнении достаточно противоречиво. Не редкость, когда они трактуются как предательство своей этнической группы, хотя, например, новообращенный казах-баптист не перестает считать себя казахом. Он читает Библию на казахском языке, т. е. не утрачивает свое этническое самосознание.

Появилась и такая форма религиозности, когда принадлежность к универсальной религиозной общине ставится выше лояльности «своей» этнической группе. Это встречается среди новообращенных мусульман, которым не важно, носили, например, женщины-казашки хиджаб ближневосточного

покроя, скрывая свои лица от посторонних, или нет. Главное для таких «новых мусульман» – в своем поведении и внешнем виде соответствовать нормам, прописанным в исламских канонических текстах – Коране, хадисах.

Родина или Бог?

Этнонационализм как идеология новой независимой государственности занял свое место, и ислам стал его частью. Так, в преамбуле новой редакции Закона о религиозных объединениях (2011 г.) заявлено об особой исторической роли ханафизма (одного из направлений ислама) и православия для казахстанского народа. Но, со временем, идеология национализма стала терять свою привлекательность – из-за разочарования в экономических и социальных последствиях независимости: распалась прежняя система государственных гарантий, защищавших человека с момента его рождения (бесплатное здравоохранение, образование, стабильная работа и обеспеченная старость). За двадцать постсоветских лет политики «возрождения ислама» выросло новое поколение, считающее реисламизацию одним из завоеваний независимости. Ислам может пониматься не только как часть культуры, но и как самостоятельная социальная сила. В позднесоветские годы распространилась вера вообще в сверхъестественное: колдовство, целительство, экстрасенсорные способности, йога, астрал, руны, таро и другое. Не случайно, что о значении тенгризма, аруахизма, шаманизма и других древних мировоззренческих систем говорит достаточно узкий круг интеллектуалов советского, то есть старшего поколения.

Представители новой постсоветской генерации все чаще считают себя мусульманами не потому, что «так было заведено у наших предков», а потому, что они «пришли в ислам», выбрав его как свой духовный путь. И эти мусульмане не считают свою более серьезную религиозность нетрадиционной. Но большинство общества относятся к ним подозрительно. Это, в свою очередь, приводит к их маргинализации и самоизоляции в своем узком кругу «истинно верующих». И, как правило, они – представители «нижних этажей» социальной лестницы, для

которых ислам – это не просто вера, но и способ социализации, иногда – единственно возможный в обществе с распавшимися социальными связями. Для них абстрактного понятия о том, что значит быть мусульманином, уже недостаточно. Исламская принадлежность означает соответствующий образ жизни, с тщательным следованием религиозным нормам и ритуалам, в том числе, в поведении, одежде, выборе окружения. Не случайно, что большинство исламской литературы, продаваемой в стране, посвящено именно ритуальным сторонам религии, в частности, как правильно совершать молитву [5].

Открытие внешнего «исламского мира» приводит к импорту такой интерпретации ислама, которая широкой публикой воспринимается как «арабский ислам». Например, непривычными в местных условиях, но типичными, скажем, для Египта или Пакистана выглядят публичные проявления религиозности (девушки, укутанные в хиджабы или мужчины на молитвенных ковриках на улицах города, если их застало время молитвы). Поэтому не будет преувеличением утверждать, что в Казахстане (как и в других постсоветских республиках) возврат к исламу принял неофитскую форму. Не удивительно, что со свойственной неофитам энергией заимствуются внешние символы религиозности, порицаются как не соответствующие «истинному исламу» казахская народная музыка, паломничества к «святым местам». Эта прослойка мусульман следит за религиозной чистотой обрядов, их соответствием исламским, когда вводятся безалкогольные застолья, где место тамады занимают муллы, а женщины и мужчины рассаживаются отдельно. Для «новых мусульман» принадлежность к глобальной мусульманской общине выше, чем принадлежность к определенной группе.

И теперь уже возможна постановка вопроса о соотношении религиозной и гражданской идентичностей: кто я, прежде всего, мусульманин (кришнаит, протестант и т. д.), или казахстанец? Как оказалось, ответ на этот вопрос не так уж и прост, что и проявилось во время обсуждения закона о религиозных организациях в 2011 г. В частности, часть верующих была недовольна статьей закона о запрете моленных комнат в госучреждениях.

Стала возможной ситуация выбора между обязанностями верующего и обязанностями гражданина. И не обязательно он решается в пользу последнего. В то же время, не стоит, на наш взгляд, преувеличивать влияние религии и степень религиозности в казахстанском обществе.

В Казахстане – так же, как и странах постсоветской Центральной Азии – большинство мусульман осознают себя, прежде всего, частью своей этнической группы, государства, а не универсальной без границ исламской общины (*уммы*)» [6]. Судя по социологическим замерам, они не считают, что в повседневной жизни надо доказывать свою принадлежность к исламу, для этого достаточно самого факта рождения в семье мусульман. Поэтому широко распространено мнение, что осознание исламской принадлежности не проявляется только в соблюдении основных пяти заповедей ислама. Достаточно просто верить в Бога [7]. Если брать политический контекст, то принцип разделения религии и государства закреплен в Основном законе государства – Конституции. К тому же, в Казахстане для большинства населения религиозная идентичность остается частью этно-культурной принадлежности и преобладает светское мировоззрение.

Однако в условиях постсоветского религиозного подъема уже наметилась тенденция, когда религиозная идентичность может преобладать над гражданской идентификацией. И при определенных условиях, например, инструментальном использовании религиозного фактора различными группами, в том числе и во власти, эта тенденция, пока что очень поверхностная, может осложнить интеграцию казахстанского общества на основе общегражданских ценностей. Например, некоторые страны с мусульманским большинством в целях политической мобилизации общества и перехвата инициативы у оппозиционных исламистов стали проводить официальную политику «исламского проектирования». Последствиями такой политики стало замедление развития гражданских самосознания и свобод. В Малайзии, например, рост социальной роли ислама привел к тому, что, по данным социологических опросов (2006 г.), малазийцы прежде всего считают себя мусульманами, а потом уже – представителями своей этнической группы и гражданами государства [8].

В Казахстане, в силу исторических и культурных особенностей его развития, все еще идет противоречивый процесс поиска основ национальной/гражданской консолидации. Хотя в ходе религиозного подъема роль религии в Казахстане выросла, большинство общества едино в том, что она должна ограничиваться сферой частной жизни. К тому же, светский характер государственности закреплен в Конституции. В этом контексте естественный для постсоветского этапа процесс обретения религиозной идентичности служит свидетельством свободы этнокультурного и мировоззренческого выбора. Попытки на этом основании выдвигать религию как способ национальной/гражданской консолидации в современном Казахстане могут привести к обратному результату.

Литература

1. Итоги национальной переписи населения 2009 года. Агентство Республики Казахстан по статистике, 12.11.2010.
2. Там же.
3. *Султангалиева А.К.* «Возвращение ислама» в Казахстан. – Алматы, 2012.
4. Уровень религиозности казахстанского общества, по результатам социологического исследования Института политических решений. – Алматы, 2008–2010 гг.; Казахстанцы и религия – отношение к религии. По результатам социологического исследования Института политических решений, география опроса – 14 областных центров, города Астана и Алматы, кол-во респондентов – 2302. *Жусупов.* – С. 463.
5. *Allen J. Frank.* Popular Islamic Literature In Kazakhstan. An Annotated Bibliography. Dunwoody Press. 2007.
6. *Olivier Roy.* Holy Ignorance: When Religion and Culture Part Ways. 2010. – P. 305.; *Muriel Atkin.* Religious, National and other Identities in Central Asia // Muslims in Central Asia: expressions of identity and change. Ed. By Jo-Ann Cross. 1992. – P. 46–72.
7. *Maria Elisabeth Louw.* Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia. – Routledge, 2007.
8. *Furlow, Christopher A.* Malaysian Modernities: Cultural Politics and the Construction of Muslim Technoscientific Identities // *Anthropological Quarterly*; 2009. Vol. 82, Issue 1. – P.197–228.

РЕЗЕРВЫ И РИСКИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

(по результатам мониторинга «Социальные настроения
в крупных городах Казахстана» за 2012 г.)

Мадина Нурғалиева

В последние годы тема межэтнической стабильности прочно вошла в топ-рейтинг общественных и исследовательских тем. При этом она по-прежнему сохраняет свою остроту и актуальность.

Надо признать, что за это время (годы независимости) народ Казахстана, публично провозглашая свое единство и консолидированность, пока еще не стал в полной мере монолитной нацией с общими ценностями и установками, еще не преодолел парадоксы восприятия гражданского и этнического, казахстанского и казахского статусов. Межэтническая стабильность же в большинстве случаев выступает, или, по крайней мере, признается в общественной и экспертной среде как важнейшая основа внутренней безопасности государства.

В широком смысле, стабильность понимается как способность системы функционировать, не изменяя собственную структуру, и находиться в равновесии. Разница между стабильностью и устойчивостью заключается в том, что последняя представляет собой способность системы сохранять текущее состояние при наличии внешних воздействий.

Вопрос состоит в том, можем ли мы в полной мере говорить о межэтнической стабильности в Казахстане и, более того, о межэтнической устойчивости? Надо заметить, что, если термин «межэтническая стабильность» является состоявшимся и даже укрепившимся в научной литературе и СМИ, то понятие «устойчивость» в общественно-политическом дискурсе, касающемся сферы межэтнических отношений, практически не употребляется либо отсутствует.

Взаимоотношения между этносами определенным образом взаимосвязаны с процессами идентификации. Национальная и этническая идентичности являются элементами комплексной самоидентификации индивидов, но в современных условиях этнос и нация становятся более «размытыми». По мнению В. А. Тишкова, «...большинство из этих категорий с научной точки зрения уязвимы или просто бессмысленны, а с общественно-политической точки зрения порождают тупиковые стратегии и дезориентирующее насилие повседневного сознания граждан» [1]. Более близкой нам представляется точка зрения С.Е. Рыбакова, который считает, что «различие между этносом и нацией на уровне личности обусловлено разной природой этих феноменов – естественной у этносов и в определенном смысле искусственной у нации» [2]. В этом плане нация выступает как более символическая (сформированная) социальная структура, которая проявляется в ощущении принадлежности личности или коллектива к конкретному сообществу, гражданам данного государства.

В Казахстане сложный и многоуровневый процесс идентификации сопровождается:

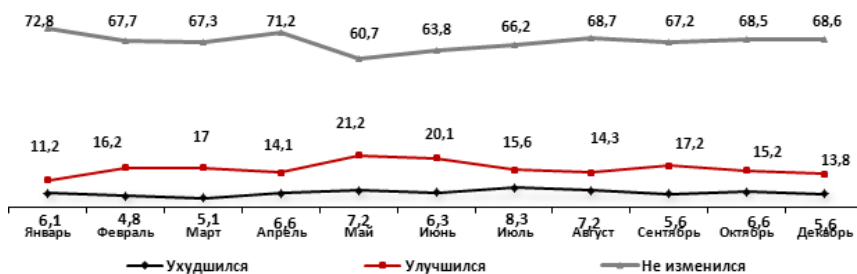
- разногласиями в интеллектуальной среде и отсутствием четких трактовок и пониманий феноменов этничности, гражданственности, национальной идентичности и т. д.;
- трансформацией форматов обсуждения вопросов национальной идентичности от публичного и конструктивного диалога мнений до общественных противостояний, радикальных споров, включая личную (персонифицированную) неприязнь;
- переходом конструирования национальной идентичности из общественно-культурной сферы в политическое пространство. Одним из инструментов этого перехода стало вычленение социальной группы, считающей себя национал-патриотами, и противопоставление их позиций и мнений в национальных вопросах всему казахстанскому социуму;
- сменой этнополитической риторики с этнокультурных аспектов в этноэкономическую плоскость;
- формированием виртуальной борьбы по национальным и языковым вопросам в популярных социальных сетях;

- ухудшением межэтнических отношений, ростом этноконфликтных настроений и ожиданий межэтнического конфликта (на основе эмпирических данных).

На последнем тезисе остановимся более подробно. Ежемесячный мониторинг «Социальные настроения в крупных городах Казахстана», который на регулярной основе проводит Институт политических решений, позволяет отслеживать ситуацию в стране в ее динамике.*

В целом, характеристику межэтнических отношений в Казахстане всегда было принято считать благополучной, более того, межэтническое согласие и диалог культур, высокая степень толерантности – это предмет гордости страны, ее достижение, признанное мировым сообществом. Однако, нам представляется, что ситуация в сфере межэтнического взаимодействия не столь благополучная, имеются и некоторые «шероховатости» (график 1).

График 1

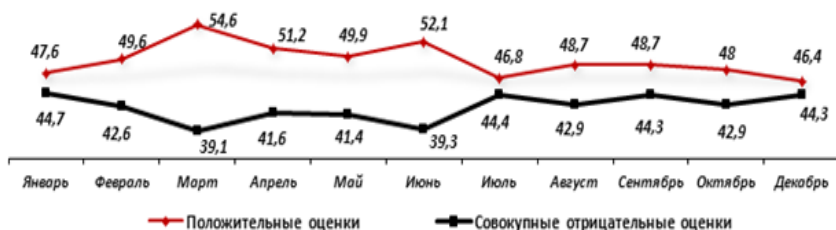

Динамика показателей оценок межэтнического климата, %

* Массовый опрос в 14 областных центрах и гг. Астана и Алматы осуществлялся с использованием стандартизированной раздаточной анкеты на казахском и русском языках методом Face-to-Face по месту жительства респондентов. Была разработана многоступенчатая территориальная случайная выборка с группировкой городов в географические регионы. Отбор домохозяйств проводился случайным маршрутным методом с 5-кратным шагом отбора. Размер выборки – 2312 человек. Статистическая погрешность $\pm 1\%$. Выборка распределялась пропорционально численности населения городов в общей численности городского населения республики // <http://www.ipr.kz/projects/2/1/82>

Судя по результатам замера, доминантное большинство участников опроса отмечают стабильность динамики межэтнических отношений, лишь каждый 7-й указывает на улучшение, а каждый 18-й – на ухудшение. Наиболее чувствительны к позитивным изменениям – жители восточной части страны и г. Алматы; к негативным – жители центра и алматинцы (график 2).

График 2

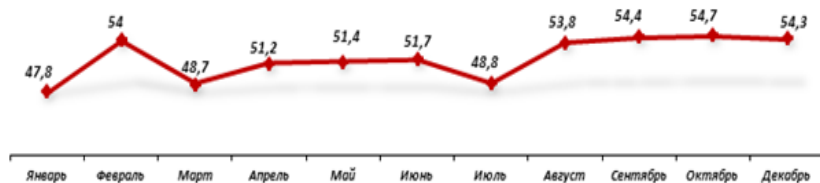

Динамика показателей положительных и совокупных отрицательных оценок межэтнических отношений, %

Характеристика межэтнических отношений в целом – неоднозначная, поскольку показатели положительной оценки («отношения дружественные, нет никаких проблем») и совокупной отрицательной оценки («отношений нет, интересы не пересекаются», «отношения натянутые, существует скрытая напряженность», «отношения напряженные, часто возникают конфликтные ситуации», «открытая вражда») находятся в сопоставимых пределах. Негативные оценки преобладают в Астане, в центре и на юге республики; в разрезе этнических групп – среди представителей других национальностей (не казахи и не русские).

Ожидания конфликта на межэтнической почве и декларируемая готовность горожан к участию в нем демонстрируют достаточно высокие показатели (график 3).

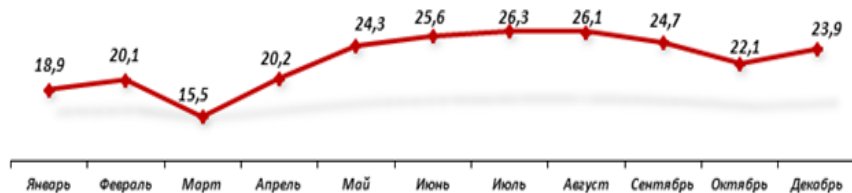
График 3

Динамика показателей этноконфликтного потенциала, %

Среднегодовой показатель этноконфликтных настроений – 51,9%. На региональном уровне контрасты более заметны: максимальные показатели декларируемой готовности к участию в этноконфликте зафиксированы в Астане (71,8%) и в центре (71%). Среди обследованных этнических групп наиболее высокий показатель готовности к участию в этническом конфликте – среди представителей других этносов (55,5%) (график 4).

График 4

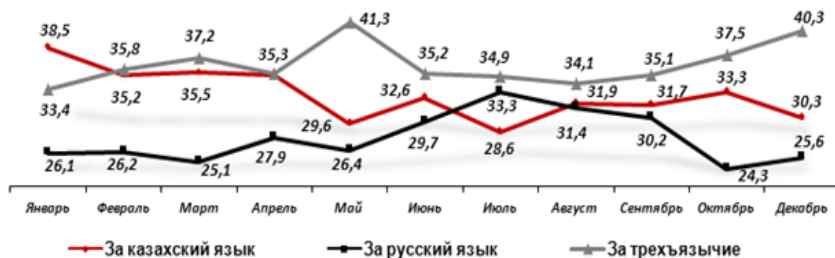

Динамика ожиданий межэтнического конфликта, %

Совокупный удельный вес респондентов, отрицающих вероятность открытого межэтнического конфликта – 59,1% (по данным за декабрь 2012 г., затруднились ответить). Как вполне реальную, вероятность возникновения межэтнического конфликта рассматривают в большинстве своем жители центра и астанчане.

Языковой вопрос и предпочтения модели нациестроительства также оказывают влияние на характер и стабильность межэтнических отношений в нашей стране. Усилившееся внимание общественности к языковому вопросу и даже некая политизация этой темы, включая предстоящий переход казахского алфавита с кириллицы на латиницу и споры вокруг этого, существенно отразились на результатах социологического исследования и выразились в широком разбросе мнений и больших колебаниях в ответах респондентов (график 5).

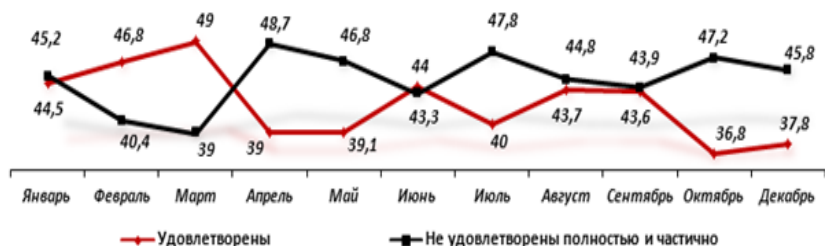
График 5

Динамика этноязыковых предпочтений городского населения, %

Стабильно растет популярность политики трехязычия, в развитии которого заинтересованы в большей степени астанчане и респонденты востока, а также представители других этнических групп. Второе по популярности языковое направление – интенсивное развитие казахского языка и его повсеместное внедрение как на официальном, так и на бытовом уровнях, поддерживают преимущественно в крупных городах западного и южного регионов республики. За сохранение русского языка наряду с казахским в качестве языка межнационального общения в региональном срезе чаще других выступают опрошенные жители центра; в этническом – русские (график 6).

График 6

Динамика степени удовлетворенности этнокультурной и языковой политикой государства, %

Доля горожан, выражающих полное и частичное недовольство проводимой государством этнокультурной и языковой политикой, превышает долю тех, кто придерживается противоположного мнения. В региональном срезе недовольство в большей степени превалирует среди алматинцев, жителей центра и южан (55,5, 54,8 и 51,5%, соответственно); в этническом – среди представителей других (не казахской и не русской) национальностей.

Приоритеты нациестроительства среди горожан достаточно устойчивы в общегодовой динамике и демонстрируют стабильные показатели (график 7).

График 7

Динамика приоритетов нациестроительства, %

В своем доминантном большинстве жители крупных городов остаются приверженцами политической модели нациестроительства. Позицию этноцентризма разделяют в совокупности более трети опрошенных. Первых в 1,6 раза больше, чем вторых (по результатам, полученным в декабре 2012 г.). В разрезе регионов активнее всего гражданскую модель поддерживают респонденты востока и севера; этническую – жители запада, юга и Астаны.

Важно отметить, что в этническом срезе, а именно в группе казахов показатели предпочтений гражданской и этнической общности различаются незначительно: за гражданскую модель высказались 44,6% опрошенных, за этническую – 50%, что косвенно свидетельствует о разделении казахов на 2 субэтнические группы с различными внутренними установками и ценностями.

Подводя итоги, можно отметить, что благополучная ситуация в сфере межэтнических отношений, с одной стороны, имеет риски, которые выражаются в высоком этноконфликтном потенциале, высоком уровне ожиданий межэтнического конфликта в регионах проживания, высокой степени полной или частичной неудовлетворенности культурных и языковых потребностей респондентов. С другой стороны, имеется и достаточно высокий запас прочности, своеобразный резерв, на который можно опереться в случае дестабилизации межэтнических отношений. Его необходимо постоянно укреплять, несмотря на то, что, как показывает мировая практика, от декларируемой готовности к участию в межэтническом конфликте до реального участия респондента в конфликтных ситуациях «дистанция» достаточно длинная.

Краткие выводы и рекомендации можно представить в следующем виде:

- Ситуация в Казахстане в сфере межэтнических отношений – проблемная, требующая принятия и реализации оперативных «точечных», а также решений стратегического характера.

- Несмотря на тревожные показатели по основным ключевым индикаторам межэтнической ситуации, можно говорить о том, что определенный «запас прочности» (резерв) в стране имеется. С одной стороны, фиксируется нарастание социальной напряженности в сфере межэтнических отношений и языковой

политики; трансформация латентной формы недовольства в более открытую, а, с другой – переход протестных настроений от декларативного формата в деятельный (реализация заявленных потенциальных моделей поведения и действий) занимает определенный (длительный) промежуток времени и требует значимого социального «толчка». В настоящее время в Казахстане подобные стимулы (мотивации) отсутствуют.

- Ключевым моментом государственной стратегии нацестроительства должно стать усиление активности власти в идеологической сфере, заполнение идеологических пробелов, формирование устойчивых, позитивных и воспринимаемых всем населением (без исключения) идеологем.

- Одним из механизмов решения может стать формирование Агентства по национальному строительству и межэтническим отношениям (с учетом опыта работы Агентства по делам религий), а также разработка Стратегии национальной политики на основе консультаций с лидерами этнокультурных объединений, партий, НПО (см. рекомендации ИПР на основе Индекса межэтнической напряженности [3]).

Литература

1. *Тишков В.А.* О нации и национализме. Политические заметки // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С. 34.

2. *Рыбаков С.Е.* Анатомия этнической деструктивности. 1. Два облика национализма // Вестник МГУ. – Серия 18. Политология и социология. – 2001. – № 3. – С. 36.

3. <http://www.ipr.kz/projects/3>

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҰЛТТЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРДІ КӨРСЕТУДЕГІ ҚАЗАҚТІЛДІ ЖӘНЕ ОРЫСТІЛДІ БАҚ АРАСЫНДАҒЫ ТАҚЫРЫПТЫҚ АЙЫРМАШЫЛЫҚТАР

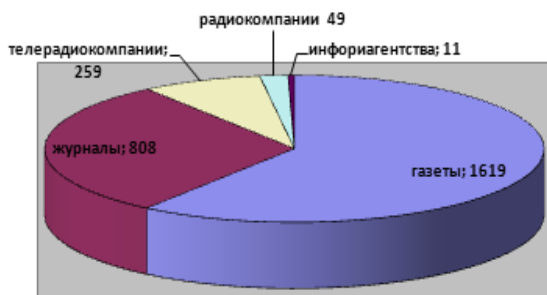
Құбаиш Меңдіғалиев

Қазақстан тәуелсіздік алып, демократияға бет бұрған кезде бұқаралық ақпарат құралдарының рөлі өзгерді. «Қазақстан Республикасының бұқаралық ақпарат құралдары туралы» заңында цензураны біржола алып тастап, баспасөздің дамуына қолайлы жағдай жасап отыр. Оған дәлел Қазақстанда ай сайын 20–30 бұқаралық ақпарат құралдары тіркеліп, ашылып отырады.

Қазіргі уақытта республикамызда бұқаралық ақпарат құралдарының 2 695 бірлігі жұмыс атқарады, оның ішінде мемлекеттік – 436 (16 %), мемлекеттік емес – 2 259 (84 %).

Қазақ тілді БАҚ үлесі қолданыстағы БАҚ жалпы санынан 19,1% құрайды, орыс тілді – 33,4%, бұқаралық ақпараттық құралдары қазақ және орыс тілдерінде 35% (таратылады) басылады, 12,5% – қазақ, орыс және басқа да тілдерде. Бұл ретте осы үлестер соңғы үш жыл бойы іс жүзінде өзгеріссіз қалып отырғанын атап өтуге тиіспіз. Барлық 2427 баспадан 1619 газет есептеледі, оның ішінде мемлекеттік 328, және 1–291 – мемлекеттік емес. Қазақ тілінде басылатын 437 газет, орыс және басқа тілдерде – 587, қазақша және орысша – 479, қазақ, орыс және басқа тілдерде – 116. Журналдардың жалпы саны – 808, 172 журнал – мемлекеттік, 636 – мемлекеттік емес. Шығарылатын журналдардың жалпы саны орыс тілінде (304 ж.), қазақ және орыс тілдерінде – 237, қазақ, орыс және басқа тілдерде – 162, қазақ тілінде – 105.

Қазақстандағы бұқаралық ақпараттық құралдарының саны

Қазақстанда 259 электрондық БАҚ әрекет етеді, оның ішіндегі – 52 (мемлекеттік – 11, мемлекеттік емес – 41, эфирге қазақ және орыс тілдерінде шығады), радиокөпманиялар – 49 (мемлекеттік – 5, мемлекеттік емес – 44, эфирге қазақ және орыс тілдерінде шығады), кабелді телевизия операторлары – 152, спутниктік хабар тарату операторлары – 6 (мемлекеттік – 1, мемлекеттік емес – 5). Ақпараттық агенттіктердің жалпы санынан 10 мемлекеттік емес, 1 – мемлекеттік. Ақпараттық агенттіктердің ақпаратты тарататындардың саны орыс тілінде – 3, қазақ және орыс тілдерінде – 3, қазақша, орысша және басқа тілдерде – 5.

Сонымен бірге, халықтың сұранысына байланысты қазақ тілінде шығарылатын басылымдардың бет алысы өскендігі байқалады, ол халықтың сұранысында талап етілуімен байланысты. Мемлекеттік емес БАҚ сегменті республиканың ақпараттық рыногында басты болды, оның үлесі 85% құрайды. Айтарлықтай тақырыптық сараланған ақпарат алаңында ірі медиа-компаниялар құрылды және жұмыс жасайды. Мазмұны жағынан Қазақстанның медиа кеңістігіндегі мерзімді басылымдардың жартысына жуығы – ақпараттық, ал қоғамдық-саяси басылымдар – 16 пайыз, ғылыми басылымдар – 9 пайыз, жарнамалық басылымдар – 10,5 пайыз, діни, балаларға, жастарға және әйелдерге арналған басылымдардың жиынтығы – 4 пайызға жуық.

Жалпы айтқанда елдегі қазақтілді және орыстілді БАҚ-тың сандық теңсіздігі және оның таралымындағы айырмашылықтар депутаттардың алаңдаушылығын туғызды. ҚР Парламенті Мәжілісінің депутаты Қуаныш Сұлтанов осыған қатысты Үкімет басшысының атына депутаттық сауал жолдаған болатын. «Елімізде тіркелген 2783 басылымның 574-і ғана қазақ тілінде. Дәл осы кезеңде біздің киоскілер арқылы бұқараға ресейлік 1025 газеттер мен журналдар, яғни біздің мемлекеттік тілімізде шығатын баспа өнімдерінен екі есе артық өнімдер таратылады және олардың басым көпшілігі біздің болмысымызға мүддем жат басылымдар екенін ешкімге дәлелдеп жатудың қажеті де бола қоймас. Олармен шарт жасасқан «ҚазПресс», «Қазпошта» басылымдардың мазмұнына қарап жатқан жоқ» деді. Бұл Қазақстанның ақпараттық алаңындағы күрделі мәселе болып қалып отыр [1].

Отандық БАҚ-тағы идеялық бірлік мәселелері

Мемлекеттік органдар мен БАҚ-тың өзара үйлесімді қатынасы – елдің демократиялық дамуын айғақтайтын көрсеткіш. Ал бұл ұлттық қауіпсіздік пен ұлттық мүддені сақтаудың кепілі болмақ. Транзитті елдерде БАҚ қоғамның жаңа саяси мәдениетін қалыптастырушы басты фактор, қоғамдық пікірдің қозғаушы күші саналады. Мәселенің байыбына бармас бұрын ұлттық мүддеміз қайсы дегенге айналып соққанымыз артық бола қоймас. Ұлттық мүдде дегеніміз не? Ұлттық мүдде – сол ұлттың өзіне тән халықтық рухани-мәдени және материалдық құндылықтарын сақтай отырып, ұлттың ілгері дамуын, өмір сүруін қамтамасыз етуді көздейтін негізгі нысаналы ортақ мақсат. Ұлттық мүддені қызғыштай қорғау мемлекет пен халықтың ең басты мұраты, бірінші кезектегі мәселесі болуға тиіс.

Ұлттық идея кез келген қақтығыс пен қарама-қайшылықтың алаңына айналмауы тиіс, яғни ұлттық идеяның мәні мен мазмұнын, ең алдымен, ыдыратушылық емес, керісінше біріктірушілік, топтастырушылық пен ұйыстырушылық құрайды. Тағы бір ескеретініміз, ұлттық идеяны жай ғана ойлап табу мүмкін емес және белгілі бір әлеуметтік, саяси

және мәдени кеңістікте қалыптасқан әрі өрбіген ұлттық идея кездейсоқ құбылыс емес. Бұқаралық ақпарат құралдарында сонау көнетүркі және түркі дәуірлерінен бергі қазақ мемлекеттілігі кезеңдерін қамтыған ел мен жердің бірлігін білдіретін «Атамекен», «Өтікен», «Ергенеқон», «Жиделі-Байсын», «Қайырымды қала», «Еділ мен Жайық», «Жерұйық» идеялары мен «еділшілдік», «тұраншылдық», «түркішілдік», «оғызшылдық», «шыңғышылдық», «ноғайшылдық», «Алаш», «Қазақ» идеологияларынан қазақ даласындағы ұлттық идеяның эволюциясын байқауға болады. Ал кейінгі отаршылдық пен тоталитаризм дәуірінде алдыңғы қатарға азаттық, еркіндік, тәуелсіздік мәселелері шықты.

Тәуелсіздікке қол жеткізген Қазақстанның көпэтносты қоғамында әлеуметтік өмір талабынан туындаған «Қазақстан – біздің ортақ үйіміз» идеясы көтерілді. Дегенмен Қазақстанға ұлттық идея керек пе, әлде жалпыұлттық идея керек пе деген пікірталас әлі күнге толастаған емес. Бұл қоғамдық пікірсайыстың бір жағында ұлт пен ұлтжандылықтың «этно-мәдени тұжырымы» тұрса, екінші жағын жалпы қазақстандық ұлт қалыптастыруға бағытталған «саяси-азаматтық көзқарас» құрайды. Бұл қарама-қарсылық таяуда «Ел бірлігі» доктринасын қабылдауда айқын көрініс тапты [2]. Елімізде анағұрлым кең интеграцияны білдіретін «еуразияшылдық» идеясы да кеңінен талқыланды. Сондай-ақ қоғамның идеялық шоғырлануына септігін тигізетін әлеуметтік-экономикалық сипаттағы «Қазақстан-2030» стратегиясы, «Әлемнің бәсекеге қабілетті 50 елінің санатына ену», «Зияткерлік ұлт қалыптастыру», «үш тұғырлы тіл» идеялары да соңғы кездері ресми билік тарапынан да, бейресми ұйымдар тарапынан да қызу пікірталастар тудырды.

Қазақстанның ақпараттық қоғамының дамуының стратегиялық принциптері мемлекеттік ұлттық идеясының негізінде анықталуы керек. Мемлекеттік ағза мен ұлттық мәдени қоғамдастықты топтастыру үшін ұлттық идея жобасын қарастыру өзекті мәселеге айналды. Сонда ғана Қазақстанда ақпараттық тұтастық сақталады. Қазақстан Республикасының

ақпараттық тұтастығын қамтамасыз етуде бұқаралық ақпарат құралдарының идеялық бірлігінің маңызы зор. Идеялық бірлікті нығайтуда ұлттық идея мен бұқаралық ақпарат құралдарының өзара әрекеттестігін зерттеу қажет

Қазіргі жаһандану кезеңінде бұқаралық ақпарат құралдарының басты міндеті – қоғамдық пікір мен азаматтық келісімнің орталығы болу. Бұқаралық ақпарат құралдары қоғамды қалыптастыруда тұтас ұлт пен жеке адамдардың ұлттық сұранысын бір-біріне қарама-қайшы келмейтіндей етіп қамтамасыз етуге тиіс. Қазақстан Республикасының ұлттық идеясының негізі ретінде бәсекелестікте даму стратегиясы таңдалып алынды. Қазіргі Қазақстан үшін идеялық бірлік нақты үлгісі және оның саяси және мәдени өміріндегі ең бір қиын да күрделі мәселелердің бірі болып отыр. Елбасы Н. Назарбаев «Тарих толқынында» атты еңбегінде бұл мәселені шешуде екі деңгейлі көзқарас керектігін айтады және бұл бүгінгі күні де өзінің өзектілігін сақтап отыр. Оның алғашқысы «азаматтық әрі саяси бірлікті қазақстандықтарда қалыптасқан саяси құндылықтарды басым тетікке айналдыру арқылы қалыптастыру... Оның мәні – өзіміздің азаматтық саяси тағдырымызды барша азаматтардың тағдырымен бірдей дәрежеде қорғайтын Қазақстан мемлекетімен ұштастыруда жатыр. Бұл – біздің бірлігіміз бен орнықтылығымыздың іргетасы. Бірегейліктің екінші деңгейі қазақтардың өздерінің ұлттық бірегейлігіне байланысты... Бұл қазақтың ұлт ретінде өзін өзі түсінуі мен рухани өрістерін анықтау мәселесімен байланысты» [3].

Жалпы отандық және шетелдік өнімдердің сандық және сапалық тепе-теңдігі сақталмай отырғанын атап өту керек. Шетелдік телеөнімдер қазақстандық телеөнімдерге қарағанда бәсекеге қабілетті сипатын байқатады. Іс жүзінде Қазақстан азаматтарының үштен бірінің ақпаратты сыртқы көздерін алуды қалайтыны Қазақстанның ақпараттық-идеологиялық саласындағы күрделі мәселелердің бірі болып отыр.

Телевидение қазақстандықтар үшін анағұрлым танымал ақпарат көзі болып табылады (респонденттердің 0,3% ғана

теледидар қарамайтынын білдірді). Көрермен аудиториясын жаулап алу жөнінен бірінші орында республикалық телеарналар (97,7%) алады, одан әрі жергілікті телеарналар (62,8%) және шетелдік телеарналар (55,3%) құрайды. Алайда бұл картина шынайы өмірдегі құбылыстарды айқындап бермейді. Шетелдік телеарналардың ішінде ресейлік арналардың ықпалы өте жоғары.

- НТВ (88,6%);
- Первый канал СНГ (64,1%);
- Россия (55,5%);
- REN TV (54,2%).

Ресейлік телеарналардың ықпалының жоғары болуының себебі орыс тілінің күшті позициясымен және оның лексикалық кең таралуымен түсіндіруге болады.

Отандық телеарналардың рейтингі төмендегідей көрініс береді.

- «ОРТ Евразия» (81,3% көреді, 47,6% сенеді);
- «Хабар» (76,7% көреді, 40,6% сенеді);
- «КТК» (74,4% көреді, 40,2% сенеді);
- «Қазақстан» телеарнасы (62,1% көреді, 26,4% сенеді);
- «31 канал» (54,2% көреді, 16,7% сенеді);
- «Ел арна» (51,4% көреді, 13,7% сенеді).

Ал өзге Хит ТВ, СТВ, НТК, 7 канал, Таң телеарналары өте төменгі деңгейді көрсетті.

Қазақстан Республикасындағы бұқаралық ақпарат құралдары арасындағы баспасөз танымалдық жағынан екінші орында келеді, респонденттердің 84,3% газет-журнал оқиды. Қазақстандықтардың көбі республикалық газеттерді (81%) және жергілікті басылымдарды (80,2%) оқиды. Шетелдік басылымдарды (29,9%) оқитыны белгілі болды. Дегенмен халықтың (17,8%) газет-журналдарды оқымайды. Қазақстан баспасөзін оқылымына қарай лидер және «екінші эшелон» деп 2 категорияға жіктеуге болады. Лидерлердің қатарына орыс тіліндегі басылымдар жатады:

- «Караван» (40,2%);
- «Аргументы и факты» (36,7%);

- «Казахстанская правда» (29,4%);
- «Комсомольская правда» (20,1%).

«Екінші эшелонға» жататын газеттер ретінде «Свобода слова» (17,1%); «Егемен Қазақстан» (16,4%); «Время» (16,3%); «Мегаполис» (9,7%); «Экспресс К» (9,1%); «Взгляд» (6,6%); «Жас Алаш» (5,8%) аталды. Ал қалған газеттер: «Айқын», «Панорама», «Республика», «Астана», «Известия», «Правда Казахстана», «Ана тілі», «Деловая неделя», «Деловой Казахстанды» халықтың 5 пайызы да оқымайды. Бұл картинадан оқылымы жағынан орыс тілді басылымдарға қарағанда қазақ тілді басылымдардың төмендігін көреміз. Қазақ тілді басылымдардың рейтингі былайша жалғасады: «Егемен Қазақстан» (26,8%), «Жас Алаш» (10%), «Айқын» (8,1%), «Ана тілі» (6,2%); «Қазақ әдебиеті» (4%), «Үш қиян» (3,7%), «Жас қазақ» (3,2%), «Қазақстан ZAMAN» (2,8%).

Радионы респонденттердің 74,2% тыңдайды. Олардың көбі жастар. Ең танымал радио қатарында «Европа плюс Казахстан», «Русское радио», «Радио NS» және «Қазақ радиосы» аталды.

Жоғарыдағы деректерден шығатын қорытынды қазақ тілді және орыс тілді бұқаралық ақпарат құралдары арасындағы сапалық айырмашылық күшейген. Алдағы уақытта бұл сапалық айырмашылық әлі де күшейе береді деп болжауға тура келеді. Қазақстанда дәл қазіргі кезде параллельді түрде қазақ тілді және орыс тілді қоғамдық-саяси дискурс қалыптасқан, бұл Қазақстан халқының консолидациясына нұқсан келтіруі ықтимал [4].

Жүйелі ақпараттық-идеологиялық жұмыстардың әлсіздігінен полярлық жіктелістер: батыстық (яғни, демократия, либерализация, нарық) және патриотизм, радикализм мен консерватизм пайда болды. Жоғарыда келтірілген деректерден көріп отырғанымыздай, өкінішке қарай, ақпараттық кеңістігімізде шетелдік медиа өнім үстем, ал отандық өнімнің бәсекеге қабілеттілігі төмен болып тұр.

Қазақстандық БАҚ-тың қоғамға ықпал етуінде екі бағыт бар:

1. Қазақ тілді бұқаралық ақпарат құралдарының балама ұлттық идеясы: түркі одағы, көк бөрі, Алаш идеясы, Түркістан, латын графикасы, қазақ тілі, «Атамекен», «Өтікен», «Ергенеқон», «Жиделі-Байсын», «Қайырымды қала», «Еділ мен Жайық», «Жерұйық» идеялары мен «еділшілдік», «тұраншылдық», «түркішілдік», «оғызшылдық», «шыңғысшылдық», «ноғайшылдық», «Алаш», «Қазақ» және т. б. бұлар жинақталып қазақ идеясын құрайды.

2. Орыстілді мемлекеттік идея: Астана, Азия барысы, бәсекеге қабілеттілік, Еуразия идеясы және т.б. барлығы қазақстандық идеяға негіз болады.

Қазіргі Қазақстанның ақпараттық кеңістігінде осы екі идеяның арасында бәсеке жүріп жатыр.

Қазақстандық идеяның қайнар көзі: жоғары ресми органдар, орыстілді БАҚ, орыстілді интеллигенция. Қазақстандық идея жоғарыдан ұсынылады.

Қазақ идеясының қайнар көзі: қазақтілді интеллигенция, қазақтілді БАҚ, ауыл, сырттағы қандас ағайын. Қазақ идеясы төменнен ұсынылады. Екі идея бір-біріне қарама-қайшы бағытта ұсынылып, бәсекелестікке түседі. Алайда соның кесірінен әлі күнге қоғамды ұйытып, халықтың моральдық құндылықтарын үстем ететін ортақ идеология болмай тұр.

Қазақтілді басылымдардың атауы ұлттық символикалық болып келеді. Мәселен «Жас Алаш», «Жас Қазақ», «Егемен Қазақстан», «Жас қазақ үні», «Алаш айнасы», «Ана тілі», «Түркістан», «Ұлт Таймс», «Үш қиян», «Алтын Орда», «Намыс кз» журналы және т. б.

Орыстілді басылымдар атауы: «Время», «Мегаполис», «Экспресс К», «Взгляд», «Панорама», «Известия», «Деловая неделя», «Деловой Казахстан» және т. б.

Принципті қайшылықтар:

Қазақ тілді БАҚ – мемлекеттік тілдің, яғни қазақ тілінің позициясының өз мәртебесіне лайық болғанын қалайды. Мемлекеттік тілдің жоқтаушысы.

Орыстілді БАҚ – орыс тілінің үстем позициясын қорғайды, проресейлік мүддеге жақын.

Идеялық қайшылықтар туғызған тақырыптар:

1. «Ел бірлігі» Доктринасы, қазақ тілінің мәртебесі;
2. 138 адам зиялы қауым өкілі қолған «138-дің» хаты;
3. Павлодарды Кереку, Петропавлды Қызылжар деп атауға байланысты тартыс;
4. Алматы «Алма-Ата» атау туралы дау;
5. Мұстафа Шоқайды фашист деп атау;
6. Кенесары ханды қарақшы деп бағалауы;
7. Үштұғырлы тіл.

ҰСЫНЫСТАР:

1. БАҚ-та ақпараттық дуализмге жол бермеу керек, ертең қоғамды поляризацияға әкеліп соғады. Үкімет мемлекеттік тапсырыстарды берген кезде бірдей тақырыптарды көтеруді қадағалауы қажет.

2. Ақпарат саясатында бірыңғай БАҚ пен билік арасында мемлекеттік көзқарасты нақтылау қажет. Өйткені, биліктің кейбір шешімдері халық, БАҚ тарапынан түсініспеушілік туғызады.

3. Отандық ақпарат саласының бәсекеге қабілеттілігін арттырған жөн. Кем дегенде екі-үш нағыз ұлттық бағытта хабар тарататын телеарналар ашу керек.

4. Мемлекеттік қызметтерді ұсыну үдерісін автоматтандыру, электрондық үкіметтің ақпараттық жүйелеріне техникалық сүйемелдеу және жаңа бәсекеге қабілетті деңгейдегі ұлттық IT-мамандарын дамыту.

Әдебиеттер

1. http://www.aikyn.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=19947

2. *Төлепбергенов Б.К.* Қазақстандағы ұлттық идеяның рухани-адамгершілік негіздері (әлеуметтік-философиялық талдау) философия ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авторефераты. – Алматы, 2010. – 3 б.

3. *Назарбаев Н.* Тарих толқынында. – Алматы: Атамұра, 1999. – 191–192 бб.

4. <http://www.sarap.kz/rus/view.php?id=403&page=1&sarap=245de9a13dc62a73cbd3ae6881bc892d>

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Выступление Н.Р. Жотабаева:

Уважаемые участники круглого стола! С большим вниманием прослушал доклады по столь серьезной теме. Считаю, что они были насыщены интересными данными, примерами, выводами и предложениями. Профессор Р.К. Кадыржанов в своем докладе подробно рассказал о некоторых аспектах национальной консолидации народов Казахстана, о насущных проблемах межнациональных отношений в республике.

Следует отметить, что область межнациональных отношений – материя чрезвычайно тонкая и сложная. Она может в любой момент закипеть и долго сохранять взрывной потенциал, ведь эта проблема охватывает все сферы общественной жизни. Ее надо рассматривать в прямой зависимости от состояния экономической, социальной и политической жизни страны, от уровня нравственности, духовности, общей культуры и образования.

Республика Казахстан – государство полиэтничное. Поэтому при выработке общенациональной, общегосударственной политики необходимо учитывать все аспекты общественной жизни и интересы всех этнических групп республики.

Известно, что в нынешних условиях происходит быстрый рост национального самосознания. А это означает, прежде всего, осознание народом своего общественного положения, своих интересов, своих духовных и культурных ценностей, национальных чувств и т. д. Это – нормальное и закономерное явление. Истинные национальные чувства, скажем, гордость за свою культуру, язык, традиции, ни в коей мере не порождают пренебрежения к другим национальностям. Национальное самосознание – необходимый элемент национального возрождения любого народа, любой нации.

В соответствии с Декларацией о независимости и Конституцией, наша республика развивается именно на основе согласия и консолидации всех этносов, живущих в Казахстане. Тем не менее, негативные проявления в межнациональных отношениях име-

ют место и в нашей стране. На наш взгляд, эти процессы происходят, когда люди теряют ответственность, начинают проявлять самолюбование, самовосхваление, неуважение к другим нациям, т. е. национальное самосознание превращается в националистическое. Значимую ценность в таких случаях обретает только собственная национальность, а все остальное становится чужим.

В этой связи, вспоминается эпизод в процессе обсуждения и принятия Закона о независимости на сессии Верховного Совета Казахской ССР 12 созыва. Противники этого законопроекта задавали такие вопросы: «От кого и от чего мы собираемся объявить себя независимыми? Не пытаемся ли мы создать казахскую империю? Если будет принят этот закон, то русскоязычное население может оказаться в чужом государстве». Большинство народных депутатов были шокированы такими нелепыми и некорректными вопросами.

Вот что сказал тогда народный депутат Казахской ССР 12 созыва А.А. Княгинин: «Мы сегодня принимаем Конституционный закон, имеющий историческое значение. ... Хотел бы обратить ваше внимание на то, что первоисточки, корни любого национализма – русского, немецкого, казахского – проходят через борьбу за независимость, через борьбу за свободу своей нации. Это святые чувства. Мы иногда с национализмом путаем борьбу за власть, за кусок хлеба. Поэтому объявление государственной независимости республики – это многовековая мечта казахов. И те, которые не казахи, здесь живущие, не всегда и не все тонко и глубоко чувствуют. Поэтому мы, не казахи, должны относиться к этому святому чувству так, как и положено относиться» /Стеногр. отчет VII-й сессии ВС КазССР 12 созыва, 14.04.1991 г./.

В то время речь шла, прежде всего, о едином народе Казахстана, который образовали казахский народ как государствообразующая нация и представители других народов, проживающих в республике, а независимость страны провозглашалась от имени всего народа.

Защита национальной самобытности, забота о развитии родного языка, культуры и традиций, о сохранении социальной памяти народа – это обязанность каждого человека. Еще в 20-х годах XX столетия выдающийся сын казахского народа

А. Байтурсынов писал: «Мы не должны забывать о том, что только та страна, которая имеет свой язык и литературу, может стать самостоятельной, независимой страной».

К большому сожалению, изучение государственного казахского языка проходит не столь быстрыми темпами, как хотелось. Даже чиновники высокого уровня казахской национальности плохо владеют родным языком, уж не говоря о русскоязычных гражданах. Для пропаганды и внедрения в жизнь государственного языка необходимо больше выпускать качественных учебников, научных трудов, литературы, посвященной славным сынам и дочерям казахского народа, оставившим после себя неизгладимый след в истории, традициям и ценностям казахского народа, переводя их одновременно на русский язык.

Национальная консолидация зависит и от изменений, произошедших в нравственном сознании и поведении людей, от привычек и ценностных установок. Не секрет, что в нашем обществе происходит размывание мировоззренческих и ценностных ориентиров. Многие живут в состоянии своеобразной лениности мыслей. Поверхностное усвоение знаний, внешний блеск умозаключений сейчас стали мерилом интеллектуальности человека любой национальности.

Национальная консолидация, стабильность в обществе связаны не только с нравственными устоями и человеческими ценностями, но и с развитием элемента социальности в экономике. У нас в республике принимаются меры социальной защиты, однако социальная политика еще остается недостаточно эффективной. Ведь с повышением оплаты труда, увеличением пенсий и пособий одновременно происходит рост тарифов на коммунальные и энергетические услуги, цен на товары первой необходимости. Уровень заработной платы остается недостаточным для обеспечения достойной жизни большинства работающего населения страны. До сих пор сохраняется высокая степень дифференциации заработной платы по категориям работников и по регионам республики, имеет место безработица. Подобные явления возникают в условиях не только бесконтрольности в системе оплаты труда и занятости, но и в атмосфере бездуховности, безнравственности.

Социализация экономики предполагает гармонизацию экономических и социальных интересов граждан всех национальностей, являясь важным инструментом повышения благосостояния людей, общественного согласия и национальной консолидации.

Только улучшая коренным образом дела в экономике и социальной сфере, мировоззренческие и нравственные устои, можно усилить консолидацию всех наций, создавая тем самым условия для гармоничного развития межнациональных отношений в республике.

На постсоветском пространстве только в нашей республике создана Ассамблея народа Казахстана, которая, безусловно, играет важную роль в консолидации народов нашей страны. Однако, как мне думается, деятельность Ассамблеи в этом архиважном вопросе все еще недостаточна. Известно, что в республике имели место противоречия в сфере межэтнических отношений и даже межэтнические конфликты вплоть до трагических. Но серьезной научно-экспертной оценки по ним в средствах массовой информации дано не было, общество не услышало предложений по поиску путей разрешения и предупреждения возникших противоречий и конфликтов.

В этой связи, представляется необходимым создание при Ассамблее народов Казахстана консультативно-политического Центра «Национальное согласие». Сформированный на научной и организационной основе Центр имел бы большое значение. Он занимался бы укреплением доверия и согласия между нациями, живущими в республике, изучением международного опыта межнациональных отношений. Созданный Центр мог бы заниматься сбором, анализом и обобщением информации по национальным отношениям. Совместно с Институтом философии, политологии и религиоведения КН МОН РК можно было бы проводить научные исследования по разработке всего комплекса проблем межнациональных отношений в республике, в том числе и по программам прогнозного характера.

Проблема национальной консолидации и в целом межнациональных отношений требует серьезного осмысления ее сущности и очень внимательного, объективного подхода к ней.

Выступление Д.Б. Кыдырбекулы:

Более 20 лет назад Казахстан стал независимым, постепенно интегрируясь в мировое сообщество. Развивается экономика страны, привлекаются иностранные инвестиции, растет благосостояние народа. Однако параллельно с этим наблюдается рост социальных проблем, которые вполне естественны при таком противоречивом и динамичном развитии общества.

В некоторых аспектах Казахстан до сих пор остается зависимым от России. И дело не только в огромной протяженности казахстанско-российской границы, членстве в Таможенном союзе и ОДКБ. И не только в неравноправных отношениях между двумя странами. С юридической точки зрения, отношения вполне равноправные. Но проблема неравноправности лежит не столько в экономической разнице между двумя государствами, сколько во внутренних проблемах этих двух стран.

Одним из факторов давления России является наличие русского населения в Казахстане. Согласно статистике, на момент распада СССР численность русских в Казахстане составляла около 6 млн. 230 тыс. человек, или 38%. Казахи составляли 6 млн. 530 тыс. человек, или 40%. После распада начался процесс выезда ряда этносов на историческую родину. Сейчас русских в Казахстане насчитывается 3 млн. 700 тыс. человек, что составляет 22% против 11 млн. представителей титульного этноса (65%). Русские Казахстана испытывают некоторое отчуждение, как от основного населения страны, так и от России. Часть русских соотечественников до сих пор живет советскими стандартами мышления, поскольку в их сознании родина – не постсоветские Казахстан и Россия, а та страна, которая перестала существовать в 1991 г. В России их зачастую называют «казахами», т. к. они являются выходцами из Казахстана. Но, в то же время, в Казахстане они не желают расставаться со своей идентичностью, выражая свою «русскость» по отношению к казахам. Их настрой таков, что, с одной стороны, они не хотят возвращения на историческую ро-

дину, а, с другой – ждут помощи от Российской Федерации, т. к. считают себя частью России и российской культуры.

Другая часть русских соотечественников намного более толерантно и гибко относится к вопросу об интеграции в казахстанское общество, ибо они осознают себя частью Казахстана и проявляют патриотизм в не меньшей мере, чем представители титульного этноса. Они ищут всевозможные пути изучения и освоения государственного языка, а если такой необходимости не видят, то вполне удовлетворяются добрососедскими отношениями. И при этом они не против именовать себя «казахами» в гражданском смысле. Ведь менталитет казахстанских русских и других народов претерпел изменения под немалым влиянием местного казахского менталитета.

Россия и Казахстан имеют общее историческое прошлое, оставшееся в наследство от СССР и Российской империи. В то же время, менталитет казахстанцев и россиян уже значительно отличается. Российское общество более либерально, а в Казахстане проявляется склонность к консерватизму. В Казахстане постепенно формируется стремление к конкурентности, благожелательное или нейтральное отношение к богатым, в то время как в России проявляется фактор неприятия, неблагосклонности к росту богатства соседа. В России толерантности становится меньше, чем в Казахстане.

Хотя существует пропасть между экономическим и духовным развитием в Казахстане, тем не менее, эти процессы протекают параллельно. Если экономический рост способствует материальному росту благосостояния, то духовное развитие направлено на воспитание нового поколения в преодолении советских стереотипов мышления и поведения. Это, прежде всего, возврат к традиционным национальным и религиозным ценностям. В то же время, наука и образование, претерпевая перемены своей структуры, теряют многие внутренние ценностные критерии, что может также привести к негативным последствиям. Если советское образование поддерживало высокий интеллектуальный уровень населения при утрате национальных и религиозных ценностей, то постсоветское обра-

зование, поощряя возврат к этим ценностям, уже значительно понизило интеллектуальный уровень. Дело в том, что, наряду с возрождением, идут процессы глобализации, которые нивелируют национальные ценности.

В Казахстане имеет место непростое отношение к казахскому языку как государственному. Практически во всех постсоветских странах, кроме Казахстана, русский язык как второй официальный перестал функционировать, несмотря на то, что в этих странах поколение, выросшее в СССР, до сих пор предпочитает говорить на русском. Однако коренное население, выросшее уже при независимости, либо плохо владеет русским, либо совершенно не владеет. Ситуация с казахским языком напоминает Бельгию, где фламандское большинство в совершенстве владеет французским, а валлонское меньшинство лишь отчасти владеет нидерландским. Более 90% казахов в той или иной мере знает русский язык, что является их преимуществом. Однако очень низкий процент русских владеет казахским, и немного выше процент других этносов, владеющих государственным языком.

На наш взгляд, прежде, чем внедрить казахский язык в качестве государственного, нужно прежде воспитать казахское население в духе уважения к своему языку, культуре и истории. Пока последний казах не заговорит по-казахски, о быстром внедрении казахского языка во все сферы жизнедеятельности не может быть и речи. Также, на наш взгляд, и на латиницу перевести казахский язык можно только после полного освоения, осознания и ощущения родного языка.

Также становится необходимой разработка более доступной методики изучения казахского языка. А главное – необходимо формирование казахоязычной среды, чему препятствуют различные факторы социального и культурного характера. Так, в больших городах наблюдается следующая картина. Молодежь разделяется по группам: казахоязычные казахи (выходцы из провинции), русскоязычные казахи (преимущественно городские) и неказахи (в основном, русские).

Для преодоления отчуждения различных социальных групп эффективной мерой видится популяризация казахской

литературы, искусства, культуры и истории на русском языке. Такой подход не только стимулировал бы интерес граждан к изучаемым объектам, но и способствовал бы внедрению государственного языка во все сферы жизни. В свою очередь, казахоязычные казахи должны иметь возможность получения более глубоких знаний не только через русский язык, но и казахский – через перевод мировой литературы, искусства, культуры, истории, а также экономической и технической литературы на казахский язык. Причем перевод должен осуществляться с языка оригинала.

Конфессиональный фактор также должен учитываться при национальной консолидации. Даже в светских обществах религиозный фактор может разъединять народ. 70% населения Казахстана составляют мусульмане, а поэтому Казахстан считается мусульманской страной. Но, поскольку религия отделена от государства, то Казахстан является светским обществом, где по Конституции все граждане, вне зависимости от социальной, этнической и религиозной принадлежности являются равными в своих правах.

Не исключено, что серия террористических актов, имевших место в Казахстане в 2011 году, могла напугать неказахское и немусульманское население и усилить миграционные настроения. Произошедшие теракты были ударом по политической стабильности в стране. Поэтому не стоит сбрасывать со счетов и религиозный фактор, который может смешаться с этническим фактором. Причем законодательство о свободе вероисповедования в РК настолько либерально, что вызывает опасение распространение как мусульманских, так и христианских сект, способствующих отступлению части населения от традиционного вероисповедования.

Рост населения Казахстана происходит не только через естественную рождаемость, но и через репатриацию зарубежных казахов (оралманов) на историческую родину. Не исключено, что под видом прибытия на временную работу мигранты из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана постараются осесть в Казахстане и получить казахстанское гражд-

данство. В конечном счете, именно мигранты могут вызывать нежелательный для общества и государства рост казахского шовинизма, который со временем может легко перенестись на граждан-неказахов.

Вопрос о национальной консолидации в Казахстане остается открытым и вследствие отсутствия национальной идеологии. Но ведь в каждой стране мира есть национальная идеология. Прежде всего, нужно теоретически проработать сами понятия *нация*, *этнос*, *национальность*. В современном глобальном мире нацию принято отождествлять с государством, а национальность – с гражданством. Прилагательное «*национальный*» воспринимается как относящийся к государству. Например, *национальный доход*. В постсоветском Казахстане, так же, как и в России, до сих пор слова «*нация*» и «*национальность*» понимают в значении этнического, введенного марксизмом-ленинизмом. Поэтому вместо них следовало бы использовать слова «*этнос*», «*этнический*», «*этническая группа*», соответственно.

Возникает вопрос, может ли состояться казахстанская нация? Или же возможна лишь казахская нация? В США есть американская нация, состоящая в основном из разных расовых групп – европейцев, африканцев, азиатов, латиноамериканцев и других. Коренное население США – индейцы – составляют около 1%. В Казахстане же ситуация иная. Коренной этнос – казахи. Другие же считаются диаспорами, т. к. они живут на казахской земле. Теоретически казахи и диаспоры могут составить единую казахстанскую нацию, но на практике возникает множество вопросов. Противники этой идеи считают, что в Казахстане может быть только одна нация – казахская, а остальные составляют этнические группы или диаспоры. Однако только в своем единстве они становятся единым народом Казахстана. Весь мир воспринимает их именно как казахов. Неказахи при этом являются казахами другого этнического происхождения. Эта модель более близка к европейской. Например, французской или немецкой, где арабы и турки, соответственно, являются гражданами этих стран, но иного этнического происхождения.

Россия при этом вряд ли может быть примером для Казахстана в национальном строительстве, т. к. она является государством, которое объединяет русских и другие народы, имеющие свои автономные образования на территории их исконного проживания. Они есть ирридента, а приезжие народы являются диаспорой. В России казахи, хотя не имеют автономии, но являются ирридентой, т. к. исторически проживали по территории нынешней казахстанско-российской границы, а проживающие за пределами приграничных областей казахи уже являются диаспорой.

Что касается вопроса о патриотическом воспитании населения. Здесь должен сформироваться гражданский национализм не только казахов, но всех граждан Казахстана. А для этого граждане – как казахи, так и неказахи должны отойти от стереотипа советских времен, что национализм в любой форме имеет негативный оттенок и является идентичным именно этническому национализму. У граждан страны должен формироваться территориальный, республиканский и гражданский национализм и патриотизм, т. к. у них только одна родина – Республика Казахстан.

Выступление Е.К. Алиярова:

В Казахстане должна быть четкая взвешенная политика миграции. Каждый мигрант, приезжающий в ту или иную страну, сохраняет этническую идентичность, потому что он не забывает свои корни. События, которые происходят на Западе, в Америке доказывают это наглядно, в Америке «плавильный котел» начинает давать сбои. Этнический состав американцев: 30% – выходцы с Латинской Америки, 13% – азиатов, 10% – афроафриканцев. Этот состав этнических групп не мог не сказаться на выборах американского президента. Выходцы из Латинской Америки и афроамериканцы проголосовали за Б. Обаму. На последних выборах было зафиксировано рекордное участие представителей Латинской Америки.

Что касается ситуации в Казахстане, то у нас полиэтничное государство, поэтому должна быть взвешенная политика, необходимо учитывать интересы всех этнических групп. Но при этом дальнейшее не изучение государственного языка, не решение языковой политики в республике, может стать источником разногласий между различными представителями этнических групп, между теми казахами, которые владеют и теми казахами и неказахами, которые не владеют казахским языком. В какой-то момент будет принято радикальное решение перехода на государственный язык, на котором настаивает некоторая часть нашего общества, и те, которые не знают казахский язык, будут ущемлены в своих гражданских правах. Естественно, что они будут протестовать.

Мне не совсем понятно, почему развитие государственного языка было передано Министерству культуры и информации. Мы говорим, что мы хотим выучить казахский язык. С момента объявления независимости Казахстана прошло более 20 лет. Выросло целое поколение, которое жило в независимом Казахстане, но мы имеем тот же расклад, который был до это-

го: нет взвешенной государственной языковой политики, мы не знаем, какая будет языковая нагрузка в детском саду, какая реальная нагрузка должна быть в средней и высшей школе. Дети уйгурского, узбекского населения, которые заканчивают свои этнические школы, имеют проблемы при сдаче ЕНТ, а это – провал государственной политики. Любой ребенок, вне зависимости, в какое учреждение он ходит, должен выходить с необходимым багажом знаний государственного языка. Мы должны знать методологию изучения казахского языка: сколько часов ребенок должен в детском саду изучать казахский язык, сколько часов в школе и институте, чтобы к их окончанию он свободно владел языком.

Из-за коррупции, неправильной кадровой политики, сегодня в казахстанском обществе имеет место межжуровый, межродовой трайбализм. Коррупция разделяет людей на этнические, родовые, земляческие группы.

К примеру, при выборности акимов мы получим следующие результаты: там, где большинство русского населения, выберут русского, там, где будет представитель одного рода, не выберут представителя другого. Поэтому необходим комплексный подход. Для нормального функционирования нашего государства необходимо развивать реальное межэтническое согласие. Но, в то же время, мы должны понимать, что перед законом не должно быть деления людей на этносы – на русского, казаха и др. Человек, прежде всего, должен быть защищен как гражданин Республики Казахстан. У меня следующие выводы и предложения:

1. Языковая политика. Мы должны создать условия для изучения государственного языка. Без нормального научного подхода и материальных затрат в изучении государственного языка мы никогда не добьемся каких-либо результатов.

2. Религиозная идентичность. Религия всегда выступала за патриотическое отношение к своему государству. Даже в смутные времена религия поднимала народ, ту или иную этническую группу, которая проживала в данном государстве, на защиту своей земли, своего языка, своей культуры.

Государство должно защищать свои интересы по отношению к экстремистским религиозным объединениям. Мы, не задумываясь, говорим «исламский экстремизм». Это – неправильная терминология. Есть ли «исламский экстремизм»? На мой взгляд, его нет. Есть люди, которые используют имя ислама для осуществления своих политических целей.

3. Причины межэтнической напряженности. В первую очередь, неадекватная социальная политика, социальная незащищенность человека порождает все вышеперечисленные проблемы.

Выступление А.К. Султангалиевой:

Целое поколение казахстанцев выросло в условиях независимости. Но советская система, советское мышление настолько глубоко в нас сидят, что мы никак не можем избавиться от системы патронатно-клиентных отношений. Большинство населения уповает на то, что государство все «разрулит» и за нас все решит.

В ходе обсуждения прозвучала мысль, что нужна еще одна государственная структура, которая занималась бы вопросами национального строительства и тем самым могла бы добавить стабильности в межэтнических отношениях. Но, как мы видим, 20 лет государство как раз-таки занимается вопросами идейной консолидации, межэтнического согласия, толерантности. У нас уже есть общественная организация, занимающаяся этими проблемами – Ассамблея народа Казахстана. А здесь предлагают создать еще одну бюрократическую структуру. У нас государственный аппарат раздут уже неумеренно. А какая в этом эффективность? Я абсолютно согласна с тем, что тема межэтнической толерантности во многом держится на нашем человеческом капитале, на ментальности казахстанского общества, благодаря сложившейся политической культуре и исконному миролюбию казахов.

Второе замечание касается религии. Мы не должны смешивать религию, религиозную политичность и конкретные социальные акты, которые совершаются во имя религии. Например, буддистский экстремизм, когда в Шри-Ланке сжигаются мечети. В 2011 г. в Казахстане происходит серия терактов. Но мы о них знаем очень мало: вся информация идет только из официальных каналов. Если взять теракт в Таразе, то выяснено, что его причина была связана с личными обстоятельствами исполнителя.

Многие проблемы – это личные проблемы. С некоторой долей сомнения необходимо относиться к сообщениям СМИ.

По социологическим замерам видно, что шесть последних лет приоритетом первейших проблем для общества были социально-экономические, затем – межэтнические и межкультурные, а религия стояла на последних местах. Но, начиная с 2006 г., с принятия Закона об экстремизме, где было впервые введено понятие «религиозного экстремизма», после терактов в Ташкенте по многим социологическим опросам религиозный экстремизм, как угроза, выдвинулся в общественном мнении к вершине рейтинга опасений.

Хотелось бы подчеркнуть, что относиться к этим сведениям надо осторожно. То, что статистическое агентство опубликовало данные, что у нас 80% населения придерживаются определенной религии, это еще не значит, что люди религиозны. Социологические замеры показывают, что процент верующих людей, соблюдающих ритуалы, не превышает 11%. Говорить о том, что религия – один из главнейших факторов напряженности, не стоит, так же, как не стоит преувеличивать и значение религии в казахстанском обществе.

Выступление Г.Т. Илеуовой:

Начну с некоторых замечаний и комментариев к докладу М. Нурғалиевой. Прослушав доклад, насыщенный социологическими данными, у меня сразу же возник вопрос: каким образом может колебаться динамика межэтнической толерантности, межэтнического потенциала в 15% по месяцам, если социально-политический фон за это время остается одним и тем же? Возможно, что такие разбросы не могут быть основанием для скоротечных выводов, касающихся межэтнической напряженности в тех или иных районах республики?

Теперь, что касается идентификации: у нас в Казахстане две идентификации являются самыми главными – гражданская и этническая. Нами в течение многих лет проводились социологические замеры по данной тематике, которые показывают, что до какого-то момента был рост гражданской идентичности на уровне 70–75%. На протяжении последних пяти лет этот показатель остановился в своем росте. Этническая идентичность в общей идентификационной структуре по республике составляет не больше 20%. Но, если мы проводим фокус-группы, мы четко видим, если опрашиваются группы на казахском языке, то показатель этнической идентичности гораздо выше, чем те же показатели в общей группе.

Наиболее четко проявилась проблема этнической и гражданской идентификации в вопросе о графе в паспорте – «национальность». Как только сказали, что не будет графы, то часть либерального общества отреагировала позитивно, увидев в этом проявление гражданской идентичности. В этническо-казахской группе четко обозначилось несогласие с этим. Государство гибко отреагировало и графу «национальность» оставили на выбор по усмотрению гражданина.

С проблематикой соотношения гражданской и этнической идентификации во многом связана проблема разделе-

ния информационного пространства на казахскоязычное и русскоязычное, о котором сегодня говорилось и в докладе, посвященном этой проблеме, и в выступлениях. Наш исследовательский центр поднимал эту проблему еще 10 лет назад и с тех пор положительных сдвигов в ее решении практически нет. А основа решения данной проблемы как раз заключается в сближении двух векторов нациестроительства – этнического и гражданского.

Социологи давно выявили теснейшую взаимосвязь между социальным положением населения и спецификой его идентификационных предпочтений. Выявлена значительная корреляция между социальным самочувствием, оценками материального положения и идентичностью. Чем больше удовлетворенность своей жизнью, чем выше оценка перспектив жизни, тем выше у человека показатели гражданской идентичности. В менее обеспеченных, менее образованных группах этническая идентичность гораздо выше, она выходит на первый план.

Вывод: необходимо повышать материальный уровень наших граждан, тогда и проблемы национальной консолидации будут решаться.

Выступление М.С. Шайкемелева:

Подводя итоги нашего круглого стола, хотелось бы вернуться к ключевой идеологеме Стратегии «Казахстан-2050», касающейся задачи по национальной консолидации казахстанского общества и укреплению межэтнического и общественного согласия, а, именно, к понятию нового казахстанского патриотизма. Понятие в современном политическом языке – новое и требующее дополнительных разъяснений его смыслового содержания. Как говорится в Стратегии, фундаментом казахстанского патриотизма является равноправие всех граждан и их общая ответственность за честь Родины. Равноправие всех граждан перед законом и ответственность перед собственной гражданской совестью должны формировать и укреплять общественное согласие. Реализация тезиса о том, что каждый гражданин нашей страны должен обрести чувство хозяина на своей земле, возможна при условии формирования гражданского сознания, преодолевающего узкие рамки этнических, корпоративных, профессиональных интересов. Только в этом взаимном процессе сближения государства и гражданского общества цели государства и гражданина совпадут по всем основным направлениям. Воплощение в жизнь законов равноправия всех граждан Казахстана перед законом, и ничто другое, сможет сформировать чувство защищенности, гордости за свою страну, ощущение единых задач граждан и государства. Как простой пример хотелось бы привести наши автодороги, на которых мы проводим половину сегодняшней городской жизни. Пока люди будут видеть, что одни граждане отвечают за проступки, а другие цинично уходят от ответственности, прикрываясь государственным служебным удостоверением, у людей просто не будет веры в будущее. Без веры в будущее нам не реализовать задач по построению процветающего государства.

Теперь коротко о докладах и состоявшемся обсуждении. В постановочном докладе профессора Кадыржанова подроб-

но анализировались причины межэтнической стабильности в постсоветском Казахстане, корни которой уходят в советский период. Мне кажется очень важным сохранение того исторически сложившегося баланса между двумя основными этническими группами нашей республики – казахами и русскими, о котором говорил докладчик. Традиционно сложившийся социально-политический баланс этих групп имеет не только внутривнутриполитическое значение, но и крайне важный внешнеполитический аспект, учитывая непростой геополитический ракурс современной ситуации.

В выступлении А.Ф. Дедерера прозвучала мысль, с которой нельзя не согласиться: главной задачей Ассамблеи народа Казахстана должно стать эволюционное переустройство структур общественного самоуправления, которое необходимо решать, в том числе, и через государственный социальный заказ. АНК, по его мнению, должна инициировать дискуссию о поиске национальной идентичности в контексте общенациональной идеи Казахстана и реализации основных идей Стратегии «Казахстан-2050».

Докладчик А.К. Султангалиева отметила, что государство проводит в религиозной сфере достаточно взвешенную политику, а новый закон о религиозных объединениях в целом не противоречит основным канонам свободы совести. Тем не менее, у верующих вызывает много вопросов пункт закона о невозможности отправления религиозных ритуалов в госучреждениях. Верен тезис о том, что на практике зачастую получается, что проблемы религии политизируются и выводятся в плоскость политического экстремизма, хотя, по мнению докладчика, духовного фундамента для такого рода проявлений на казахской почве не существует.

В очень интересном докладе М.М. Нурғалиевой, изобилующем социологическими данными, прозвучала обеспокоенность тем, что на фоне привычной межэтнической стабильности мы можем упустить тревожные тенденции, касающиеся языковой нетерпимости, усиления религиозного фактора и т. д. Спорным и неоднозначным является предложение докладчика по созданию Агентства по национальному строительству и межэтни-

ческим отношениям. Оно вызвало неоднозначную реакцию у нашей аудитории. Хотя предложение о разработке Стратегии национальной политики на основе консультаций с лидерами этнокультурных объединений, партий и НПО, является, безусловно, очень важным и заслуживающим внимания власти.

Кубаш Мендигалиев в своем докладе о тематических различиях казахоязычных и русскоязычных СМИ на основании контент-анализа казахстанской прессы и интернет-источников сделал попытку выявить различия в освещении проблем национального строительства в двух сегментах казахстанского информационного пространства. Думается, что большинство присутствующих согласны с тем, что существующие различия основаны на настроениях и опасениях противоположной направленности: русскоязычная аудитория озабочена сужением информационного пространства, а казахоязычная – недостаточными темпами внедрения государственного языка. Будем надеяться, что научное сообщество и чиновники МКИ обратят внимание на актуализацию проблемы поляризации казахстанской информационной аудитории и приложат усилия для решения проблемы недопущения ее дальнейшей радикализации. Хотелось бы отметить, что Кубаш, как настоящий журналист, а он кроме докторантуры еще работает в газете «Алаш Айнасы», замечательно подготовился к сегодняшнему докладу. Сам доклад прозвучал на государственном языке, а слайды он приготовил на русском языке. Таким образом, призыв к сближению двух разноязычных сегментов информационного пространства, который прозвучал в его докладе, он поддерживает и реализовывает в практической плоскости, а не только на словах, как некоторые любители обсуждения «горячих» проблем.

По итогам состоявшейся дискуссии хотелось бы сказать следующее: высказывалось мнение о том, что говорить о переводе казахского языка на латинскую графику преждевременно. Мне кажется, что в Стратегии определен срок до 2025 года и соответственно есть время для апробации продуманных решений. Надо согласиться с прозвучавшим предложением о необходимости пропагандировать казахскую историю, культуру на русском языке. Это в значительной мере помогло

бы интеграции государственного языка в интернациональное информационное пространство. То же самое касается предложения о создании необходимых условий для изучения государственного языка. Необходимость усиления идеологической работы с молодежью, о которой говорилось, думается, пронизывает все прозвучавшие доклады и выступления, так как реализация задач по консолидации всех этнических и социальных групп Казахстана в единую нацию, объединенную общими идеалами, ляжет, конечно же, на нашу молодежь. А от нас зависит, какие идеалы впитает казахстанская молодежь.

По единодушному мнению присутствовавших, наш круглый стол состоялся, был очень полезным и заслужил высокой оценки. Сегодня отмечался и тот факт, что международное признание получила казахстанская модель межэтнического и межконфессионального согласия, которая реализуется и развивается Ассамблеей народа Казахстана. Тем не менее, необходимо приложить усилия по институционализации отечественного опыта, выведения его на новый качественный уровень, предполагающий активный межкультурный диалог. Впереди много работы по реализации поручений президента научному сообществу и казахстанской общественности в лице структур гражданского общества в рамках задач Стратегии «Казахстан-2050» по национальной консолидации. Всех участников круглого стола приглашаем на II городскую научно-практическую конференцию Научно-экспертной группы АНК г. Алматы с рабочим названием «Актуальные проблемы функционирования государственного языка в Казахстане», которая состоится в ноябре 2013 г. в Доме Дружбы. Думается, что не зря мы сегодня постоянно обращались к проблематике превращения государственного языка в объединительный фактор, цементирующий казахстанскую национальную идентичность. Считаю, что у нас будет хорошая возможность обсудить языковую проблематику, подвести промежуточные итоги государственной языковой политики, раскрыть текущие проблемы модернизации казахского языка и перевода его на латинскую графику, выработать новые рекомендации заинтересованным государственным структурам. Всем большое спасибо!

СТАТЪИ

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ МУЛЬТИЭТНИЧЕСКОГО И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

Есенжол Алияров

Проблемы национальной консолидации и интеграции казахстанского общества составляют важную, социально значимую сферу общественного бытия народов Казахстана. С момента обретения независимости разрабатывалось множество программ и концепций в этом направлении. Определенных успехов Казахстан в консолидации общества достиг, что демонстрирует невысокий уровень конфликтности на этнической почве.

Однако успешность проводимой политики не может измеряться лишь уровнем конфликтности [1]. Для дальнейшего укрепления и консолидации общества еще очень многое нужно сделать. Прежде, чем рассмотреть вопрос национальной консолидации общества, нужно осмыслить категории «нация» и «этнос». Нация определяется как «согражданство, народонаселение занимаемой государством территории, независимо от этнической принадлежности». Французский исследователь Доминик Кола использует понятие «нация-государство», которое он рассматривает как политическую форму территориального суверенитета над подданными и культурную (языковую и/или религиозную) гомогенизацию группы». Согласно Колу, «государство-нация обладает монополией на легитимную культуру в пределах определенной территории». При этом понятие «этнос» обозначает группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, традиций, отличающего его от иных подобных групп [2]. Однако зачастую не только на национальном уровне, но и на глобальном смысловые различия данных понятий размываются, что еще более усложняет анализ явления.

Между тем нация – явление достаточно молодое. Еще два с половиной столетия назад разделения народов на нации не существовало. Как говорилось выше, нация – политическая общность на основе согражданства, а этнос – общность на основе происхождения. Самые первые по времени нации (американская и французская) появились на исторической арене в 1776 и 1789 гг., когда была принята Декларация независимости США и произошла Великая французская революция. Позже, в результате буржуазных революций 1830, 1848 гг. и т. д. возникают другие нации. К примеру, в конце XIX в. благодаря объединению в государство множества княжеств возникли германская и итальянская нации [3]. Кроме того, ученые отмечают, что этнос не имеет признаков политической субъективности, а нация является политическим субъектом, обладающим полномочиями объединения различных этносов в рамках определенного государства. В данном случае национальная/государственная идентичность не затмевает роли этнической принадлежности граждан, а способствует осознанию своей принадлежности к определенной политической общности, социокультурному типу.

Существует ряд факторов, которые помогают сплотить общества. К примеру, З. Бжезинский в своей книге *«Великая шахматная доска: главенство Америки и её геостратегические императивы»* представляет анализ факторов, которые помогли империям на протяжении продолжительного времени поддерживать свое влияние. Так, в случае с Римской империей, автор подчеркивает особую роль национальной культуры, которая благоприятно сказывалась на экономическом росте государства [4]. Это, в свою очередь, привлекало множество талантливых людей из-за рубежа, обеспечивая культурную экспансию империи (примечательно, что упадок, деградация данного культурного превосходства наряду с другими факторами привели к ее уязвимости).

Такая же тенденция наблюдалась в Китае, Франции, Испании и Британской империи. Превосходство Британской империи, по словам автора, «...было не только вопросом высокомерия со стороны имперского правящего класса, но

и точкой зрения, которую разделяли многие подданные небританского происхождения». Например, первый президент ЮАР Нельсон Мандела не отрицал колоссального влияния британской культуры и истории на его мировоззрение и принятие решений. Более того, культурное превосходство в определенной степени ослабило необходимость привлечения крупных воинских формирований для сохранения власти империи по всему периметру. Доказательством этого являются данные, приведенные автором: к 1914 г. несколько тысяч британских военнослужащих и гражданских служащих контролировали около 11 млн. квадратных миль и почти 400 млн. небританского населения. Безусловно, культурная составляющая играла важную роль в жизни этих империй.

Зачастую опыт еще одного сильного геополитического центра – Америки – используется как бенчмарк государства, сумевшего объединить и создать нацию, не опираясь на этнический базис. Культура, ценности американцев выходят за рамки классического понимания понятия культуры. Тем не менее, музыка, киноиндустрия, мода и т. д. пользуются не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира. Это, в свою очередь, усиливает политическое влияние Соединенных Штатов.

Многие полиэтнические страны перенимают опыт национальной интеграции Америки. Такие попытки наблюдались и в Казахстане после обретения независимости, а в 2010 г. была представлена «Доктрина национального единства Казахстана» [5]. Авторы проекта, основываясь на принципе «одна страна – одна нация», предлагали гражданам страны независимо от этнической принадлежности идентифицироваться как одна нация – казахстанцы.

Однако концепция не была воспринята как казахами, так и представителями других этносов. Более того, «казахстанская нация», как и в прошлом «советский народ», явление искусственное, будущего у которого нет, отмечает С. Борбасов [6]. Словом, в полиэтничном Казахстане данный тезис более чем похож на правду.

С проблемами в определении идентичности сталкиваются многие народы. Например, британцы и англичане, русские и россияне и многие другие. Возникает дилемма, может ли гражданин страны быть англичанином (русским) этнически, или его политическая точка зрения достаточна для того, чтобы быть англичанином (русским). По этому поводу среди ученых до сих пор не существует единой позиции.

Необходимо отметить, что население США идентифицирует себя как американцы, тем не менее, наблюдается тенденция, когда этническая или расовая принадлежность все-таки преобладает в процессе принятия тех или иных решений. Например, на последних выборах президента США успех Барака Обамы, избранного на второй срок, во многом был обеспечен голосами афроамериканцев (80%) и латиноамериканцев (10%). Рекордной оказалась и явка избирателей – выходцев из Латинской Америки, а это – 10% проголосовавших. Латиноамериканцы объясняют свою поддержку Обамы верой в то, что он поможет улучшить положение иммигрантов. Главного оппонента Обамы Митта Ромни поддержали 57% белого населения, в то время как действующего президента – 41% [7]. Следовательно, данный пример показывает значимую роль этнической принадлежности при решении вопросов национального уровня.

Мировой опыт построения нации имеет множество аспектов, как позитивных, так и негативных. В целом, мировая практика показывает, что значение культурных ценностей недооценивать нельзя. Казахстанское общество и государство должны осознать всю важность этого фактора и выработать свою уникальную модель национальной консолидации.

Какую модель выбирает для себя Казахстан? Этот вопрос волнует многих граждан страны на протяжении двух десятилетий. Исторический период, возможно, и небольшой, однако данный вопрос не терпит промедления, так как процесс национальной консолидации требует очень глубокого и комплексного осмысления и выработки конструктивных мер.

Модель нации-государства, которую Казахстан стремится воплотить в жизнь, выглядит следующим образом: один ти-

тульный народ; один государственный язык; государственно-этническая символика; меньшинства знают государственный язык, хотя имеют и свой, и разделяют общегосударственный патриотизм, соглашаясь со своей позицией меньшинства [8]. В данном случае возникает необходимость обеспечить социальную стабильность и не допустить межнациональной борьбы и сепаратизма.

Если казахов называют титульной нацией, то статус представителей других этнических групп также необходимо определить. Этот вопрос надо решать очень взвешенно и деликатно, принимая во внимание статьи Конституции РК и Всеобщей Декларации прав человека о недопустимости дискриминации. В то же время, роль казахов надо укреплять, развивая язык и общенациональное самосознание. Исторически обусловленный полиэтничный состав казахстанского общества не позволяет дать четкий ответ на вопрос национальной идентичности государства. Если определенная часть граждан Казахстана отвечает «мы – казахи», то другая часть граждан называют себя казахстанцами [9]. Следовательно, некоторые ученые делают вывод, что в Казахстане существуют две идентичности. Говорить о консолидации в данном случае очень сложно.

Кроме того, активная борьба многочисленных религиозных конфессий и сект за умы казахстанцев, доминантное положение СМИ России и развитых стран в информационном пространстве страны и большое влияние западных ценностей (далеко не всегда положительных) в культурном пространстве Казахстана усложняют задачу воспитания населения в духе общегосударственных и общенациональных интересов [10]. Тем не менее, идея консолидации общества должна разрабатываться, так как ее целью является объединение общества, разнообразного по своему характеру и интересам. «Единство общества, как раз-таки создается балансом интересов этих различных этнических и социальных групп, образующих общество», – считает А. Косиченко [11].

Баланс интересов различных национальных групп должен иметь не навязанный и формальный характер, а органический

и реальный. Этот тезис должен быть принят каждым гражданином. Осознавая это, обществу легче будет объединяться. А целостность общества, в свою очередь, придает ему устойчивость – как условие настоящей независимости государства, которая будет обеспечивать его эффективное функционирование. Ведь лишь устойчивое общество может противостоять глобальным и локальным вызовам. Это – в теории, а на практике национальная идея пока находится в аморфной форме.

Тем не менее, не стоит забывать, что гражданственность этноса достигается путем непрерывных коммуникаций во время решения политических, экономических и культурных задач. Для эффективной социализации всех групп общества нужно совершенствовать механизмы диалогов по актуальным и наиболее важным вопросам. Порой складывается впечатление, что дискуссии по поводу национальной интеграции общества ограничиваются понятиями «этнос» и «гражданство». К. Маркс говорил, что вера в значимость определенных этнических интересов составляет часть идеологии, под маской которой скрываются классовые интересы, а рабочий класс в данном случае отвлекается от борьбы за свои классовые интересы. Такая картина нередко вырисовывается и у нас, когда отдельные лидеры или движения отвлекают народ от социально важных проблем, направляя фокус на этнические проблемы. Такой подход вряд ли приведет нас к формированию реальной национальной идеи.

Между тем, С. Борбасов считает, что не существует понятия «казахстанская нация», есть лишь народ Казахстана [6], ядро которого составляют казахи. Следовательно, особая ответственность за консолидацию общества ложится на плечи этнических казахов, в особенности, на государственных служащих. А казахи как нация, тем временем, находятся в довольно разобщенном состоянии.

История требует исследования множества фактов, к примеру, необходимо определиться с парадигмами, культурно-цивилизационными векторами развития казахстанского общества [12]. Отсутствие реальных очертаний оставляет ниши для разного рода действий, направленных на раскол и деста-

билизацию в обществе. Более того, критика в адрес власти озвучивается как представителями титульной нации, так и других этносов. Казахоязычные зачастую обвиняют государство в неэффективной языковой политике. К тому же, недавнее заявление Президента страны Н. Назарбаева о переходе казахской письменности на латинскую графику встретило неоднозначную реакцию общества. Одна часть верит в возрождение казахского языка, а другая опасается актуализации очередных коррупционных схем в ходе реализации перехода. Кроме того, представители нетитульной нации, несмотря на действующий институт – Ассамблею народа Казахстана, который выражает их интересы, считают, что доступ к государственной службе для них ограничен. Это, в свою очередь, противоречит основным принципам демократического общества, к построению которого стремится Казахстан.

Ситуация в кадровой политике на самом деле гораздо сложнее. Подбор кадров осуществляется не только по этническим признакам, во внимание принимаются политические взгляды претендента, региональная принадлежность и т. д. Отсутствие социальных лифтов, слабая институционализация и региональная политика плюс неопределенность по вопросам национального строительства усугубляют положение дел.

Нация может считаться состоявшейся тогда, когда общество разделяет интересы государства, поддерживает основные векторы его развития. Более того, необходимо понять, что национальное строительство – это процесс политической консолидации граждан в единую нацию не только посредством усилий государственной власти, но и путем активного участия самого общества.

В Казахстане существует определенный уровень согласия, которым можно гордиться. Но, самое главное, нельзя забывать, что согласие граждан – динамичный процесс, а не статическое состояние. Взаимоуважение представителей этнических групп в обществе достаточно, однако необходима идея, которая могла бы объединить население Казахстана во благо развития. Идея должна опираться на эффективное госу-

дарство, где права и социальная защита каждого гражданина будут обеспечены независимо от каких-либо статусных его характеристик.

Литература

1. Харитонова Н. 2008. Ia-centr.ru. // <http://ia-centr.ru/expert/1384/>
2. Байдаров Е. Роль казахстанского этноса в национальной интеграции казахстанского общества // Осмысление 20 лет независимости Казахстана. Научно-методический сборник. – Алматы: Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры, 2011. – С. 44–50.
3. Мустафаев Н. Найти себя: Иерархия идентичностей в Казахстане // <http://www.dialog.kz/?lan=ru&id=81&pub=1872>.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска: главенство Америки и её геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998.
5. Kazinform, 2010. Доктрина национального единства Казахстана // <http://www.inform.kz/rus/article/2263364>
6. Борбасов С. «Қазақстандық ұлт» ұғымы туралы // Национальное строительство в Казахстане: проблемы и суждения. Сборник научных публикаций. – Алматы, 2009. – С. 7–15.
7. Кто голосовал за Обаму? // <http://ru.euronews.com/2012/11/08/hispanic-voters-key-to-obama-re-election/> Euronews, 2012.
8. Бектурганова Б. Казахстанская идентичность: трудности обретения // Байтерек. – 2006. – № 6.
9. Кадыржанов Р. Национальная идентичность Казахстана и этнокультурный символизм // <http://mysl.kz/?p=266>
10. Борбасов С. Приоритеты национальной идеологии Казахстана // Национальное строительство в Казахстане: проблемы и суждения. Сборник научных публикаций. – Алматы, 2009. – С. 24–29.
11. Косиченко А. Единство казахстанского общества как основной постулат независимости Казахстана // Осмысление 20 лет независимости Казахстана. Научно-методический сборник. – Алматы: Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры, 2011. – С. 68–73.
12. Сарым А. Эти люди попросту не знают казахов. <http://z001.kz/article/view?id=214>

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КАЗАХСТАНА И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РК

Зарема Абдуллина

Появление на карте мира новых государств всегда усиливает интерес к проблеме национальных отношений, так как, как правило, этот процесс есть причина или результат роста этнического и национального самосознания. Зачастую эти процессы проявляются в обострении национальных конфликтов. На сегодняшний день в мире имеется около 130 локальных конфликтов, где применяется оружие. Около 90 из них имеют этнический, национальный характер.

Можно согласиться с Лениным в том, что национальный вопрос всегда был одним из самых трудных и больных вопросов человечества. Не случайно, когда в споре у кого-нибудь из оппонентов заканчиваются аргументы и спор перерастает в перебранку, то вполне распространенным вариантом является переход на личности, национальную принадлежность и религиозные убеждения.

Хотелось бы упомянуть еще об одном общем теоретическом положении. Издавна учеными считается – и практический опыт подтверждает данный тезис, что полиэтничность страны есть несомненное доказательство ее слабости и неминуемого распада. Если уже даже в таком близком к моноэтничности государстве, как Таджикистан, разразилась гражданская война, если в Прибалтике русскоязычное население до сих пор чувствует себя неудобно, если заявление Звиада Гамсахурдиа о том, что Грузия – только для грузин (что привело, в конце концов, к отделению Южной Осетии и Абхазии), то что же можно было ожидать от Казахстана, где проживали и проживают представители около 130 этносов?

Ситуация в Казахстане оказалась нестандартной для всего мира. В течение всего периода своего существования в качестве

независимого и суверенного государства народ Казахстана демонстрирует толерантность и взаимопонимание. Не случайно в своих выступлениях Президент страны Н.А. Назарбаев неоднократно подчеркивает, что единство нашего народа – это главное достижение независимости. Казахстан в сохранении межнационального мира стал примером для многих других государств, и, в каком-то смысле, образцом для подражания.

Каким образом Казахстану удалось добиться внутривнутриполитической стабильности, общественного мира и согласия? Для того, чтобы разобраться в этих, уже не теоретических, а практических вопросах, необходимо немного вспомнить мировую и отечественную историю.

Национальные проблемы существуют во всем мире: в США, Великобритании, Канаде, Италии, Испании и т. д. Причем не везде этот вопрос решается с помощью оружия. Так, например, в Канаде с завидной регулярностью проводятся референдумы об отделении Квебека. Динамика результатов голосования свидетельствует о том, что в Квебеке нарастают центробежные настроения. На последнем референдуме лишь небольшого количества голосов не хватило, чтобы на политической карте мира появилось еще одно государство.

С нашей точки зрения, в XX в. мир пережил три волны роста национального самосознания, одновременно, сопровождавшиеся и ростом национализма. Первая волна связана с результатами Первой мировой войны, которая привела к распаду Австро-Венгрии и Османской империи и появлению новых государств. Вторая волна связана с результатами Второй мировой войны и обретением статуса независимых государств бывшими колониями Великобритании, Португалии и Франции. Особенностью третьей волны является то, что она не связана с мировыми войнами. Однако, если вспомнить количество тех локальных военных конфликтов, которые упоминались в начале текста, то вполне обоснованно можно утверждать, что значительное количество государств находится в состоянии НЕ-мира.

Хронологические рамки третьей волны национализма приходятся на последнюю декаду XX в. Эта волна связана с

развалом Советского Союза и Югославии. Сюда же можно отнести и распад Чехословакии.

До 1991 г. в Советском Союзе имелось 53 национальных образования, которые объединяли примерно 60 национальностей. Около 50 народностей не имели своих национальных образований. Значительные группы представителей этносов жили вне пределов своих национальных образований. Так, в России, например, проживал 1 миллион казахов. Такое же количество казахов проживало и на территории Узбекистана.

Жёсткая иерархическая структура власти приводила к тому, что периодически возникали вспышки национализма. Начатая в СССР М.С. Горбачевым в середине 80-х гг. перестройка опоздала с решением проблем, назревших междунациональных отношениях. Нерешенность, например, ситуации в Нагорном Карабахе прямое этому доказательство.

Уникальность нашей страны состоит в том, что Казахстан, обладая огромной территорией (девятой в мире), имеет малочисленное население. При этом количество проживающих на этой территории этносов составляет порядка 130 этнических групп. Кроме того, доля титульной нации в структуре населения страны в результате ряда причин к концу 80-х гг. XX века составляла менее 40%, а, точнее, 39,4%.

В 1989 г. из 16,7 млн. жителей казахов насчитывалось 5,3 млн., а русских – 5,9 млн. человек. Обращаясь к вопросам современной этно-демографической структуры РК, следует обратить внимание на динамику изменений этнического состава. В рамках данной статьи ограничимся рассмотрением изменения численности казахского этноса.

Дата переписи	1897 г.	1926 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
% казахского населения*	80	65	40	50	63

*Проценты даны в округленном виде, для удобства восприятия.

Даже беглый анализ таблицы говорит о том, что достаточно длительное время в стране наблюдался процесс сокращения коренного населения.

3. Абдуллина. Этнодемографическая структура Казахстана...

На численность казахов в структуре населения Казахстана и в целом на этническую структуру населения страны повлиял целый ряд факторов:

- казахско-джунгарская война;
- столыпинская аграрная реформа;
- национально-освободительные движения в Центральной Азии против царского самодержавия;
- установление советской власти в Казахстане;
- гражданская война в 1918–1920 гг.;
- политический геноцид против казахского народа в период насильственной коллективизации;
- репрессии казахской элиты как «врагов народа» в 1937–1938 гг.;
- потери во время Второй мировой войны.

Практически с 1700 по 1990 г. людские потери среди казахского населения составили 5,9 миллионов человек. Одновременно примерно в этих же временных рамках на территорию Казахстана прибыло более 7,5 миллионов неказахов.

Все перечисленные события привели к тому, что на сегодняшний день за пределами Казахстана в 43 странах мира проживает более 5 млн., или 30–35% от общей численности казахов. 80% из них живут в Узбекистане, КНР и в России. В Узбекистане – более 2 млн.; в Китае – около 2 млн.; в России – около 1 млн.; в Монголии – 83 тыс.; в Туркменистане – 74 тыс.; в Турции – 12 тыс.; в Кыргызстане – 10 тыс.; в Иране – 5 тыс.

Развал Советского Союза и последовавшие за этим стремительные изменения в социально-экономической и политической жизни в постсоветских республиках не могли не повлиять на состояние этно-демографической ситуации и в Казахстане. Экономические трудности (особенно в первые годы реформ) стимулировали эмиграционные настроения среди населения.

Кроме этого, ликвидация прежде существовавших культурных символов, олицетворявших советский народ (интернационализм, ощущение единой родины в рамках СССР, господство русского языка и культуры и т. д.) и утверждение

новых культурных ценностей (рост этнического самосознания, расширение сферы применения государственного языка, переименование населенных пунктов) вызвали чувство глубокого неудовлетворения у большинства представителей славянского населения. Психологический дискомфорт стал одним из немаловажных факторов эмиграции русскоязычного населения.

Нельзя также забывать и о том, что в Конституции 1993 года было два положения, которые вызывали серьезную озабоченность у русскоговорящего населения (обращаем внимание – именно у русскоговорящего, а не просто русского). Первый из них был связан с характеристикой Казахстана, как государства самоопределившейся казахской нации. Фиксация положения, что при этом и другие народы, проживающие на территории Казахстана, обладают равными правами с титульной нацией, напряженности не разрядила. Вторая причина тревоги была связана со статусом языков. Если никто не протестовал, более того, утверждение казахского языка как языка государственно-только приветствовалось, то статус русского языка, как языка межнационального общения, вызывал недоумение.

К сожалению, казахский язык и казахская культура к этому моменту находились в плачевном состоянии. Казахский язык был совершенно невостребованным ни в науке, ни в культуре, ни в образовании, ни в быту. Что говорить о других этносах, проживавших в Казахстане, если среди казахского населения только 40% свободно владели родным языком, столько же – знали казахский язык на уровне бытового, а 20% – вообще не знали казахский язык.

Фактически выросло поколение казахов (городских, прежде всего) которые были носителями не казахской культуры и казахского языка, а носителями унифицированной урбанистической культуры и русского языка. Причем из 40% казахов, свободно владеющих языком, большинство были представителями сельского населения Казахстана. Иначе говоря, прослойка культурной и научной казахской интеллигенции была чрезвычайно тонкой.

Только принятие Конституции 1995 г. кардинально изменило ситуацию. В преамбуле Конституции содержаться

следующий фундаментальный тезис: «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидая государственность на исконной казахской земле, сознавая себя миролюбивым гражданским обществом, приверженным идеалам свободы, равенства и согласия, желая занять достойное место в мировом сообществе, осознавая свою высокую ответственность перед нынешним и будущими поколениями, исходя из своего суверенного права, принимаем настоящую Конституцию». Также был изменен тезис и о статусе языков, точнее, статус русского языка, который стал официальным языком страны, что в мировой практике приравнивает его к официальному языку. Более того, неоднократные выступления Президента страны Н. Назарбаева по этому поводу, принятие программы «Триединства языков» добавили к казахскому и русскому языкам, которые должен знать каждый казахстанец, если он истинный патриот своей страны, еще и английский язык. Следует отметить и постоянные напоминания президента о недопустимости какой-либо дискриминации граждан страны по вопросу языков, национальной или религиозной принадлежности.

Возвращаясь к этно-демографическим изменениям в РК, следует констатировать, что с 1989 по 1999 г. население Казахстана сократилось с 16,7 млн. человек до 14,95 млн. человек (или 1,51 млн. человек). Первая волна эмиграции из республики была связана с тревогой русскоговорящего населения, вторая волна эмиграции – с экономическими трудностями. Процессы эмиграции, а также этническая специфика естественного прироста изменили этнический состав населения. Так, наблюдалось значительное снижение численности европейцев: немцев – в 2,6 раза; русских – в 1,3 раза; украинцев – в 1,6 раза; белорусов – в 1,5 раза.

Отмечался рост численности представителей тюркоязычных народов: казахов, узбеков, уйгуров, турков. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в среде турков и узбеков – на 53,3% и 39,7%. Пик эмиграции пришелся на 1994 г., за которым последовала стабилизация миграционных процессов. В результате миграции Казахстан покинули люди преимуще-

ственно активного трудоспособного возраста (30–45 лет). Следствием этого стало старение населения, снижение рождаемости и рост смертности. Другими словами, рост доли казахского населения по итогам переписи 1999 г. еще не свидетельствовал о преодолении деструктивных процессов в стране.

Усилия государства в сочетании с природной толерантностью народа не позволили деструктивным силам в стране и за ее пределами использовать пробудившееся национальное самосознание казахов и диаспор в неблагоприятных целях. Тем самым было обеспечено единство общества. Стабилизирующую роль играет Ассамблея народа Казахстана, чьей главной задачей является реализация государственной национальной политики, обеспечение общественно-политической стабильности в Республике Казахстан и повышение эффективности взаимодействия государственных и гражданских институтов общества в сфере межэтнических отношений.

За свою историю Ассамблея трансформировалась из консультативно-совещательного органа при Президенте РК в конституционный орган, имеющий прочную правовую основу и общественно-политический статус. В мае 2007 г. в Конституцию Республики Казахстан был внесен ряд поправок. Ассамблее народа Казахстана придан конституционный статус, она получила право избирать в Мажилис Парламента РК девять депутатов, что значительно повысило общественно-политический статус Ассамблеи. 20 октября 2008 г. Президентом страны был подписан Закон «Об Ассамблее народа Казахстана», не имеющий аналогов в мире. Ассамблея народа Казахстана стала полноправным субъектом политической системы страны, были определены нормативные правовые основы ее деятельности.

За годы своего существования Ассамблея народа Казахстана прошла длительный путь развития, накопив большой консолидирующий и интеллектуальный потенциал и трансформировавшись в институт народной дипломатии. Этот уникальный институт, объединяющий более 100 этносов нашей страны, сыграл огромную роль в сохранении стабильности и поступательном развитии республики. Ассамблея демонстрирует всему миру

3. Абдуллина. Этнодемографическая структура Казахстана...

успешность политики, проводимой Казахстаном в области межэтнических отношений. Во многом благодаря работе Ассамблеи в нашей стране сформировалась уникальная модель межэтнического и межконфессионального согласия, особая атмосфера доверия, солидарности и взаимопонимания, когда каждый гражданин, независимо от этнической или религиозной принадлежности, обладает и пользуется всей полнотой гражданских прав и свобод, гарантируемых Конституцией. В республике созданы все необходимые условия для развития культуры, языка, традиций всех этносов Казахстана. Деятельность Ассамблеи способствует росту международного авторитета Республики Казахстан как страны, эффективно решающей вопросы межэтнических отношений. Возрождаются культурно-духовные традиции и наследие, в стране активно работают этнокультурные объединения всех основных этнических диаспор, проживающих в Казахстане.

В настоящее время межэтническая ситуация в стране остается достаточно стабильной. Согласно данным экспертных опросов, с точки зрения казахстанцев, в числе факторов, способных дестабилизировать общественную жизнь, межэтнические отношения занимают далеко не первое место. За прошедшие годы в Казахстане практически не было межэтнических конфликтов. Это стало следствием правильного определения государством приоритетов в укреплении межнационального согласия, общности культурно-ценностных установок среди подавляющего большинства населения. Сыграло свою роль и отсутствие исторических форм, традиций ортодоксального ислама в сознании казахов, а также отсутствие радикальных религиозных традиций в православной среде казахстанского общества.

Национальная политика регулирует и направляет деятельность и отношения между различными этническими сообществами. В демократическом государстве она определяет средства и методы, при помощи которых достигается межэтническое единство на основе экономических, политических и социальных рычагов, культуры и языка.

В своих выступлениях глава государства неоднократно подчеркивал, что в основу национальной идеи Казахстана долж-

ны быть заложены четыре фактора: национальное единство; сильная конкурентоспособная экономика; интеллектуальное, создающее общество; построение Казахстана как уважаемого государства. Эти же идеи были вновь подчеркнуты и развиты в Стратегии «Казахстан-2050».

Основные принципы национальной политики в Республике Казахстан включают в себя:

- равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка и религии;
- запрет любых форм ограничения данных прав граждан по соответствующим признакам;
- сохранение исторически сложившейся целостности Казахстана;
- гарантия прав народов республики в соответствии с Конституцией и нормами международного права;
- содействие развитию их национальных культур и языков и т. д.

Проводимая в стране демографическая политика уже дала свои первые результаты. Согласно состоявшейся в 2009 г. национальной переписи населения, количество казахстанцев выросло и теперь составляет 16004,8 тыс. человек, а доля казахов во всем населении составила 63,1% (или 10,1 млн. чел). Перепись зафиксировала тенденцию к росту числа жителей Казахстана, сменившую период падения 2000 гг. Это объясняется сокращением эмиграции европейских этносов, увеличением темпов роста численности казахов (с +22,9% в 1989-1999 до +26,2% за 1999–2009 гг.) и сокращением темпов убыли русских (-15,3% за период между 1999–2009) и немцев (-49,6%). Самыми многочисленными национальностями по итогам переписи являются, как и раньше, казахи (10,1 млн.) и русские (3,8 млн.). Доля казахов после переписи 2009 г. в населении страны – 63,1% (53,4% в 1999 г.), русских – 23,7% (30,0%), узбеков – 2,8% (2,5%), украинцев – 2,1% (3,6%), уйгур – 1,4% (1,4%), татар – 1,3% (1,7%), немцев – 1,1% (2,4%), других этносов – 4,5% (5,0%). В результате неравномерной динамики естественного движения, а также величины и направленности миграций у разных этнических групп, украинцы по численности уступили 3-е место узбекам, а немцы – татарам и уйгурам.

3. Абдуллина. Этнодемографическая структура Казахстана...

Подводя итог проделанному анализу, можно уверенно утверждать, что тезис о многонациональном составе государства как источнике его слабости и причины быстрого распада, в Казахстане потерпел неудачу. Разумеется, не может быть и речи о том, что все вопросы в межнациональных отношениях решены, что источники потенциальных конфликтов на меж-этнической почве устранены. Тревогу вызывает нарастание экстремистских и террористических настроений в стране. Представители этих движений постоянно и достаточно жестко увязывают вопрос о религиозных убеждениях человека с его национальной принадлежностью. Государство не успевает за развитием ситуации, силовые структуры оказались не готовы к ее новому повороту. Не снят с повестки дня вопрос о национальных трениях на бытовой почве. Другими словами, утверждать, что в республике решены все проблемы, было бы рано.

Тем не менее, наш народ может гордиться тем, что на его территории проживает громадное количество этносов, ощущающих себя КАЗАХСТАНЦАМИ, имеющих Родину – Казахстан. Источник слабости в других государствах, в нашей стране стал цементирующим фактором его стабильности. К свидетельствам стабильности и, одновременно, позитивного развития ситуации можно отнести даже изменение названий. Так, после развала Союза, когда встал вопрос о необходимости утверждения нового названия страны, то основным альтернативным вариантом имеющемуся было название – Казахская республика. Несложно догадаться, что с учетом полиэтничности страны, принятие такого названия государства еще более усугубило бы центробежные настроения в стране. Такая же принципиальность прослеживается и в корректировке названия АНК. Если вначале она называлась Ассамблея НАРОДОВ Казахстана, то теперь – Ассамблея НАРОДА Казахстана. Казалось бы, какая мелочь, поменяли две буквы, изменилось число, но сколько в этом политического смысла и констатации положительной динамики. Продуманная и взвешенная национальная политика, проводимая с первых дней независимости, настойчивость в ее осуществлении привели к необходимым и положительным результатам, имеющим форму тенденции.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҰЛТТЫҚ ҚҰРЫЛЫСЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУ АЯСЫНДАҒЫ ҰЛТТЫҚ ИДЕЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Нүркен Айтымбетов

Тарих ғылымында мемлекеттің құрылысын қалауға қатынасқан алғашқы қауымдастықтар, тайпалар мен халықтар болса, қазіргі дамыған қоғамда мемлекеттерді сол аймақта тұрып жатқан этностарды өзара біріктіру арқылы тек бір ұлттың құрайтыны белгілі. Осы орайда бүгінде ұлтқа берілген анықтамалар ғылымда түрліше. Біздің ойымызша, ұлт дегеніміз – өзінің қазақ (орыс, неміс, жапон) екенін тарих тереңінен бастау алған төл санасымен ұғатын және басқалардан тілдік, рухани, геосаяси, т. б. өзгешелігін айыра алатын адамның үлкен қауымдастығы. Ал, идея – грек сөзі, образ, ұғым, түсінік. Ал атқаратын міндетіне қарай идея сан алуан қырымен көзге түседі. Мәселен, бірде ол сырт дүниені бейнелейтін қоғамдық сананың пішіні болса, енді бірде адамның басты сенімі орнынан көрініс табады, яғни, ұлттық идея мәселесінің мәні ұлттың тілегі, ниеті, ойы дегенге саяды. Сондықтан ұлттық идеяны ұлт мұраты деп алып, қабылдайтын болсақ, онда нақты ұлттық мүдде тұрғысынан ой өрбітуге жетелейді. Оны әлемдегі дамыған мемлекеттер мен дамып келе жатқан мемлекеттердің тәжірибесінен көреміз. Сол себептен, егер біз қазақ елінің дербес мемлекет ретінде қарыштап дамуына мүдделі болсақ, онда болашақ тәуелсіз мемлекетіміздің темірқазығы – ұлттық идеяны анықтап, осы бағыттағы ұстанымымызды нақты белгілеп алудың уақыты әлдеқашан келгенін аңғаруға әбден болады.

Әлемдегі мемлекеттердің саяси ұстанымының, яғни ұлттық идеяларының өзегі барлық мемлекеттерге тән бір ортақ заңдылыққа бағынады. Ол заңдылық (ұлттық идея) – мемлекет өз ұлтының экономикалық, саяси, рухани тәуелсіздігінің, ел мен жер біртұтастығының мәңгі сақталуына және ұлттық байлығы тек халқының игілігіне жұмсалып, жұртының

әлеуметтік жағдайының үнемі жақсарып отыруы мен өз ұлтына тән рухани дамуына арналған бағытты қатаң ұстануы. Осы заңдылық барлық мемлекеттердің даму үрдісіндегі ұлттық идеясының негізгі өзегі ретінде жалпыға ортақ екені белгілі. Өйткені тек осы құндылықтар ғана әр елде барша халықты ортақ мүддеге топтастыра алады. Сондықтан, қазақ халқы құрып отырған мемлекеттің ұлттық идеясының да темір қазығы осы құндылықтар негізінен шығуы заңдылық. Біз мұны дамыған ірі мемлекеттердің Ұлыбритания, Франция, Қытай, Германия, Ресей, Жапония және т. б. саяси ұстанымынан анық байқаймыз. Осы заңдылық әлемдік экономикалық дағдарыс кезінде өте айқын көрінді. Осы бағытта дамуды бекіту, «жаһандану мен әлемдік демократиялық стандартқа сай боламыз» деген ұғыммен алпауыт елдердің қитұрқы экономикалық экспансиясының ықпалдық шеңберіне кіріп кетуден сақтайды. Тәуелсіз ұлттық мемлекет болғымыз келсе, экономикалық және саяси кіріптарлық шеңберіне түсіп қалмау үшін жаһандануға тән халықаралық интеграцияға кіру саясатын өте сақ, өз тәуелсіздігінің келешегіне нұқсан келтірмейтіндей, ұтымдылықпен жүргізілуі тиіс. Осы қатерден аман қалу жолы ең алдымен ұлттық идея негізінде мемлекет құруды жүзеге асыру болып табылады. Ұлттық идея негізінде мемлекет құруға тән заңдылық – оның экономикасының, ішкі және сыртқы саясатының, ғылымының, заң жүйесін құруының, экологиялық қауіпсіздігінің, білім беру жүйесінің, мәдениетінің, ақпарат тарату, ұрпақ тәрбиелеу, қоғамдық сана қалыптастыру мен рухани дамуының идеологиясы мемлекет құрушы халықтың (ұлттың) мүддесін қалтқысыз қорғап, оның ұлттық ерекшелігін сақтауға арналады [1].

Елбасымыз, Н.Ә. Назарбаевтың: «Қазақтың сана-сезімі өткендегі, қазіргі және болашақтағы – тарих толқынында өзінің ұлттық «Мен» дегізерлік қасиетін түсінуге тұңғыш рет енді ғана мүмкіндік алып отыр. Бірақ бұл мүмкіндік қана: ол шындыққа тек қазақтардың ғана емес, барлық қазақстандықтардың жаппай санасына орныққан фактіге айналуы қажет» [2, 56], – деп жазуында өмірлік мәні бар шындық жатыр. Ұлттық идея барша халықтың күш-жігерін, іс-әрекетін

уақыт алға қойып отырған аса жауапты тарихи міндетті шешуде жол таба отырып, бүкіл халықты баурап әкететін күш болуы тиіс. Жалпы, кез келген мемлекетке ұлттық идея қажет, ал оның ұғым-түсінігі, атау-термині әр кезеңде, яғни, әр түрлі қоғамдық формацияларда әр қилы болып келуі объективті заңдылық. Қазақстандағы ұлттық идеяның мән-мағынасын дәл қазіргі таңда түрліше болғанымен, негізгі бастамалар мен ұсыныстар жоқ емес. Оның ең негізгісі қоғамды екіге бөлініп алған ұлтшылдар мен орыс тілділердің БАҚ-та екі жақты қызу пікірталасы мен өткір тақырыбына айналған «Қазақ елі» мен «Қазақстан» деген ұғым түсініктерден де байқауымызға болады.

Халық идеясыз, ал мемлекет идеологиясыз өмір сүре алмайды. Көпұлтты ірі мемлекетті ұстап тұру үшін де құдіретті идеология керек екені әлемдік тәжірибеден белгілі. Батыс елдерінде ұлтты азаматтық деп түсінуі аясында мазмұнынағыз ұлттық, ал бейнесі – азаматтық идеология ұзақ жылдар бойы қалыптасып, берік орнықты. Ал Қазақстанда қазақ халқының бейбіт сүйгіш, өзінің ұлан-ғайыр даласындай кең пейіл менталитетінің еліміздегі саяси тұрақтылық пен ұлтаралық келісімді орнықтыруын қуатты идеологияның функциясы ретінде қарстырады. Алайда, қазіргі қазақстандық қоғамда бұл идея барлық халықты біріктіретін идеяға айнала алмай отыр. Идеологияның өзі мемлекеттің басты сүйенер діңгегіне емес, бүкіл қазақстандық азаматтардың ортақ ісіне айналуы тиіс. Осы орайда, Президентіміз мемлекеттік идеологияның негізгі діңгегі ретінде бес мәселені айрықша атап көрсетіп жүр: Достық, Ұлттық идея мен мәдениет, халықты заңға бағынуға тәрбиелеу және экономиканың үйлесімді бірлігінен жалпыұлттық идеологияның күш-қуаты арқылы халықты түрлі ұлт өкілдерінен құралған біртұтас азаматтық және саяси қауымдастыққа айналдыру. Ұлттық идея – мемлекеттік субъекті болып табылатын саяси-этникалық қауымдастыққа тән болса, өз кезегінде әр түрлі мүдделер мен қауымдастықтарды тұтастырушы ортақ құндылық ретінде мойындалады және өз кезегінде қоғамның трансформациясы барысында ұлттық рухпен тұтасып, мәні де, заты да бір мемлекеттік идеологияны құрайды [3].

Достоевскийдің: «Асқақ идеясыз адам да, ұлт та өмір сүре алмайды» деп жазғанындай, ондағы асқақ идея әр ұлттың болмысына байланысты қалыптасқан ұлттық идея деп білеміз. Ұлттық идея этникалық сезімдердің негізінде пайда болады, дейтұрғанмен, ұлттық идея бері салғанда ғасырлық, әрі салғанда дәуірлік мұратын айқындайтын, келер ұрпақтарға да шамшырақ бола алатын заманалық рухани философия, тарихтың жоғалтқанын бүгіннен іздеу, бүгінгінің талабын тарихта кеткен қателіктерден арыла отырып қанағаттандыру, келешекке халық тарихының философиясы арқылы үңілу.

Мемлекет құруда тіл мен рухани тәрбие мәселесінің маңызы адамзаттың даму үрдісінде алатын орны ерекше екенін осыдан екі мың бес жүз жылдай бұрын өмір сүрген, әйгілі Дарий патша былай деп айтып кеткен – «Баянды мемлекет болу үшін халықтың бір тілде, бір дінде болуын қамтамасыз ету керек» [4, 112]. Осы қағида тарихтағы және қазіргі кездегі мықты мемлекеттердің тәжрибесімен өзінің өміршең заңдылық екенін көрсетіп отырғанына ешкім күмән келтіре алмайды. Ол үшін экономиканың, саясаттың, ғылымның, технологияның, білім беру мен рухани тәрбие жүйесінің, ақпарат кеңістігінің қазақ тілінде сөйлеуін бірінші кезекте іске асыру қажет [5]. Біздің азаматтық борышымыз өз ұлтымыздың дамуын ғылыми жетістіктерді пайдалана отырып, табиғи заңдылықтан ауытқымай, волюнтаризмге жол бермей іске асыру. Осы орта қалыптастыруға үлкен әсер ететін, отаршылдық ықпалынан арылтатын ономастика мәселесіне ерекше көңіл бөлу керек.

Әлемнің екінші ұстазы Әл-Фараби: «Өткен тарихыңды білмей келешекке дұрыс қадам баса алмайсың» – дегендей, қандай да болмасын мемлекеттің және ұлттың идеясын жасау үшін оның басынан өткерген қиын-қыстау, ұзақ сонар тарихы бойындағы сан мыңжылдар бойы қалыптасқан негізгі ерекшеліктері мен өзіндік құндылықтарынсыз елестету мүмкін емес. Сол сияқты бүгінгі таңда да Қазақстандағы мемлекеттік құрылысты жүзеге асыру барысында ұлттық идеяны қалыптастыруда халқымыздың сонау ғасырлар елегінен өтіп, айдар тағылған өзіндік мәдени философиялық, рухани-әлеуметтік ерекшеліктерін негізге алу қажеттілігі туындай-

ды. Зер салған адамға қазір қазақ ұлтының рухани жаңарып, өшкенін жандырып, өлгенін тірілтуге тырысып жатқандығы көрінер еді. Осыған қарап қазіргі кездегі ұлттық пассионарлық кернеудің шамасы – шындығында да өрлеу сатысында екендігіне толық көз жеткіземіз. Демек, келесі пассионарлық жарылыстың да этностық кеңістік үшін уақыты аса алыс болмауы керек.

Қазіргі тарихи кезеңде, яғни, ХХІ ғасырдың басында қазақ халқының ұлттық санасы мен дүниетанымы жаңарып, өзін-өзі тану, өзін басқаға таныту, өзінің бай ежелден қалыптасқан тарихы мен ұлттық дәстүрлерін құрметтеу, ұлы тұлғалары мен ойшылдардың бүкіл дүниеге таныту, бай рухани және мәдени қазынасы әлемдік өркениетпен ұластыру бағытында қыруар шаруалар атқарылды. Дегенмен, осы заманауи маңыздылығы бар нағыз рухани қайта түлеу мағынасындағы іс-әрекеттердің іргетасы сонау ХХ ғасырдың басындағы қазақ зиялыларының шынайы, халық сүйгіш қызметтерімен аста-сып жатады. Сондықтан тарихи тамырластықтың көрінісін жандандыру арқылы этностық мәдени мұрамыздың рухани келбетін өзектендіре түсіп, данагөй тұлғалардың есімін халық жадында сақтаумен ұлттық санамызды жаңғырту мен ұлттық бірегейлігімізді қалыптастыру үрдісі қатар жүретінін ескеруге болады. Осы ұрпақтар арасындағы рухани сабақтастықтың арқасында тарихи көпірлер жалғасатыны белгілі. Демек, қазіргі уақытта алдыңғы буын Шығысқа, артқы буын Батысқа қарап тұрған заманда ұрпақтар сабастығы, рухани сабақтастық өз шешімін таппаған мәселе болып қала бермек. Абай атамыз тәлім-тәрбие беретін адам болса, оны қабыл алатындар жоқ емес десе, сол үлгі өнеге болып көрінетін ағалар тарапынан қандай нәтиже бермек, жас ұрпақ қандай ұстанымға келуде, ойға салмақ түсіп, нені үлгі етуде? Әке мен бала мәселесі бүгінгі күні қайта қарастырылуды қажет етеді, яғни, келешек ұрпақтың бағыт-бағдарына қоғамдағы көзқарасы мен ойы әділ бағаланатынына сенімді жағдай тууы тиіс. Дейтұрғанмен, мазмұны космополиттік ағайындар сауалдамаларына, осындай, мылтықсыз шайқаста Ұлттық идея жауап беруге тиіс, ал заман биігінен табылуды намыс мұраты ету – ұлттық идеяның күретамыры болып табылады.

Сондықтан ұлттық идея қоғамдық санадағы прогресті қамтамасыз етуші рухани күш. Ол халықтың бұқаралық санасында белгілі бір орын алып қана қоймай, сонымен қатар мемлекеттік деңгейдегі белгілі бір саяси платформаға, әлеуметтік бағдарлық парадигма шамасына жеткенде ол тұтастанған идеологияға айналады. Ондай тарихи тәжірибені, өзіндік әлеуметтік деректі кеңестік кезеңдегі социалистік, немесе коммунистік идеядан немесе Қытайдағы «мәдени революция» идеяларынан көреміз. Ондай әрекеттер әдетте үлкен зұлматты жағдайларды туындатып отырды. Жоғарыдағы тоталитарлық сипаттағы мемлекеттерде ұлттық идеяның өзі шынайы табиғи қызметінің түрін өзгертіп, барынша жалаң саясаттанған жағдайға дейін жеткенін байқаймыз. Сөйтіп, ұлттық идеяның халық үшін маңызы мен мазмұны сондай ерекше бола тұрып, ол қоғамдық ағымды әр түрлі сағымдық жолдарға түсіріп жіберетіндей қасиеттері де бар. Ғылымда мұндай процесті «әлеуметтік флуктуация», яғни әлеуметтік ауытқушылық деп бағалайды. Бірақ дегенмен тарихта түп-түзу сызықпен дамыған немесе рухани мәдениеті бір векторда ғана өрбіген ешқандай ел жоқ, барлық халықтар тарихтың соқпақты жолдарында адасулар мен жол табуларды кешті. Тарихи процестің күрделілігі де, маңыздылығы да осында болып табылады. Сондықтан тәуелсіз еліміздің өз алдына мемлекеттік құрылысын жүзеге асыруда қазіргі заманға сәйкес қоғамды бір арнаға бағыттайтын құдіретті идеяны тауып, сол арқылы әлемдік дамыған мемлекеттердің қатарын толықтыруы сөзсіз.

Әдебиеттер

1. *Әбжанов Х.* Алаш ұлықтаған ұлттық идея // Егемен Қазақстан; 2008 ж. №174 (13 маусым).
2. *Назарбаев Н.Ә.* Тарих толқынында. – Алматы: Атамұра, 1995.
3. *Сейдімбек А.* Ұлттық идея // Қазақ әдебиеті. – №33. 15.08.2003ж.
4. *Айталы А.* Ұлттық идея. – Алматы, 2006.
5. *Арын Р.* Новая национальная идея – путь к стабильности Казахстана // Вестник КазГУ, Серия политология. 1999. – №2.

САМОБЫТНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР КАЗАХСТАНА И ИХ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ РЕСПУБЛИКИ

Светлана Ананьева

На современной карте мира независимый Казахстан представляет несомненный интерес – как содружество многих наций и народностей. В республике созданы и успешно функционируют многочисленные этнокультурные центры, развиваются национальные литературы, создают произведения крупные писатели и поэты, драматурги и публицисты. Наше суверенное государство демонстрирует мировому сообществу не декларативное, а глубокое взаимопонимание и взаимоуважение народов. Это особенно важно в современном мире, когда на первый план выходят феномены мультикультуральности (культурного разнообразия) и мультикультурализма, вызывающие полярно противоположные оценки в странах Европейского союза и США. Казахстану удалось превратить мультиэтничность из фактора потенциального риска в конкурентное преимущество.

Диалог культур и цивилизаций – насущное веяние времени. Поэтому так востребованы и актуальны вечные проблемы духовных и моральных ценностей, мировой этики, диалога и сотрудничества, солидарности. Казахстанский опыт межконфессионального и межэтнического согласия и сотрудничества, вне всякого сомнения, один из наиболее реальных, плодотворных и успешных на всем постсоветском пространстве. Этноты Казахстана, сохранив свои национальные культуру, искусство и литературу, выводят их на новый уровень достижений. Сложившееся в республике уникальное поликультурное пространство с единой духовной основой способствует их дальнейшему поступательному и динамичному развитию.

Под пристальным вниманием Президента Назарбаева в Казахстане реализуется ряд приоритетных задач по даль-

нейшему укреплению потенциала межэтнического согласия, гражданской идентичности, толерантности, уважения к культуре и традициям всех этнических групп. Поощряются инициативы, направленные на гармонизацию межнациональных отношений, раскрытие духовного родства этносов и культур и их межэтнического взаимодействия. Прогрессивным фактором развития казахстанского общества являются поликультурность и толерантность.

В республике издаются газеты на казахском, русском и других 15 языках, в том числе на украинском, польском, английском, немецком, корейском, узбекском, уйгурском, турецком. Осуществляются театральные и музыкальные постановки на сценах 6 национальных театров, в том числе – корейском, уйгурском, немецком. О развитии межэтнического согласия свидетельствует тот факт, что в местах компактного проживания этнических меньшинств функционируют национальные школы на 22 языках.

Способность одной нации осваивать достижения другой, стремление щедро делиться своими духовными ценностями – важнейшие критерии жизненности национальных культур и литератур в XXI в. В XX в. развитие казахской, русской, уйгурской, немецкой, корейской, татарской, курдской и других литератур Казахстана в стадийном отношении проходило в едином направлении. К настоящему времени накоплен колоссальный материал и огромный опыт в области изучения отдельных национальных литератур, разработаны принципы сравнительного рассмотрения художественной эволюции человеческой мысли. В условиях усиливающейся интеграции и углубления инновационных процессов на новом теоретическом уровне продолжается переосмысление всего пути, пройденного национальными литературами республики. Определяются его основные вехи, этапы, периоды, раскрываются тенденции и особенности развития, самобытность и динамика каждой литературы.

Культурное единство Казахстана имеет в своей основе исторические традиции взаимовлияния культур и литератур. Куль-

тура Казахстана – не только самобытное региональное явление, но и часть глобального культурного моста «Восток – Запад». Исламская цивилизация, тюркский мир, культура и глубокие традиции китайской цивилизации, культурно-цивилизационная среда России – в таком ярком окружении и взаимодополнении расцветает и крепнет казахская культура. Ядром, вокруг которого выстраивается общность социокультурного пространства всего казахстанского народа, где не будет растворяться культурная самобытность населяющих страну этносов и диаспор, является, по глубокому убеждению президента страны, казахская культура. Поэтому не будет преувеличением считать, что дальнейшее развитие не только этносоциальной, но и государственной идентичности, укрепление суверенитета и независимости республики напрямую связаны с культурными процессами.

Развитие национальных литератур представителей этносов, проживающих в Казахстане, играет немаловажную роль в сохранении межнационального согласия в республике, что, в свою очередь, влияет на сохранение духовной безопасности страны. Произведения писателей и поэтов современных литератур интересны по тематике, проблематике, жанровому своеобразиею. Творческая индивидуальность мастеров художественного слова и различные принципы подхода к изображению действительности определили разнообразие художественных решений.

Интенсивность процесса национальной и личностной самоидентификации активизирует потребность вхождения в расширяющийся контекст межкультурного диалога. Национальные культуры стремятся вписаться в мировое культурное пространство, оставаясь в то же время сугубо национальными, не теряя своих самобытных и отличительных черт и обогащаясь новым содержанием. Важнейшая особенность творчества мастеров художественного слова нашей республики и характерная его составляющая – принципиальный выход за рамки одной национальной культуры и литературы.

Современная гуманитарная мысль стремится стать школой понимания Другого (национального мира, художественной реальности, человека), что раздвигает границы познания и обо-

гащает наши национальные культурные миры. Поиск ответов на важнейшие вопросы современности, вызовы глобализации способствуют раскрытию этнокультурного мира, общечеловеческое и общемировое волнует каждого писателя и поэта, «идентичность» и «диалог» выступают как взаимодополняющие регуляторы национально-литературной динамики.

Общие моменты в развитии национальных литератур позволяют вести речь о неоспоримых ценностях, неподвластных времени, о духовном родстве народов и литератур, о значении их содружества в деле укрепления и гармонизации межнациональных отношений, сохранения межнационального согласия. Межнациональное содружество – не только особенность, но и стимул современного литературного процесса. Творческие индивидуальности и различные принципы подхода к изображению действительности определили разнообразие художественных решений. Общими для литератур Казахстана являются гуманизм, национальная определенность подлинного искусства, чувство патриотизма, художественное воспроизведение конкретных условий жизни народов, углубление художественного интереса к национальной действительности и возможностей ее постижения. Многонациональная действительность закономерно пробуждает интерес к национальному своеобразию, национальной специфике.

Настало время создания истории новейших национальных литератур республики, изучения ее эволюции во втором десятилетии двадцать первого века. За годы независимости литературы Казахстана представляют собой единый и целостный эстетико-культурный феномен, в котором важно раскрыть эстетику взаимодействия русской, уйгурской, курдской, немецкой, корейской, татарской, узбекской литератур. В настоящее время ведущие научные сотрудники отдела аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова работают над новым проектом «Литературы Республики Казахстан на современном этапе».

В литературах Казахстана многоаспектно и в разных жанрах раскрываются казахская тематика и качественно новые

идейно-художественные этапы развития и проблематики (тема политических репрессий, большой и малой родины, судьба художника на рубеже эпох и т. д.). С большим интересом в странах дальнего и ближнего зарубежья воспринимаются доклады на конференциях и симпозиумах самого высокого уровня, посвященные ярким представителям наших национальных литератур, основным тенденциям развития, стилевым поискам и особенностям поэтики. Разнообразные аспекты диалога национальных культур и литератур Республики Казахстан периода независимости раскрыты в коллективных трудах института «Литературно-художественный диалог» (2008), «Международные связи казахской литературы периода независимости» (2008), «Интеграционные процессы и казахская литература» (2011).

Раритетным изданием стала коллективная монография «Литература народов Казахстана» (2004), в которой особо подчеркнута важность роли «духовной культуры народов Казахстана в сохранении межнационального согласия, в переосмыслении проблем современного национального самосознания в условиях мультикультурной среды» [1, с. 3]. На развитие национальных литератур Казахстана авторы коллективной монографии, впервые изданной в период суверенитета, предлагают смотреть как на процесс и анализируют крупные периоды этого процесса с точки зрения взаимовлияний литератур в рамках общих закономерностей и специфических, характерных особенностей развития всей современной литературы.

Очевидно, что воспитательный и образовательный потенциал национальных культур и литератур используется в недостаточной степени для укрепления национальной консолидации Казахстана и нового казахстанского патриотизма как идеологии развития нации до 2050 г.

Национальные литературы нашей республики развиваются в уникальной социоисторической, цивилизационной ситуации, органично вбирая в себя традиции казахской культуры. Как реализуется данный синтез в творчестве поэтов и прозаиков, каким они видят Казахстан – это и предстоит выяснить авторскому коллективу новой монографии «Литерату-

ры Республики Казахстан на современном этапе». Предстоит показать расширение диапазона национальных культур, раскрыть их особо значимый вклад в сохранение и упрочение межнационального и межэтнического согласия, толерантности, стабильности развития суверенного Казахстана.

Литература на современном этапе развивается ярко и интенсивно, включаясь в диалог культур. Писатели и поэты, драматурги и публицисты участвуют в диалоге культур как современники, вступают в переключку двух и более национальных культур и литератур. Все это придаст новый импульс дальнейшему поступательному развитию словесного и других видов искусства суверенного Казахстана.

Подобные научные издания, написанные с привлечением специалистов в области национальных литератур республики, представляют определенный интерес в плане гуманитаризации образования. Включение курсов «Литература народов Казахстана» и «Литературы Республики Казахстан на современном этапе» в программу высшего и послевузовского образования республики внесет существенный вклад в сохранение межнационального согласия в стране. Все национальные литературы нашей республики объединяет, по мнению писателя, исследователя Александра Кана, «один пронзительный посыл совершенной любви к несовершенному миру, через который наша стойкая, дерзкая литература, в своих лучших проявлениях, своим чистым голосом присоединяется к хору литературы мировой» [2, с. 271].

Особенностью литератур Республики Казахстан является их обращенность в будущее. Описывая события прошлых лет, они устремлены в XXI в. и воссоздают художественно реальную современную картину мира и социокультурную ситуацию в стране.

Литература

1. Литература народов Казахстана. – Алматы: НИЦ «Ғылым», 2004.
2. Кан А. Книга белого дня. – Тараз: Сенім, 2010.

РОЛЬ И МЕСТО МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССАХ КОНСОЛИДАЦИИ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Никара Биекенова

В концептуально-методологический арсенал социальных теорий прочно вошли такие понятия, как глобализация, фрагментация общества, массовая культура, мультикультурализм, транскультурализм. Особое внимание исследователей заострено на таких проблемах, выявляемых глобализацией, как нарастающее информационное единство мира, расхождения в понимании ценностей среди различных этнических, национальных, культурно-цивилизационных общностей, проблемы сохранения людьми и социальными группами своей идентичности, национальной самобытности и т. д.

В анализе процессов глобализации важно понимать и верно оценивать различные аспекты ее воздействия на социокультурную динамику современного мира. Для культурной глобализации характерно распространение массовой культуры по миру. Тенденция к унификации и стандартизации культурного пространства, его построение по единому лекалу закономерно порождает противоположно направленную тенденцию – ряд стран в качестве приоритета первостепенной важности рассматривают решение задачи возрождения национальных культурных ценностей. В современном обществе особенно подвержена глобализационным процессам такая социально-демографическая страта, как молодежь, для которой, в силу ее психолого-возрастных особенностей, характерно активное, стихийное и никем не контролируемое заимствование культурных ценностей и норм самого разного происхождения, открытость границ для взаимовлияния и расширяющееся межнациональное общение [1]. Молодежная интерпретация окружающей действительности во многом определяет направления общественного развития.

Общество, находясь перед фактом множества социальных противоречий, ищет пути межэтнической, межконфессиональной и межкультурной консолидации и взаимосогласованного коллективного сосуществования. Основным препятствием на этом пути является даже не столько откровенная националистически-ксенофобная идеология и логика мышления, сколько во многом безотчетная, неосознаваемая аффективно-эмоциональная интолерантность, нежелание понимать и принимать как должное различия в национальных образах мира, стилях жизни, этнокультурных ценностях, национальных традициях. В восприятии и оценках такого рода различий индивиды или группы зачастую руководствуются стихийно сформировавшимися негативными этническими стереотипами. Непонимание порождает настороженность и враждебность. Поэтому взаимопонимание, основанное на взаимодействии и взаимопроникновении культур в поликультурном пространстве, является необходимым условием консолидации общества.

В исследованиях, посвященных проблемам мультикультурализма, этим термином, как правило, обозначается политика, направленная на обеспечение социальных, политических, культурных прав всех этнических групп, составляющих население того или иного государства. Вместе с тем, уже буквальное значение слова «мультикультурализм» предполагает гораздо более широкое понимание феномена множественности культур, чем сведение культурного многообразия к его этнокультурной модальности. Каждая культура, в том числе национальная и этническая культуры, имеет многоуровневое строение и включает в себя различные сегменты, которые образуют структуру субкультурного пространства. Субкультуры играют чрезвычайно важную, зачастую – определяющую роль в социализации молодежи, в процессах ценностно-мировоззренческого становления подрастающего поколения. Однако данному обстоятельству практически не уделяется внимания в многочисленных концепциях, программах, планах мероприятий – в том числе, и разрабатываемых по линии АНК –

направленных на интенсификацию процесса консолидации казахстанского общества и на повышение эффективности гражданского и патриотического воспитания молодежи.

Молодежь не всегда разделяет ценности старшего поколения, а подчас выстраивает собственный ценностный мир как антитезу нормативным требованиям социума, воплощенным в мире взрослых. В результате происходит размывание представлений о норме: все дозволено, каждый прав по-своему, что оборачивается оправданием любого порока. По мнению В.Н. Сагатовского, если главное – это наслаждение новизной, если нет ответственности и сложившееся общественное целое с его ценностями, нормами, императивами надо разрушать, а не развивать, то «процессы социализации и индивидуализации имеют все шансы смениться процессом тотального разращения» [2, с. 83].

Размытость общезначимых норм ведет к тому, что человек вынужден или ориентироваться на специфические, партикулярные ценности определенной социальной группы, или определять их для себя самостоятельно, что порождает не столько «нравственный плюрализм», отстаивающий право тех или иных социальных групп или людей обладать «истинными для них ценностями», сколько нравственный релятивизм. Однако имплантация принципов релятивизма в сферу нравственности означает не свободу нравственного самоопределения, но разрушение этой сферы.

В условиях глобализации, сопровождаемой появлением все большего разнообразия культурно легитимных жизненных стилей, углубленное изучение феномена субкультуры становится все более актуальным. Специфика феномена субкультуры характеризуется разнообразием подходов к их изучению.

Острый интерес к субкультуре обусловлен не только потребностью в рефлексии культурной специфики современного социума, но и постоянным возрастанием с начала второй половины XX в. значимости субкультурных аспектов социальных процессов. С этого времени разработка сущностных ха-

рактических и моделей динамики молодежной субкультуры стала одним из важных направлений социальных, культурологических, социально-психологических исследований. Авторы этих исследований условно можно поделить на несколько групп, в зависимости от того, как эти авторы осмысливают причины появления субкультур. Первая группа – авторы, считающие, что появление субкультур является прямым следствием того конфликта, который возник между поколениями в последней четверти XX в. (Л. Фойер, К. Маннгейм). Ко второй группе можно отнести тех исследователей, кто считает, что субкультуры появляются тогда, когда между индивидами, принадлежащим к одной социальной группе, возникает общность эмоций и переживаний (Дж. Маклейн, М. Брейк). Третья группа специалистов полагает, что субкультуры являются историческим феноменом, возникающим на определенной стадии развития общества, когда завершается формирование структур постиндустриального общества (Э. Тоффлер). Авторы четвертой группы утверждают, что возникновение субкультур связано с действием совокупности социально-политических факторов [3].

Таким образом, можно говорить о многостороннем понимании субкультуры, в частности, молодежной. Многие исследователи конструируют свое понимание феномена субкультуры исходя из того, что сами они в каждой конкретной ситуации склонны называть субкультурой.

Сегодняшняя молодежная субкультура – это субкультура с собственной картиной мира, включающая собственную систему норм и ценностей, взглядов, убеждений и интересов. Наиболее известными субкультурными общностями являются: музыкальные (хиппи, хип-хоп, панк и т. д.), арт-субкультуры (аниме), спортивные (байкеры, паркур, скейтеры), контркультуры.

Важнейшей функцией институциональных организаций является включение личности в социальные отношения в процессе ее социализации, приобщение к социальным нормам и ценностям. Социальные институты поощряют действия мо-

лодых людей, согласующиеся с соответствующими стандартами поведения и направленные на интеграцию общества. Однако зачастую молодежь выбирает собственные пути участия (или неучастия) в социальной жизни и отстаивает свое право на такой выбор, в том числе, в рамках и посредством института молодежной субкультуры.

Так, В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс отмечают следующие виды интеграции молодежи в общество:

1. Безуспешная попытка интегрироваться в общество ставит молодежь перед необходимостью поиска альтернативных каналов интеграции и непростого выбора между самореализацией через труд и самоутверждением в рамках молодежной субкультуры, часто сопряженной с правонарушениями. Нормы, являясь средствами социальной регуляции поведения молодых людей, объединяют их в общности, обеспечивают воспроизводство социальной структуры, поддерживают процессы функционирования общества как системы взаимодействия групп [4, с. 78]. Но когда институт перестает обеспечивать цели и интересы молодежи в целом или отдельных ее групп, возникают конфликты. На фоне этих конфликтов, связанных с неравенством жизненного старта и дальнейшей самореализации, возникает риск нисходящей мобильности и расширения социальной базы исключения.

2. Успешная интеграция молодежи в общество, в различные типы социальных общностей подкрепляется как внешними, так и внутренними для нее факторами, среди которых выделяется социальная идентичность как самоощущение единства и неразрывности со всем социальным окружением. Складываясь из отдельных идентификаций и определяясь принадлежностью личности к социальным группам в процессе взаимодействия с ними, идентичность оказывается важным регулятором солидарного самосознания и согласованного поведения молодежи. Ценности при этом выступают в качестве своеобразного культурного кода, своего рода индикатора, позволяющего судить, насколько успешно протекает процесс культурной идентификации группы. То есть идентификация с

культурными ценностями в процессе включения молодежи в социальные группы выступает в качестве культурного основания ее социальной интеграции. Она выражается в степени согласованности между культурными стандартами, нормами и образцами поведения молодых людей, в уровне адекватности отображения культурных образцов общественного и группового сознания в их индивидуальном сознании. Совместная деятельность людей по воспроизводству культурных ценностей обеспечивает превращение ценностей в нормативный стандарт с его последующим закреплением в сознании и формирует устойчивую самоидентификацию молодого поколения с обществом [4, с. 79].

Отношение многих людей старшего поколения к молодежной субкультуре сводится к неодобрению или недоверию. Однако говорить о том, что молодежь, не находя понимания в окружающем мире, не видя способов выразить себя привычными для общества формами, тем самым становится девиантной или криминальной, неправильно. Субкультуры – это процесс приспособления к господствующей (доминирующей) культуре, но с сохранением относительной автономии. Субкультуры выступают в качестве важнейшего механизма социализации: поскольку в рамках субкультуры молодой человек реализует личностный потенциал, получает одобрение и признание сверстников, субкультура способствует ускоренной адаптации молодых людей к обществу [5].

Имеет место быть также такая точка зрения, согласно которой, субкультура – это культура меньшинства. Разделяющие эту точку зрения авторы утверждают, что «субкультурная» молодежь всегда дистанцируется, отличается от большинства. Поэтому-то любая субкультура – какой бы массовой она ни была – не может не быть культурой меньшинства. В этом меньшинстве молодежь находит таких же, как она сама. Быть вместе проще, если ты выделяешься из толпы, не похож на общую массу. Не быть как все можно, например, на этно-вечеринке. В Алматы существует такой формат вечеринки, как «микст самобытных народных инструментов плюс электронная музыка» [6].

Во многих субкультурах бывает та вершина ее эволюции, когда она в тренде, в «моде», в нее приходит молодежь – просто потому, что это «модно», потому что там друзья, знакомые, одноклассники. Но это, во многом случайное, стечение обстоятельств делает данную субкультуру массовой. Следует обратить внимание и на то, что казахстанскую молодежь в большей степени привлекает эстетика различных субкультур, молодежь обычно воспринимает лишь внешнюю оболочку, чтобы соответствовать современным новомодным тенденциям. Некоторые течения проявляются только в виде разовых акций, чтобы ради интереса примерить на себя какой-то стиль, испробовать новый имидж. Так, например, в Алматы были проведены несколько вечеринок, посвященных движению стилия и клубных танцоров. Также в Алматы популярны тематические вечеринки, где молодые люди переодеваются в яркую, привлекающую к себе внимание одежду образца «Чикаго 1930-х гг.», отдавая дань отменно элегантному стилю того времени [7].

Молодежные объединения в своем большинстве ориентированы на удовлетворение потребности молодых людей в свободном, нерегламентированном общении. Так, в последние годы большую популярность в Алматы получила субкультура «аниме». «**Анимешники**» проводят свое время за просмотром и изучением японского **аниме** или манги, которые отличаются разнообразием жанров, не уступающих по своему смысловому и визуальному наполнению киноиндустрии. Перед праздником Наурыз в Алматы был организован фестиваль «Ня!урыз 2013», где участники могли выступить в одиночном или групповом косплее, что означает переодевание в костюм любимого персонажа и присущее ему поведение. Для молодых людей косплея выступает как некий способ самовыражения, воплощения своего индивидуального мировосприятия.

Использование свободного времени молодежью является своеобразным индикатором ее культуры, круга духовных потребностей и интересов конкретной личности молодого человека или социальной группы. Являясь частью свободного

времени, досуг привлекает молодежь его нерегламентированностью и добровольностью выбора различных его форм.

Часто происходит так, что участие в тех или иных молодежных объединениях, проведение свободного времени определяется не осознанным выбором определенного стиля жизни и социально-политической позиции, а зависит от материального положения родителей. Экономическая сфера всегда является неотъемлемой частью жизни человека и общества, которая связана с обеспечением материальной основы существования человека, что, в свою очередь, является источником творческого, духовного и социального развития человека. Вместе с тем, невозможность приобщиться к яркой, полнокровной и вместе с тем духовно насыщенной среде социальной жизнедеятельности в силу элементарного отсутствия денег становится сегодня уделом значительной части казахстанской молодежи. Такое положение дел является очень тревожным. В условиях дефицита референтных групп общения молодежь особенно подвержена влиянию различного рода криминальных группировок [8, с. 161].

В целом для молодежного неформального движения в Казахстане свойственна «субкультурная диффузия» [9], смешение различных направлений моды. В соответствии со своими жизненными ценностями и установками, молодежь выбирает себе «субкультуру». Субкультура влияет на различные аспекты общественной жизни – культуру, моду, поведенческие тенденции, взаимоотношения с миром и самим собой. Молодежная субкультура проектирует жизненные ситуации, которые учат молодых людей адаптироваться к жизни в обществе.

В современном мире успешность социальных, экономических, политических реформ во многом зависит от активного участия в них молодых. При этом очень важно адекватно оценивать молодежь, понимать, какие ценности преобладают в их сознании, какие особенности характеризуют ту или иную молодежную субкультуру. Понимание и учет особенностей молодежной субкультуры становится непременным условием разработки и проведения эффективной молодежной поли-

тики как важнейшего направления работы государственных и общественных организаций по дальнейшей консолидации казахстанского общества и повышению уровня гражданского и патриотического сознания наших соотечественников.

Литература

1. *Кравченко А.И.* Культурология: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2002.
2. *Сагатовский В.Н.* Есть ли выход у человечества? – СПб: Петрополис, 2000.
3. *Шендрик А.И.* Социология культуры. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
4. *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. Второе издание. – М.: Наука, 2003. – С. 77.
5. *Абдирайымова Г.С.* Ценностные ориентации современной молодежи (социологический анализ): монография. – Алматы: БАУР, 2005.
6. www.vk.com
7. Нереволюционные увлечения // Центр Азии. – №1(14). – 2010 // <http://magazine.asiakz.com/rus/article/335>
8. *Айдарбеков З.С.* Казахстанская молодежь: ценности, приоритеты, стратегии самоопределения. – Алматы, 2008. – С. 161
9. *Тесленко А.Н.* Молодежная культура в Республике Казахстан // http://teslenko.kz/pages/y_culture.html

КОНСОЛИДАЦИЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА

Анджей Вержбицки

В казахстанской этнополитике много внимания уделяется формированию единого *народа Казахстана*. Такое, соответствующее гражданско-территориальным критериям определение нации отвергает разделение граждан Казахстана на «титულных» и «нетитулных», «большинство» и «меньшинство». Об этом свидетельствует множество инициатив и документов, в том числе, *Доктрина Национального Единства Казахстана*. В очередной раз это подчеркнул Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев в своём последнем *Послании народу Казахстана*: «*Вся казахстанская идентичность должна стать стержнем исторического сознания нашего народа*» [1]. Основой казахстанского государствообразующего процесса, как правильно замечают Анатолий Косиченко и Аскар Шоманов, не являются однозначно ни этнический, ни гражданский принципы [2]. Такая этнополитика не устраивает ни национал-патриотов, для которых здесь недостаточно учитывается интерес казахского народа, ни некоторых представителей политических и национально-культурных организаций неказахской части населения, для которых она является слишком «казахофильской» [3]. Казахстанским лидерам удалось выработать особую модель общежития различных этносов [4]. Однако полная консолидация народа Казахстана возможна в случае преодоления внутриказахского и межэтнического разделения.

Внутриказахская консолидация

Соответственно *Доктрине Национального Единства Казахстана*, «...перед казахским народом, который дал своё имя стране, стоит новая историческая миссия: стать консолидирующим центром объединения нации» [5]. Реализация этой миссии обусловлена консолидацией казахского народа, столкнувшегося с явлениями, препятствующими внутренней консолидации.

Первое – это укрепление казахской национальной идеи и сопутствующее ему возрождение трайбализма. У национализма и трайбализма – противоположные цели. С одной стороны, само по себе возрождение и укрепление родоплеменной или жузовой принадлежности не является отрицательным процессом. Наоборот, всю свою историю казахи существовали как триединое, хотя иногда разобщённое целое, и их естественным стремлением было всегда сохранять эту исторически сложившуюся этнонациональную особенность. Парадоксально, но иногда внутреннее этническое разделение способствует сохранению единства. По мнению Льва Гумилёва, «разделение этноса на племена выполняет функцию скелета, на который можно «натянуть» мускулы, благодаря чему он приобретает силу для борьбы с «неприятным окружением» [6]. Но, с другой стороны, жузовая солидарность или межжузовые соглашения являются признаком казахского национализма, стремящегося к политическому преобладанию над остальными этносами [7]. К структурам власти допускаются представители жузов, т. е. только казахи, что ограничивает поступление на госслужбу на центральном и региональном уровне лиц других национальностей. Тем самым усугубляется противоречие между общенациональными и родоплеменными целями. В результате, как пишет Берик Абдыгалиев, страной управляет узкая этноэлита, «этническая корпорация», которая не представляет весь казахский народ, но имеет свой частный интерес [8].

Насколько «живой» является жузовая принадлежность, доказывают исследования Казахстанского института социально-экономической информации и прогнозирования, по которым лишь 11,1% опрошенных респондентов-казахов не знают о жузах, либо не относят себя к жузам [9]. 2/3 казахских респондентов знают семь поколений своих предков. Одновременно появляется дуальное измерение внутриказахской идентичности, поскольку только 0,9% казахских респондентов ощущают себя, в первую очередь, представителями жуза и 4,1% – представителями рода. Зато 56,7% респондентов отождествляют себя с казахстанцами, гражданами Республики

Казахстан и 32,9% – с представителями своей национальности [10]. При выборе деловых партнеров 44,6% респондентов отдадут предпочтение представителям своего рода. На этом основании можно сделать вывод, что на общегосударственном макроуровне значение жузовой или родоплеменной принадлежности ослабевает, но её роль растёт на микроуровне.

Вторым барьером, который осложняет консолидацию казахского народа, является феномен *шала қазақ* – многочисленного казахского русскоязычного населения, отличающегося от традиционных казахов – *нағыз қазақ* [11]. «Меня беспокоит, что нацию искусственно делят на «нағыз казахов» и «шала казахов» [12], но такое деление, к сожалению, существует. *Шала қазақ* это казахи, которые, кроме русского языка, принимали также русское сознание и культуру, но оставались казахами, соответственно действующему самоопределению: «Я – казах, но не владею казахским языком».

Ключевое значение для национальной солидарности имеет вера в сообщество кровного происхождения, унаследованного от родителей и основанного на языке. С одной стороны, как писал польский учёный Станислав Осовски, язык стал самым распространённым критерием национального единства, поскольку родной язык – это язык родителей и может быть признаком происхождения, особенно в пограничье, где соседствующие этнические группы отличаются друг от друга языком [13]. С другой стороны, прав британский учёный А. Смит, для которого язык не является детерминантой национальной идентичности [14]. Поэтому уместной кажется теория Л. Гумилева, в которой «каждый этнос имеет свою внутреннюю, практически неповторимую структуру и стереотип поведения» [15].

Называть *шала қазақ* русифицированными казахами не совсем корректно, поскольку под русификацией надо подразумевать действия или стратегии, целью которых является сделать кого-то русским и/или стремление кого-то стать русским [16]. Советская национальная политика не стремилась превратить нерусские народы в русских [17]. Даже если со временем нерусские всё сильнее идентифицировали себя с

русскостью, то она была только неизбежным инструментом на пути к созданию *интернационалистского советского народа*. Скорее всего, шала қазақ – это результат культурной и языковой ассимиляции, незаконченной полной национальной конверсии [18]. *Шала қазақов* считают переходным субэтносом между казахами и русскими, что осложняет межэтнические отношения. Несомненно, деление казахов на *шала қазақов* и *нағыз қазақов* отрицательно влияет на формирование единого народа Казахстана. Оно доказывает также, что этнонационализм и примордиалистские концепции нации на постсоветском пространстве не имеют права на существование в условиях дифференциации и смешения населения.

По данным приведённого выше исследования, отношения между казахами, знающими и не знающими казахский язык, носят негативный оттенок (56,4%). Для 24% респондентов – это «отчуждённость», а для 32,4% – «неприязнь». Оптимистично настроен 41,4% респондентов, которые оценивают отношения между этими группами казахского народа как «понимание» [19]. Автор статьи был свидетелем общения русско- и казахоязычных казахов. Каждая сторона говорила на другом языке, они не понимали друг друга и, следовательно, не могли найти компромисс. Со стороны русскоязычных казахов это было невозможно, поскольку они не знают казахский язык. Со стороны казахоязычных казахов не было желания перейти в разговор на всеми понимаемый русский язык. Поражали сильные эмоции обеих сторон, поскольку их раздражал факт, что они не могут договориться в своей стране. Таким образом, общение безрезультатно прекращалось.

Межэтническая консолидация

Следующим шагом на пути консолидации народа Казахстана, после преодоления внутриказахского разделения, должна быть межэтническая интеграция. 55,4% респондентов согласны с тем, что многонациональный состав народа Казахстана способствует более успешному развитию страны. В этническом разрезе ответы респондентов различаются: с таким тезисом согласны в большей степени неказахи (русские – 66,7%,

узбеки – 58,8%, украинцы – 66,7%, уйгуры – 83,3% и т. д.), чем казахи – 46,7%. Среди казахов больше всего тех, у кого нет определённого мнения (33,3%) [20]. Дистанцирование казахов от идеи многонационального народа Казахстана, имея в виду их толерантность и отзывчивость, возможно, вытекает из опасности уменьшения значения и интересов казахского населения в полиэтнической среде.

Самой многочисленной неказахской частью казахстанского общества остаются русские, которые по переписи населения 2009 г. составляют 23,7% населения страны. К главным проблемам неказахской части общества принадлежат языковая политика и этнополитическое разделение труда [21]. Языковой вопрос остаётся актуальным и слишком политизированным.

Как я раньше доказывал, язык – очень важный, но не самый главный фактор национальной идентификации. В Казахстане я встречался с представителями диаспор, которые однозначно декларировали свою национальную идентификацию, но сразу добавляли, что не знают своего родного языка. Это, конечно, сложный вопрос. С одной стороны, незнание языка не мешает декларировать: «Я – поляк, я – татарин, я – немец». С другой стороны, существует опасность, что незнание родного языка приближает личность к ассимиляции. К языковому вопросу надо относиться с особым уважением. Хотя с научной точки зрения язык не определяет национальной (этнической) принадлежности, то для народа имеет символическое значение. С особым уважением нужно относиться к пожилым людям, которые не в состоянии изменить своих языковых навыков [22].

Проблемой независимого Казахстана является недостаточное распространение казахского языка. Значимость этой проблемы проявляется в разных ситуациях и не только в сфере политики, но даже на бытовом уровне. Пока роль консолидатора народа Казахстана исполняет русский язык. Распространению казахского языка не должно сопутствовать уменьшение значения русского языка. Владение им, по словам президента Н. Назарбаева, является «историческим преимуществом» казахстанцев.

Для дальнейшего развития казахского языка и укрепления его статуса как государственного, в т. ч. консолидирующего народ, нельзя предпринимать меры, принуждающие народ к его изучению, потому что санкции и репрессии приведут к противоположному результату – создадут нежелание и неприязнь. Первоочередным шагом должно быть широкое внедрение методов морального и материального стимулирования знания и использования государственного языка, а также организация системы бесплатных языковых курсов по интенсивному обучению государственному языку. Преимуществом Казахстана и его народа должно стать реальное двуязычие.

Языковая политика не стала, несмотря на намерения властей, ни реальным инструментом этнизации государства, ни нациеобразующим фактором. Введение казахского языка в делопроизводство, изменения топонимии пока не повлияли в достаточной степени на этнизацию нетитульного населения, хотя сферы применения государственного языка расширяются. Следует ожидать, что действительный прогресс в расширении коммуникационного пространства казахского языка будет достигнут не благодаря организационно-финансовым усилиям власти, а за счёт демографической этнизации – увеличения численности мигрантов из казахоязычных деревень в русскоязычные города.

Этноязыковый конфликт не угасает. Принимают участие в нём две самые важные стороны: 1) получающие преимущество представители казахской нации, являющиеся приверженцами языковой этнизации и отвечающие за массовое распространение их родного языка; 2) защитники русского языка среди нетитульного населения, требующие уравнивания статуса русского языка с языком титульной нации и введения двух государственных языков – казахского и русского. Официальная языковая политика старается избежать этнических конфликтов, учитывая интересы обеих конфликтующих сторон, но неказахские этносы обычно отождествляют власть с интересом исключительно казахского народа. Решению проблем языковой политики вряд ли будет способствовать введение латинского алфавита. Значи-

тельная часть экспертов, участвовавших в экспертном опросе в 2007 г., скептически отнеслась к этой инициативе [23].

Знание государственного языка является одним из критериев этнизации структур власти, т. е. возникновения этнократии, которая является также признаком этнического разделения труда. Дело не в том, что представители демографически преобладающего этноса доминируют в структурах власти. Дело также не в том, что в силу исторических, культурных или социально-экономических причин, сформировавшегося образа жизни, представители определённых этносов в трудоспособном возрасте специализируются в конкретных отраслях экономики или профессиях. Это – вполне понятно и естественно. Особое значение в разделении труда занимает государственное управление. Проблема возникает тогда, когда преобладание одного этноса в госструктурах центрального и регионального уровней намного превышает их долю в этническом составе населения.

По приведённым В. Курганской данным, в 2004 г. казахи, составляющие в это время около 57,9% населения, занимали 79,3% политических и административных должностей госаппарата [24]. По данным переписи населения 2009 г. ситуация изменилась [25]. Казахи, составляющие 63,1% населения, занимали 76% должностей в госуправлении. Представительство других этносов не соответствовало их доле в составе населения (примерно русские, составляющие 23,7% населения, занимали 16,8% должностей; узбеки – соответственно, 2,8% и 0,8% и уйгуры – 1,4% и 0,8%) [26]. Из этого следует, что казахи достаточно, а другие этносы недостаточно представлены в государственном управлении. Опасность такой ситуации состоит в том, что недостаточное представительство в госструктурах способствует отчуждению неказахов, для которых власть и вся страна могут восприниматься таким образом чужими. Поэтому очень правильным является заявление Президента Н. Назарбаева: «Я требую, чтобы Правительство и акимы навели порядок в трудовой политике. Надо, чтобы на работу, особенно в органы местной власти, набирали лучших, вне зависимости от этнической принадлежности. Критерий один –

высочайшая этика и профессионализм. Необходимо исправить однобокость, наблюдаемую при подборе кадров в министерствах и акиматах всех уровней» [27].

Этнополитика Казахстана достигает больших успехов на пути к объединению всех граждан, равноправных представителей казахстанских этносов в народ Казахстана – полиэтническую политическую нацию с сохранением своей этнической принадлежности, формированием и укреплением гражданской идентичности. Полное достижение единства возможно не в силу одноразовой декларации, так как нациестроительство или нациеобразование – это длительный процесс. Он имеет своё начало, свою динамику, но практически никогда не заканчивается. Поэтому под консолидацией народа Казахстана надо подразумевать постоянные усилия власти и всех граждан к преодолению внутри- и межэтнических барьеров.

Литература

1. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. – Астана, 2012.

2. *Kosičenko A.* Budowa państwa narodowego w Republice Kazachstan; *Šomanov A., Kosičenko A.* Kazachstańska państwowość narodowa w warunkach globalizacji, в: *T. Bodio, W. Jakubowski, P. Załęski (red.).* Azja Centralna – problemy historii i współczesności. Центральная Азия – проблемы истории и современности // *Spółczesność i polityka.* – 2007. – Nr 2–4 (11–13).

3. *Sarsembayev A.* Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990 s // *Central Asian Survey* (1999). – 18(3).

4. *Дунаев В.* Концептуальные основания и стратегические приоритеты этнополитики современного Казахстана // *Polityka Wschodnia.* – 2012. – Nr 2 (2). – С. 110.

5. Доктрина Национального Единства Казахстана. – Астана, 2010. – С. 16.

6. «Сложность внутренней структуры этноса повышает его способность противостояния неприязненному окружению в ситуации, когда этносу с простой структурой угрожает гибель». См.: *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера земли. – М., 2004. – С. 133.

7. Wierzbicki A. Etnopolityka w Azji Centralnej. Między wspólnotą etniczną a obywatelską. – Warszawa, 2008. – S. 405.

8. Абдыгалиев Б. Казахская миссия. – Алматы, 2007. – С. 17.

9. Принадлежность к Старшему жузу указали 17,7% опрошенных, к Среднему – 51,9% и к Младшему – 19,3%. См.: Кризис и казахстанское общество: социологическое измерение/ Мухамеджанов Б.Г., Жусупова А.С. – Алматы, 2010. – С. 54.

10. Там же. – С. 56.

11. Подробнее см.: Жакупов Ж. Шала қазақ: прошлое, настоящее, будущее. – Алматы, 2009.

12. Послание Президента ..., указ.соч.

13. Ossowski S. Więź społeczna i dziedzictwo krwi. – Warszawa, 1966. – S. 119.

14. Smith A. Etniczne źródła narodów. – Kraków, 2009. – S. 37.

15. Гумилев Л. Этносфера. История людей и история природы. – М., 2003. – С. 99–101, 570.

16. См.: Миллер А. Империя Романовых и национализм. – М., 2008. – С. 61.

17. На начальном этапе советского строительства реализованная большевиками национальная политика поощряла не-русские народы с целью формирования на местах восприятия, что советская власть – это власть родная, своя, а не насаждаемая русскими. По американскому учёному Терри Мартину, национальную политику СССР в 20-х гг. XX в. можно определить как *affirmative action* («политика положительного действия» или «политика позитивной дискриминации»). См.: Martin T. The Soviet Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in Soviet Union, 1923–1939. – New York-London, 2001. – P. 4–9.

18. Среди учёных нет единого мнения по поводу возможности национальной (этнической) конверсии. Антонина Кłosковска подчёркивала, что национальная идентификация может меняться в течении жизни человека посредством культурной принадлежности, а её результатом не обязательно будет полное поглощение другой культурой. Российский антрополог Сергей Абашин утверждает, что «ясного ответа на вопрос – может ли человек сменить этничность – не существует». По его мнению, этничность является чем-то данным человеку, то, на что он не имеет влияния, независимо от концептуальной точки зрения – конструктивисткой или примордиалистической. См.: Kłoskowska A. Kultury narodowe u korzeni. – Warszawa, 2005. – S. 141; Абашин С. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности. – Ст. Петербург, 2007. – С. 296.

19. Кризис ..., указ. соч. – С. 59–60.

20. Там же. – С. 48–49.

21. Кроме этого, русские в Казахстане стремились к признанию статуса второго государствообразующего народа и автономии или федерализации страны. Сейчас эти вопросы сняты с повестки дня.

22. На встрече с группой казахстанских поляков в Шортандинском районе в 2011 г., среди которых преобладали люди среднего и преклонного возраста, языком общения был русский язык. Встреча произошла в рамках наблюдательной миссии на президентских выборах в 2011 г.

23. См.: *Wierzbicki A.* Указ. соч. – С. 379–380.

24. Показатель Празаускаса (соотношение представителей этноса в госструктурах и доли в населении) составлял для казахов 1,4. *Курганская В.* Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования. – Алматы, 2004. – С. 166.

25. Занятость населения в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. II том. – Астана, 2010. – С. 116.

26. Показатель Празаускаса для: казахов – 1,2; русских – 0,7; узбеков – 0,3 и уйгуров – 0,6.

27. Послание президента ... Указ. соч.

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В КАЗАХСТАНЕ: ПРАВО НА УЧАСТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

*Валентина Курганская,
Владимир Дунаев*

Межэтнические отношения в общественном мнении казахстанцев

При оценке и анализе политического статуса этнических групп следует исходить из того, что во всем множестве своих проявлений меньшинства не являются онтологическими общностями, а возникают лишь в политических условиях различия и оппозиции (К. Нагенгаст). В полиэтническом обществе достаточно сложно построить модель межэтнической интеграции, в которой все этнические группы имели бы равные возможности для реализации своих прав и не ощущали свою отчужденность от общественно-политической жизни.

В официальных кругах и научном сообществе Казахстана никто не отрицает равенства этносов, но при этом наличие этнических меньшинств воспринимается некоторыми учеными как весьма существенное ограничение (в отличие от позиции Президента РК Н.А. Назарбаева, озвученной им на VIII сессии Ассамблеи народа Казахстана: многонациональность – не недостаток, а преимущество), которое может в случае возникновения неблагоприятных факторов превратиться в источник формирования угроз национальному развитию и национальной безопасности.

В самом деле, для молодых государств полиэтничность при определенных условиях может стать проверкой на их приверженность демократическим ценностям. Если сильные государства с развитой демократией располагают большими ресурсами, чтобы удовлетворить интересы различных этнических групп, то в транзитных обществах возможности для аккомодации ограничены.

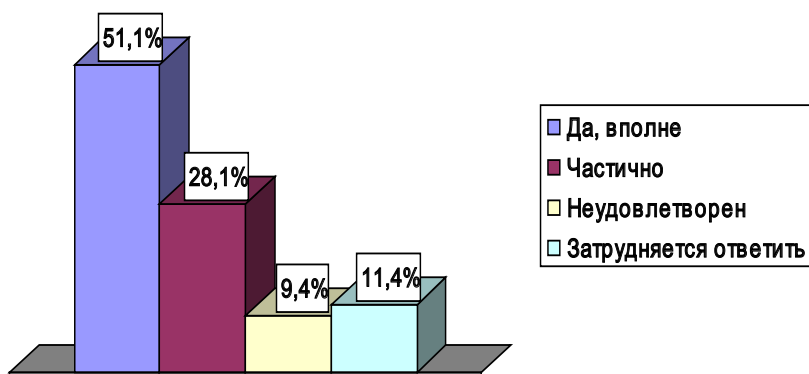
Пока что система межнациональных отношений, созданная в Казахстане за годы независимости, доказывает свою эффективность. Этнополитические процессы протекают без серьезных эксцессов, а межэтнические отношения остаются спокойными. Социологические замеры показывают, что представители различных этнических групп в Казахстане имеют прочный запас толерантного отношения друг к другу и не испытывают в казахстанском обществе дискриминации по национальному признаку.

Научно-исследовательская Ассоциация «Институт демократии» в январе 2012 г. по заказу ИФПР КН МОН РК провела социологическое исследование межэтнических отношений в Казахстане. Опрос был проведен во всех областях Республики Казахстан, а также в городах республиканского значения Астана и Алматы. Выборка составила 1504 человека и репрезентировала взрослое (старше 18 лет) население Казахстана по полу, возрасту, национальной принадлежности, уровню образования, а также месту проживания (по типу населенных пунктов).

Как показало исследование, большинство респондентов вполне устраивает жизнь в поликультурном казахстанском обществе. Они комфортно чувствуют себя как представители какой-либо национальной группы. Их вполне удовлетворяют отношения, которые складываются у них с представителями других религий и этносов. Большинство респондентов вполне удовлетворено отношениями со своим близким окружением, с руководством и коллегами по работе, с друзьями и единомышленниками.

Наибольшую неудовлетворенность (по сравнению с другими распределениями) респонденты всех национальных групп высказывают своими отношениями с представителями государства и органами власти – удовлетворенность высказали только половина ответивших, а практически каждый десятый респондент вообще не удовлетворен отношениями с государственными служащими, причем ответы респондентов из различных этнических групп отличаются мало* (диаграмма 1).

* Разница в ответах респондентов-казахов и других этнических групп (кроме русских респондентов) более 10% выявляется 1) при ответе на вопрос: «При-

Насколько Вы удовлетворены отношениями с представителями органов власти?

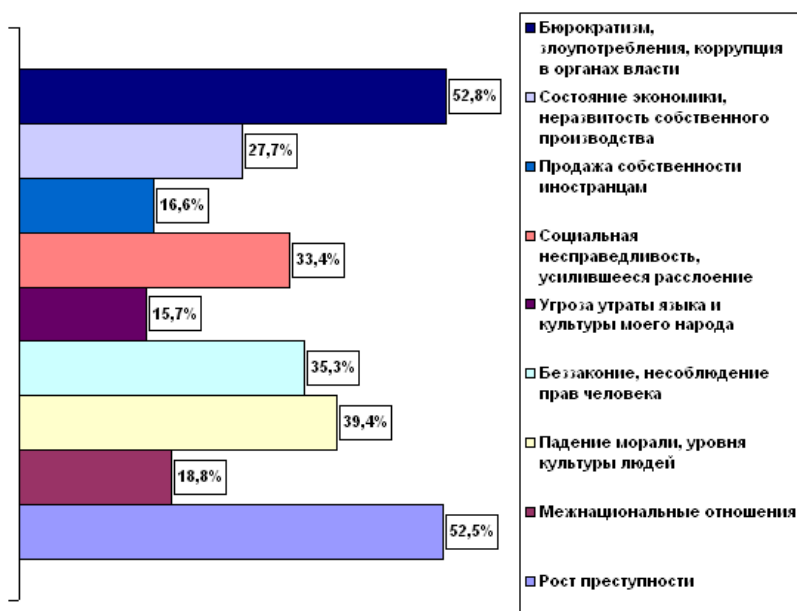
Скорее всего, коррупция чиновников и бюрократизм в решении вопросов населения оказываются главными причинами такого отношения к власти, тем более, что на страницах СМИ постоянно публикуются материалы судебной хроники, в которых главными действующими лицами оказываются госслужащие, недобросовестно относящиеся к своим обязанностям.

Подтверждением нашего предположения о недобросовестном выполнении рядом чиновников своих обязанностей как основы неудовлетворенности населения отношениями с ним являются ответы на вопрос о наиболее актуальных проблемах

«... ходилось ли Вам лично или Вашим близким сталкиваться с ограничениями в получении работы, продвижении по службе?» положительно на этот вопрос ответили 9,2% респондентов-казахов и 21,4% респондентов из других этнических групп (ответы русских респондентов на этот вопрос в сумме составили 19,2%); 2) при избрании стратегий в случае межэтнического конфликта. Если постараются выехать из страны в случае межэтнического конфликта только 9,2% казахских респондентов, то среди русских суммарные ответы составляют 23,9%, среди других этнических меньшинств – 21,4%.

общественной жизни Казахстана. Именно бюрократизм, злоупотребления, коррупция в органах власти наряду с ростом преступности были указаны главными проблемами, которые беспокоят респондентов всех этнических групп. Для респондентов даже рост тарифов, цен на продукты питания, безработица в нашем опросе отошли на второй план по сравнению с негативными оценками работы чиновничьего аппарата (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Какие проблемы общественной жизни Казахстана больше всего Вас тревожат?

Кадровая политика неоднократно вызывала критику Президента страны Н. Назарбаева. Еще в 2010 г. на слушании отчета Правительства РК об итогах социально-экономического развития страны в 2009 г. и планах развития на 2010 г. он отмечал: «Политика предыдущих лет, когда было предложено

подбирать, учить, воспитывать молодые кадры, направляя их на достойную работу, свелась бюрократией только к первому и последнему – подбирать и давать достойную работу. А в середине – их воспитывать, проводить через все ступени, чтобы они понимали, в чем дело – этого нет. В итоге сегодня в наших ведомствах на достаточно приличных должностях сидят молодые ребята, которые даже не понимают, для чего они туда посажены. Я недавно давал поручение по КМГ разобратся, какие жалобы были. Сидят ребята, которые не знают, чего они сидят. Как их подбирали?». И далее: «Я говорю о реальном секторе и доопытных инженерах, работающих в низах. Кроме раздражения и смеха, они ничего не вызывают. Хорошее место, большая зарплата – а дела нет. Конечно, я не говорю обо всех. 15–20% этих молодых специалистов достойно работают на своих местах. А у остальных, кроме понтов, кто к какой группе, клану относится, желания перепрыгнуть на более теплое место, ничего нет. А в министерствах и ведомствах поощряют таких людей»*, – отметил Н. Назарбаев.

Чиновничий аппарат продолжает чрезмерно контролировать бизнес, о чем говорил Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на Совете при Президенте РК с казахстанскими предпринимателями 10 апреля 2013 г. По его мнению, государство должно контролировать качество и безопасность продукции, а также соблюдение действующего законодательства. Он вновь раскритиковал Правительство Казахстана за волокиту в работе по снятию административных барьеров для бизнеса.

Такое отношение к бизнесу усиливает напряженность в обществе. Коррупционная составляющая, содержащаяся в высоких ценах на товары и услуги, бьет по карману потребителя, и, в конечном счете, по авторитету власти. Вместо того, чтобы расширять производство и создавать рабочие места, снимая тем самым социальную напряженность, предприниматели стремятся вести двойную бухгалтерию, уходя от налогов.

Наличие безработной молодежи дополнительно обостряет конкуренцию между этническими группами. Этим поль-

* <http://ru.government.kz/site/news/main/2010/01/70>

зуются этнические предприниматели, которые в социальных сетях распространяют националистические мифологемы. Под воздействием радикальной идеологии некоренные жители все более начинают восприниматься отдельными представителями коренного этноса как помеха на пути к социальной мобильности и благосостоянию коренного большинства.

Недовольство молодежи находит выход в этноориентированных комментариях ксенофобского толка в социальных сетях: каждое событие, которое в цивилизованном обществе прошло бы как минимум незамеченным, начинает восприниматься через призму этничности и приобретает оттенок радикализма.

Участие этнических меньшинств в общественной жизни

Процессы, структурирующие политическую жизнь по национальному признаку, являются опасным трендом. Они усиливают тенденцию к культурному разрыву между национальными группами и, тем самым, способствуют эскалации прочих социальных конфликтов. Различия между национальными группами в отношении их доступа к власти и ресурсам уже проявляются и в ряде случаев могут повлечь за собой достаточно массовые социальные акции.

В массовом сознании участие в органах управления является базовой ценностью. Одновременно оно выступает маркером этнических дистанций вследствие неравномерного представительства в органах управления этнических меньшинств и служит, безусловно, фактором, разделяющим этносы Казахстана. Он разграничивает людей контактирующих общин, порождая чувство второсортности у представителей не титульных этносов. Данные, приведенные в Национальном докладе Республики Казахстан в рамках Универсального периодического обзора по правам человека за 2010 год, свидетельствуют о том, что этнические меньшинства в недостаточной степени представлены в органах власти (табл. 1).

Информация о численности государственных служащих в разрезе национальностей (по состоянию на 1 июля 2009 г.)*

Наименование национальностей	Полит. госслужащие	Админ. госслужащие	Итого	%
Казахи	2 681	79 866	82 547	84,55
Русские	195	9 867	10 062	10,31
Украинцы	71	1 423	1494	1,53
Татары	11	783	794	0,81
Немцы	25	492	517	0,53
Корейцы	2	393	395	0,40
Узбеки	10	419	429	0,44
Уйгуры	12	375	387	0,40
Белорусы	7	209	216	0,22
Поляки	8	138	146	0,15
Другие	28	611	639	0,66
Итого:	3 050	94 576	97 626	100

Такие диспропорции в представленности этнических групп в органах управления способствуют тому, что вся ответственность за проблемы переходного периода ложится на плечи коренного этноса, занимающего ключевые посты в управленческой сфере.

Необоснованное изменение социальных статусов в условиях трансформации общества может способствовать, с одной стороны, поискам виновников реальных и воображаемых обид и несправедливостей, а, с другой – формированию негативных образов, глубинных страхов, чувства оскорбленного достоинства, что ведет к интенсификации гиперэтничности и ксенофобии. Между тем, изобретенные вчера национальные границы сегодня воспринимаются уже как вечная и неизменная категория (Э. Ренан).

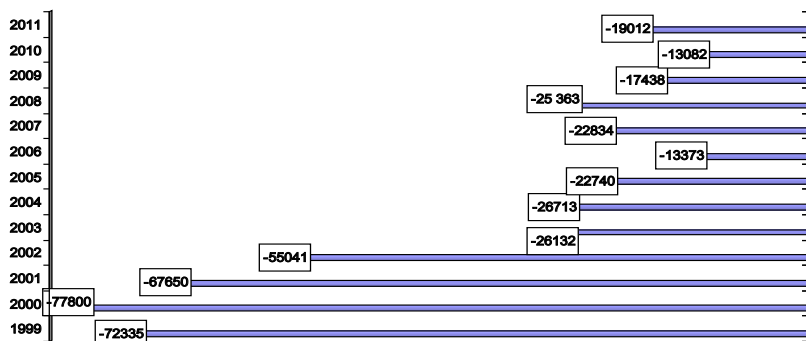
* Национальный доклад Республики Казахстан в рамках Универсального периодического обзора по правам человека за 2010 г.

Диспропорции становятся катализатором протестных настроений, выражающихся в усилении миграционных настроений у этнических групп. Так, продолжается выезд русских в основном в Россию, несмотря на то, что законодательство РФ в отношении мигрантов носит скорее запрещающий (кроме того, которое касается участников Программы переселения соотечественников), а не стимулирующий характер.

Как оказалось, из Казахстана, а именно из Алматинской области готовятся к отъезду в Ставрополье семиреченские казаки. Заместитель войскового атамана Семиреченского казачьего войска Геннадий Беляков (См.: Э. Майрамян. Ставропольинформ) сообщил, что в мае 2012 г. он уже зарегистрировал региональное общественное объединение «Землячество Семиреченских казаков в Ставропольском крае» и заключил договор о выделении 30 гектар под комплексную застройку для переселенцев. По его словам, одной из причин переезда стало ощущение психологического дискомфорта из-за кадровой политики, языковых проблем. Ориентировочная цифра переселенцев: из Киргизии – примерно 1200 семей, из Казахстана – 200–250 семей. К весне 2013 г. начнется строительство первых домов (табл. 2).

Таблица 2

Показатели внешней миграции русских (1999–2011) (отрицательное сальдо миграции)

Источник: данные Агентства РК по статистике в различные годы // <http://www.stat.kz/PUBLISHING/Pages/publications.aspx>

В декабре 2012 г. Ассоциацией немцев Казахстана «Возрождение» было проведено широкомасштабное социологическое исследование немецкой диаспоры Казахстана. На вопрос: «Собираетесь ли Вы переехать на постоянное место жительства в другую страну?» утвердительно ответили 23,0% опрошенных и пока раздумывают о переезде 28,0%. Около половины респондентов уезжать никуда не собираются. Те, кто намерен выехать, выбирают для переезда Германию – 33,6% и Россию – 9,0%. Основными причинами выезда были названы: 1) желание воссоединиться с родственниками – 60,6%; 2) отсутствие уверенности в завтрашнем дне – 40,2%; 3) желание жить на исторической Родине – 35,6%. Как причину выезда назвали языковую политику – 21,6%, невозможность сделать карьеру – 18,5%.

Как видно, причин миграции достаточно много, но невозможность сделать карьеру в Казахстане называется респондентами хотя и не главной, но также причиной, по которой люди задумываются о выезде. В результате миграционной убыли страна теряет квалифицированные кадры, что негативно сказывается на экономике страны.

Так, в Северо-Казахстанской области вследствие вымывания квалифицированной рабочей силы на производстве уже ощущается недостаток специалистов. Причина такого положения – в том, что молодые перспективные специалисты, получив специальное образование, уезжают в Россию. Директор Петропавловского машиностроительного завода АО «ПЗТМ» Кайрат Бишимов на официальном уровне поднял вопрос о подготовке национальных кадров для местных предприятий машиностроительной отрасли из числа граждан коренной национальности. По его инициативе завод заключил соглашения с некоторыми казахскими школами в Петропавловске, выпускники которых должны направляться на профессиональное обучение в АО «ПЗТМ».

В разных странах, в том числе и в странах с развитой демократией, накоплен достаточно богатый опыт эффективного участия национальных меньшинств в общественной жизни.

Универсальной модели мультикультурального общества не существует. В мировой практике существует множество ме-

ханизмов, дающих возможность каждому государству определиться с собственной моделью решения этих проблем. Эти модели бывают как удачными, так и неудачными.

Опыт Кипра в 1960–1963 г. показал, что пропорциональное представительство в органах власти не является абсолютной гарантией стабильности в обществе. Однако есть страны, где пропорциональное представительство успешно решает все проблемы. В качестве классического примера решения этого вопроса часто называют Южный Тироль, который населяют 3 языковые группы – немецкоязычная (68%), италияязычная (28%) и ладинская (4%). Он имеет статус автономного самоуправления от Италии. В 1981 г. там была проведена перепись населения, где каждый заявил о своей языковой принадлежности. На основании установленных в результате переписи пропорций распределяется все – от субсидий до административных постов. Молодежь двуязычна, каждый, кто хочет получить работу в сфере обслуживания, должен показать знание второго языка. Если чиновник должен бегло говорить и писать на втором языке, то уборщице достаточно скромных знаний. Такой способ решения проблемы проявил себя как достаточно успешный.

В мультикультурной политике Австралии лидеры этнических групп стали важными участниками процесса управления полиэтническим обществом, а этничность используется и поддерживается государством как инструмент для локализации социальной инициативы. В США отрицается релевантность этничности в политической сфере, но этнические меньшинства с целью достижения политического доминирования создают панэтнические образования. Для разрешения конфликтных ситуаций, связанных с дискриминацией по признаку расы или этнического происхождения, при министерстве юстиции с 1964 г. функционирует служба общинных отношений, финансируемая из госбюджета.

Консоционалистские режимы (т. е. механизмы распределения мест в парламенте таким образом, чтобы гражданин голосовал за представителей своей национальности) – не самый

удачный вариант представительства этнических групп. Фактически эти режимы поощряют развитие конкуренции за социальные ресурсы в форме соперничества между национальными группами, препятствуют их сотрудничеству, затрудняют попытки преодоления межгрупповых барьеров, усиливают жесткость границ между этносами.

Сторонниками теорий, доказывающих, что мажоритарная демократия эффективнее решает проблему равной приближенности этносов к власти, выдвигаются различные аргументы в пользу последней. Так, С. Липсет, наиболее полно развивший теорию взаимопересекающихся действий, утверждает, что двухпартийная мажоритарная система выборов побуждает конкурирующие партии, борющиеся за голоса, больше учитывать интересы этнических групп. Сторонники суммирования голосов (Д. Горовитц) предлагают для исключения автоматического прохождения кандидата от большой этнической группы вводить необходимость его поддержки в различных избирательных округах, а не только в своем округе. А. Ластикк предложил модель контроля, означающего, что этническое большинство использует свою власть для сдерживания этнических меньшинств в рамках мажоритарной демократии. А. Лейпхарт, сторонник общественной демократии, считает, что для стран с неглубоким и подвижным этническим размежеванием (типа США) подходят теории взаимопересекающихся размежеваний, но для глубоко разделенных обществ главной составной частью демократии должна стать модель распределения власти.

Каждая из этих теорий имеет свои преимущества и недостатки. В Казахстане, провозгласившем себя демократическим светским государством, возможны варианты пропорционального представительства этносов во властных структурах, во всяком случае, в местах компактного проживания этнических меньшинств. Тем более, что для стран-участниц ОБСЕ разработана Лионские рекомендации, в которых обобщен международный опыт участия этнических меньшинств в общественно-политической жизни.

Подобное пропорциональное представительство могло бы способствовать интеграции национальных элит в систему государственного управления, и избрание 9 депутатов в Мажилис от Ассамблеи народа Казахстана – показатель того, каким образом можно успешно решать вопросы представительства этнических меньшинств в структурах власти.

Что касается участия этнических меньшинств на местном уровне, то, как представляется, реформирование органов местного самоуправления может привлечь к их работе представителей этнических меньшинств в местах компактного расселения. Такие формы общественного самоуправления, как советы биев, советы старейшин и сходы жителей, могут получить новый импульс в своем развитии и обеспечить разрешение противоречий на уровне локальных сообществ.

STATE LANGUAGE POLICY AND KOREANS' LINGUISTIC CONFLICT IN KAZAKHSTAN

Myong Soon-ok

Abstract

This research investigates Kazakhstani Koreans' conflict of linguistic identity through a cultural-anthropological approach. Their linguistic identity shown in the conflict over the obligation of the new state language is not a simple choice but a process of struggle to essentialize self-language.

Introduction

Kazakhstan has ceaselessly striven for establishing the indigenes-led state identity since independence from the former Soviet Union. The task of the independent Republic of Kazakhstan was not only to recover the indigenous Kazakhs' cultural subjectivity which had been deprived since the Russian Czar era, but also to make social integration out of multiethnic splits. As a part of the indigenes-led policy of recovering the national identity, Kazakh has been designated as the state language and continued to be augmented in its importance, while the discourse of multiculturalism has been strengthened as a policy of embracing multiple ethnic groups to pursue social integration.

Unlike assimilation or melting pot ideologies [1, 56–59], multiculturalism is an advanced concept based on the philosophy of multicultural coexistence but that has been easy to be idealized; and as was pointed out, easily colluded with assimilationism or exclusionism that was hidden. In the U.S., a multiethnic and multicultural country, establishment of the Civil Right Act in 1964 reinforced economic equality of opportunities and the right of ethnic minorities [1, 59], thus founding the base of American cultural pluralism. The philosophical background of cultural pluralism is to embody the society of mutual respect with the respect of

human value, equal opportunity, and multicultural characteristics [2, 14–15], and realize the respect for the “different but equal” spirit and each ethnic culture [3, 117]. While multiculturalism has been discussed so far in analogy to a salad bowl as the state policy, however, there is also self-examination and criticism that it was not able to go beyond the boundary of WASP (White Anglo-Saxon Protestant), the mainstream culture, or a melting pot. There are endless debates on the theories, policies, and practices of multiculturalism in a multiethnic multicultural state.

Kazakhstani Koreans are the ethnic minority that has assimilated linguistically to Russia faster than any other immigrant ethnic group in the former Soviet Union. They welcome the tolerance that spread over Kazakhstan and the state policy of consideration on each ethnic culture, while emphasizing their motherland as Kazakhstan as an expression that they are patriotic persons. However, the stronger position the newly adopted state language comes to have over time, the more seriously Kazakh-illiterates cannot help being socially excluded. This paper reveals the Kazakhstani Koreans’ double and contradictory attitudes on learning the state language behind the appearance of patriotic citizens, and highlights the historical context of their identity conflict.

The first step to realize multiculturalism would be in-depth mutual understanding and communication. It is hoped that this paper will contribute to practicing multiculturalism that pursues harmonic coexistence of multiple ethnic groups by understanding the internal makeup of Koreans as Kazakhstani citizens.

This research was based on anthropological research by conducting fieldwork for a certain period. The research subjects were the intellectual senior generations that had experienced the former Soviet society, with having energetic cultural and religious activities.

Postmodern Concept of Cultural Identity

Members of a group that use the same language are often regarded as the same socio-cultural group. Spradley, American anthropologist, pointed out that language shares explicit and

implicit cultural rules beyond simple communication means [4]. Edward Tylor, British early anthropologist, defined culture as a complex whole which includes knowledge, morals, belief, custom, and any other capabilities and habits acquired by man as a member of society, while F. de Saussure defined culture as a system that governs everyday thinking and behaviors of the members of society. Saussure also provided an important hint for the theoretical basis of postmodern identity by maintaining that the signifier and the signified of language are arbitrarily combined [5, 56]. Based on Saussurean linguistic theory, Jacques Derrida defined the signifier as 'infinite deferment of significance' which cannot be fixed to or reach the signified, giving birth to the postmodern subject that is unstable and indeterminate.

If postmodernists defined the subject as nomadic, Stuart Hall described it as a semi-nomadic subject that is positioning according to the context [6]. Hall suggested that the concept of positioning is arbitrary by the subject and context-dependent, so that 'culture is a political action and a space of struggle where victory is not guaranteed at all.' He also suggested that cultural studies are concerned with endlessly disclosing power relations present in the society to investigate how subordinate or marginal sub-groups struggle against the dominant group for keeping and gaining their own cultural sphere [6, 24]. On the other hand, identity is also defined as an invention that is constructed and produced between power, subject, and situational relations [6].

A process in which a marginal group keeps their own cultural identity is never smooth, but is easy to suffer from contradiction, conflict, and schism as an ongoing struggle [9]. Amartya Sen suggested that identity is a matter of choice in a certain context, and mined how large violence, conflict, schism, and social crisis and risk are generated when a dogmatic identity is stressed [8].

The typical policy in multiethnic multicultural states that stresses communitarianism to establish social order and state identity along with multicultural coexistence easily leads to alienation or exclusion of non-mainstream groups. The process of recovering the national identity which has been lost by the

dominance and rule of another nation for long time might marginalize a number of immigrant ethnic groups that have already settled as a member of the society. Kazakhstani Koreans who have identified Russian with their self-language as a member of the former Soviet Union are feeling the crisis of losing their ego in front of the obligation of speaking the new state language, and showing duplicity over the practice of the state language. The subject formed by the historical context of suffering from extreme oppression in the past is now experiencing the internal conflict against the state-led assimilationism to the new state language.

The State Language Policy and the Social Status of Koreans

The former Soviet Koreans are the Korean ethnic minority that has established the social basis in the Soviet society with desperate efforts for survival even under the forcible relocation and extreme oppression, so that has strong pride as Soviets. A Soviet Korean scholar stressed that Soviet Koreans were a good model of the highest status and success amongst the worldwide Korean diaspora [10, 81]. As such, former Soviet Koreans reveal the pride that they have maintained a thick stratum of intellectuals over various fields in the former Soviet mainstream society. In *The Science, Technology and Culture of Kazakhstani Koreans* (2002) published by Korean Scientists and Engineers Association in Kazakhstan (KAHAK), the statistics on Koreans who succeeded in each social sphere of Kazakhstan showed significant changes of status. In this list, 613 were chosen as leading Korean expert intellectuals, amongst whom 96 were born in the 1950s, 46 in 1960s, and only 10 in the 1970s [11, 225]. This statistics shows that the number of next-generation Korean leaders decreased drastically, much in contrast with the status of Koreans in the Soviet society.

Kazakhstani government's policy of strengthening the state language began with adopting Kazakh as the sole state language in 1993. As non-Kazakhs resisted the policy, the government legally declared in 1995 that although the state language is Kazakh, Russian is acknowledged as a language for interethnic communication, thus maintaining the status of Soviet language, the universal language of the former Soviet Union, to some degree. Since 2001, the status

of Russian has been lowered further by the announcement the rule that Russian is functionally held only in the cultural sphere. In 2006, a presidential decree was announced that prescribed the official administration in most public institutions should be worked with the state language [11, 309], issuing specific directions that obligated the use of state language. As the foremost qualification for official appointment is Kazakh-literacy, it became difficult for Kazakh-illiterate Koreans to be social leaders who display political competence, without consideration by the state where they live. In Kazakhstani society, the social success models of Koreans are focused on becoming entrepreneurs or men of wealth. With transformation to the market economic system, they are focused on private economy rather than becoming public servants. This is due to the reality that it is not easy for non-mainstream Kazakh-illiterates to be appointed to public positions. There are indeed politicians who made success as well, who entered the Senate through the Assembly of People of Kazakhstan as representatives of Korean ethnic group rather than being promoted by their step-by-step political abilities. It is thus pointed out that they were none other than given formal representation*.

The Assembly of People of Kazakhstan was established in 1995 as made up of ethnic representatives, and in 2007, made to represent the interests of ethnic minorities through the action that the ethnic representatives of the Assembly came to enter the Senate. Under the Assembly, ethnic culture centers are operated supportively that respect, inherit, and develop each ethnic group's tradition, language, and cultural customs. Nevertheless, the effect of political exclusion is still operating along with this political consideration for ethnic minorities.

Identity Politics on the State Language: Contradiction and Duplicity of Attitudes toward the State Language

* The Kazakhstani Senate seats are mostly occupied by Kazakhs, but non-Kazakh ethnic minorities become senators of the pro-ruling party or have some representation in the legislative body through the presidential consulting organization, Assembly of People of Kazakhstan. However, well-controlled representation of minorities justifies the Kazakh-dominated leadership and hides ethnic problems [13, 22].

Since Koreans settled in Central Asian region, their relationship with the indigenous Kazakhs has been amicable and always held positive reputation toward each other. Koreans have been described as 'diligent and highly responsible nation', while Kazakhs as 'kind nation who hospitably treat guests.' Both Koreans and Kazakhs use Altaic languages and express they have many traditional customs in common. Also, both say with one mouth from the Kazakhs' position that it is natural for the new-born state to pursue indigenes-led movement of reviving the national identity and strengthen the linguistic policy for the state language. Further, a Korean asserts that it is natural for those who have lost their own cultural identity attempt to revive the lost one, and that Kazakh should not be limited to rural areas but widespread over the state so as for all citizens to use it. He says that his homeland is Kazakhstan and it is where ethnic discrimination occurs less than any other state; appreciates the political leader of the state that he has implemented policies that cared for and respected ethnic minorities; and reveals pride in and satisfaction with the state where he lives.

Some Koreans take pride in mixed-blood marriage of their children or grandchildren with Kazakhs and the friendly and respectful relationship with the Kazakh 'in-laws,' and even speak Kazakh fluently. They emphasize the government's policy of obligating the state language is a right policy and they must learn Kazakh as the state language.

However, unlike their positive description of the state language, there are few Koreans who practices learning Kazakh in reality. According to the government's official statistics, about 10.5% of Kazakhstani Koreans are at the level of understanding Kazakh [15]. Still, amongst 19 informants for this research, Kazakh-speakers numbered 2 and Koreans who cannot speak or write but understand a little numbered 3. Kazakh-speakers were from Kyzylorda where many Kazakhs lived so that they were able to learn Kazakh naturally. Without this exceptional case, the Korean informants said Kazakh was a must-learn language but seemed to have no will to learn. Although they ascribed the reason why they do not learn Kazakh to their age, they revealed their real intention.

It was that Kazakh is unacceptable as an international academic language. That is, many words are unnamed in Kazakh but in the making, so that Russian or other foreign words are borrowed for use. They pointed out that Kazakh is too limited to be actively utilized for international scholarly communication.

They also listed another reasons for why they neglect learning Kazakh. A school teacher who teach Kazakh was aware of the poor quality of Kazakh textbook. She said Kazakh textbooks were neither well-made for learning nor understandable in terms of grammar, so that the problem is not students but teachers and textbooks; thus, Kazakh is learned in a defective way at present. She spoke out that young generation was enthusiastic over learning English rather than Kazakh.

By the way, although they raised clear reasons why they were indifferent to Kazakh, they made a declaration of conscience to this researcher: they were consistently feeling sorry and guilty for neglecting the practice of learning the state language. Sorry for the government's generous and considerate action since it has given enough time to learn Kazakh all the while, they sided with strengthening the state language as a natural policy. They sensitively reacted to the presidential special direction that public institutions' document forms should adopt Russian as well as Kazakh for the old generation. The President was described as a kind savior who considered their situation as Kazakh-illiterates and gave them special cares. They heave a sigh of relief since they have the right to request Russian-based forms when public servants give Kazakh-based forms.

Senior generation of Kazakhstani Koreans says learning the state language is an obligation they should take for granted. Still, their narrative on the state language revealed that they are feeling considerable pressure and conflict over the obligation of state language. Their generation was longing for slipping the obligation and looking forward to the government's ongoing cares. Nevertheless, they brought up justifiable grounds for neglecting the state language that Kazakh has linguistic flaws to be accepted as an academic language, and the textbooks and teachers are not prepared enough for teaching Kazakh.

Sacred Duty, Non-Subjective Being, Orientalism

While the former Soviet Koreans bring up a model and patriotic image over the obligation of the new state language, they are experiencing conflict between their self-language that has been established historically and the new linguistic sense of obligation that is required of the qualified citizens. Here is a connection of multi-layered contexts such as their experience and memories of historical oppression under the past Soviet regime, their relationship with the indigenes, the radical transformation of social structure, and the change of power relations between ethnic groups.

For them who had to give up their original ethnic language under the extreme situations and structure without any room for choice, Sovietization was a means of survival and established as their self-identity. When the dominant nation had ruled in the past, other ethnic groups such as Koreans or Kazakhs were second nations at best; after independence, however, the indigenes have recovered their place as the host and become the first nation to establish the new state identity. Just as the past Soviet power and Soviet language were unconditional for Koreans, the present obligation of the state language is also expressed by them as a sacred duty. The dominant nation and dominant language to which Koreans have assimilated are degrading, and the self-language is no longer allowed to be a superior or socially dominant language.

Under the sense of anxiety and crisis on losing self-identity, they do not reject the obligation of state language that is against the self-identity. Here is situated double egos: a non-subjective ego that obeys the absolute power and another ego that attempts to keep sentimental tie with the indigenes. Negating the obligation of state language means resisting the state power, and also destroying the reliable relationship with the indigenes and the positive reputations toward each other that they have built up to date. The subjugated subject that has been unconsciously inscribed and embodied under the Stalin's rule, that has helplessly obeyed the oppression of terror and the dominant power of violence without any room for resistance, finds it impossible to defy the dominant power.

However, acceptance of the state language as an obligation without practice is no more than a gesture. Here, inside the former Soviet Koreans, is situated 'Orientalism' that has been formed in the process of mimicking and identifying with the dominant nation and culture that are considered superior. That is to say, as they have assimilated to Russophocentrism, a stereotypical dichotomy of the superior and the inferior has been formed between self-language and other-indigenous language. If the self-language is a language of the civilized world, the indigenous language is considered a language of inferior being who had no letters but escaped from the world of illiteracy by the dominant nation. In the conflictive condition of accepting other-language as the state language, Koreans continued to produce the difference between self-language and other-language in order to maintain the former's superiority. They suggest that using indigenous language runs counter to academic globalization because of insufficient academic terms, grammatical flaws, and the lack of linguistic originality, all of which are listed as the reasons why they have difficulty in learning the state language.

Continuously produced difference with other-language holds the superior-inferior dichotomy which serves as the ground for maintaining Russian that is considered the self-language even with the external pressure of sacred state duty. The non-subjective being is walking the way of internal struggle, showing double attitudes between the obedience to the state obligation and the identity crisis of self-language.

Conclusion

According to the post-colonialist theorist Homi Bhabha, the dominated in a colony are required to identify with the dominant culture but fall into ambivalence and contradiction as they are never able to identify with it, thus yielding hybridity. Fanon warned that the dominated under the colonial rule give superiority to the dominant culture and walk the way of subordinate subjectification, thus falling into self-contradiction and self-split that deny the self-culture.

Kazakhstani Koreans have historically suffered from hurt and pain, assimilated to the dominant nation's language and neglected

their own ethnic language, walking the way of subordinate subjectification as Fanon said. They are experiencing conflict between their acquired identity of Soviet language, not their own ethnic language, and the indigenous language which has emerged as the new state language under the changed social structure. They are requested to assimilate to the indigenous language that emerged in the new social structure with radical transformation of the host society, and this is never a simple or free choice, but a process of struggle accompanying pain. The new independent state's policy of unifying the state language imposes social agony on the socially underprivileged, as Kleinman said [14, 9].

Kazakhstani Koreans seem to accept the obligation of state language as model citizens. Their ostensible attitude of acceptance is partly due to the irreconcilable anxiety over ethnic oppression and discrimination as a non-subjective minority that experienced the terror of power in the past, and partly because they do not want to harm the established sentimental tie with the indigenes who became the subject nationals. The duplicity of rejecting the practice of state language is based on the ideological dichotomy inside the minority between the superior self-language and the inferior other-language, or between 'civilization and illiteracy.' The difference between both languages are ceaselessly produced to keep the superior-inferior relationship and justify the self-language. In Koreans' struggle to maintain the genuinity of self-language, their identity seems not an essential process, but a process of essentialization.

References

1. Hui-won Kang, migug-ui sosu-injong tonghabjeongchaeg tamsaeg: gyoyug, bogji, eon-eojeongchaeg-eul jungsim-eulo (Navigation of ethnic integration policy of the minority in the United States: education, welfare, language policy), Hangugeongchaeg-yeongu 10(1), 2010. – PP. 56–59

2. Madelon D. Stent, William R. Hazard, Harry Nathaniel Rivlin. Cultural pluralism in education: a mandate for change. - New York: Appleton-Century-Crofts, 1973.

3. Kallen, Horace N. The Education of Free Man. – NY: Farrar, Sstrans. 1949:117.

4. *Spradley J.P.* Participant Observation(1980) / trans. J.S. Sin. – Seoul: Sigmappress, 2006.
5. Hyo-seob Song, *Munhwagihohag (Cultural Semiotics)*. – Seoul:Arke, 2003.
6. James Procter, *Jigeum Stuart Hall (Stuart Hall)*. Translated by Son Yu-kyong. – Seoul: Alphy, 2006.
7. *Kim K.O.* et al. *Jongjok-gwa minjok: geu dan-il-gwa bopyeon-ui sinhwa-reul neom-eoseo (Beyond the Myths of Ethnicity)*. – Seoul: Akanet, 2005.
8. Amartya Sen, *Identity and Violence: The Illusion of Destitiny*. – New York: Norton, 2006.
9. *Soon-ok Myong, Byong-soon Chun.* Kazakhstani Koreans' Conflict of Linguistic Identity: In-between the Sovietized and Kazakhstani Citizens. World Academy of Science, Engineering and Technology, [ICCCS'13](#), March 05–06, 2013, Dubai, UAE.
10. B.S Han, «Jung-ang-asia han-in kolkhozui hyeongseong-gwajeong (The formation process of Korean kolkhoz in Central Asia)», Park Hong-gap and Kang In-gu eds., *Korean Experience in Russia and Central Asia vol. 2. Historical series for Overseas Koreans (08)*. – Seoul: National History Compilation Committee, 2008. – PP. 51–86
11. Dong-ki Seong, “Hangu-*ui* jung-ang-asia jinchulhwagdaewa goryeoin-*ui* yeoghal: kazakhstangwa uzbekistan-eul jungsim-euro (Korea's expansion of advance into Central Asia and Goryeoin's role: Focus on Kazakhstan and Uzbekistan),” KIEP Collections of In-depth Studies in Strategy Area 1, 2009. – PP. 204–263.
12. Kyung-tek Chung, “Jung-ang-asia 6gaegug eon-eojeongchaeggwa russia yeonbang-*ui* daeeung (Language policy of six countries in Central Asia and counteraction of the Russian Federation),” KIEP Collections of In-depth Studies in Strategy Area 1, 2009. – PP. 299–349.
13. Natsuko Oka, “Ethnicity and Elections under Authoritarianism: The case of Kazakhstan,” *IDE*(Institute of Developing Economics) Discussion Paper No. 194, 2009(03). – PP. 1–25.
14. Arther Kleinman, *Social Suffering*. Berkeley: University of California Press (1997). Translated by An Jong-seol. – Seoul: Greenbi, 2002.
15. *Naselenie Kazakhstana 2009 (Population Census of Kazakhstan in 2009)*. Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics. – Astana, 2010.
16. The former Soviet Korean newspaper Lenin kuichi, 1938–1990.

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНСОЛИДАЦИИ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

*Гульнара Нарбекова,
Галия Садыкова*

Духовно-нравственные, созидательные источники отечественной культуры многонационального народа Казахстана, бесспорно, являются важным стратегическим ресурсом нашей страны, который стал одним из составляющих стабильного и устойчивого развития государства, национальной безопасности.

Настало время, когда культурный потенциал Казахстана необходимо использовать в качестве фактора модернизации страны не только в ее политико-экономическом укреплении, но и в сохранении культурного суверенитета и духовного совершенствования народа, как основы становления культурной идентичности, национальной консолидации.

Культура независимого Казахстана развивается в обстоятельствах, когда устоявшиеся идеологические догмы уже потеряли свою значимость, а новые социальные установки и ценностные ориентиры все еще формируются. Объективный ход глобализации, обусловленный политико-экономической модернизацией и, в связи с этим, переход казахстанского общества в качественно новое состояние, требует новых подходов во всех областях жизнедеятельности общества, обозначения ценностных приоритетов.

В условиях ускорения социальных изменений, осложненных всевозрастающей и всепроникающей глобализацией, необходимы специальные усилия – с целью создания благоприятного имиджа страны как уникального культурного пространства, имеющего древнюю культурную традицию, обладающую высокой ценностью в общечеловеческом наследии.

Сегодня мы становимся свидетелями формирования нового стиля мышления и современная эпоха постмодернизма,

по оценке Ж.-Ф. Лиотара, однозначно постулирует парадигму доминирования «Я» над «Мы» [1], что, в свою очередь, приводит к серьезным деформациям нравственного сознания, так как в плоскости морали описанные процессы получают уже иные наименования: индивидуализм, эгоизм.

Как видим, указанные трансформации современного стиля мышления имеют существенное значение не только для разворачивания когнитивных процессов, но и для функционирования аксиологических составляющих современного культурного пространства. В частности, они оказываются не всегда благоприятными для функционирования в контексте современной культуры нравственного сознания.

Таким образом, для эпохи постмодерна становится характерной микшированная культура, представляющая собой хаотичную, бессистемную мозаику фрагментов различных традиций.

Следует отметить в этом контексте, что в практическом приложении постмодернистские дискурсивные практики порождают в культуре достаточно серьезные и подчас негативные последствия, выражающиеся в тенденции снижения культурно-нравственного состояния общества, уровня этических, эстетических норм и вкусов, вымывания традиционной нравственности из повседневной жизни и художественной культуры, доминирования псевдоидеалов прагматизма и потребительской психологии как смысложизненных установок, ведущих общество в тупик. Также имеет место ослабление культурно-просветительской ситуации в стране, то есть, современные процессы модернизации происходят на фоне противоречий антропологического и технократического подходов к формированию культурной среды. Рыночный подход к культуре проявляется в создании культурной среды не на основе совершенствования культурных и исторических традиций, а на их модернистской деструкции, что может привести к кризису социокультурной идентичности.

Это обстоятельство актуализирует задачу осознания системы собственных ценностей и формирования общеказах-

станской культурной идентификации на основе сохранения форм национальной культуры, определения места традиций в стратегиях модернизации, так как духовное наследие и есть явление культуры, как материального, так и нематериального ее выражения, которое нам передалось и передается еще ныне от предыдущих эпох. Соответственно, и мы должны достойно передать будущим поколениям как памятники культуры и истории, так и традиционное искусство, знания и навыки, имеющие общечеловеческое значение с исторической, научной и художественной точек зрения, которые достойны стать предметом заботы государства и общества.

Сегодня, в условиях глобализации, человечество стало глубже осознавать эмоционально-нравственный опыт традиционной культуры как истинную ценность, как вид человеческой деятельности, который создает целостную картину мира в единстве мысли и чувства. Ее специфика прослеживается в том, что она апеллирует, прежде всего, к чувствам, создает модель Вселенной в системе эмоциональных образов, а не логических законов. Жизнь показывает, что традиционная культура на своем историческом пути доказала свою состоятельность как социальный институт, трансформации и развитие которого непосредственно связаны с изменениями, происходящими в обществе.

И, будучи многофункциональной и универсальной формой освоения мира, традиционное культурное наследие на духовно-практическом и познавательно-коммуникативном уровне всегда участвовало и выполняло в обществе идентифицирующую и консолидирующую функции.

В современных условиях хозяйствования культурное наследие, социокультурная значимость его традиций, как истинная ценность и достояние предков приобретает совершенно особое значение, способное обеспечить стране дополнительный импульс экономического и социального развития. Его необходимо рассматривать как один из факторов государственного развития, как внутренний ресурс территории, а, главное, как один из способов формирования общечеловеческих ценностей. Это – наши корни или наша идентичность [2].

Нам необходимо глубоко осознать, что наше государство вошло в мировое сообщество, придерживаясь замечательной, интеллектуальной традиции, которую великий Абай отмечал как равенство людей и наций. Как известно, составляя значительную часть духовной культуры Казахстана, этнокультурные традиции представляют собой вечно живое, никогда не иссякающее и непрерывно развивающееся наследие.

Таким образом, в постсоветский этап развития, результатом которого явилось обретение государством подлинной независимости, необходимо продолжить начатый курс и актуализировать преемственность традиционных и поддержку инновационных социокультурных институтов. Это связано с тем, что глобализация вынуждает народы и страны искать защитные пути для своей национально-государственной идентичности. Иными словами, возрастает значение культуры как щита. В этих условиях существенно возрастают роль и значение культурных институтов в широком смысле слова, включая все имеющиеся учреждения культуры. И наиболее оптимальным, как показывает казахстанский опыт, является сочетание регионального и универсального, их органичное взаимодействие, способствующее развитию Республики Казахстан как открытого общества.

Именно самоидентификация каждого члена нашего общества через установление духовной связи между собственным Я и народом Казахстана, осознание принадлежности к национальной культуре должно сыграть на современном этапе социокультурного развития особую роль.

Современная государственная политика РК в области культуры, как известно, в рамках стратегической программы «Культурное наследие» была изначально направлена на обеспечение комплекса мер по сохранению и дальнейшему развитию многовековых культурных традиций и должна была послужить позитивным сдвигам в общественном сознании и тем самым повысить интерес к своей истории и культуре, сформировать и укрепить национальное самосознание и идентичность. И сегодня все еще актуальной остается про-

блема освоения и использования культурного наследия, в том числе и «живого наследия»: разработка проектов и программ социокультурного развития в сфере культуры и образования. В нынешних условиях изменяются содержание, значение, способы передачи культурных ценностей прошлого и, соответственно, возникает проблема определения той новой роли, которую приобретают эти ценности сегодня. Их современный статус и роль не могут быть описаны традиционными способами и с помощью классической терминологии. Требуются новые подходы, определения, методы изучения.

Существование множества аспектов в исследовании культурного наследия, высокий духовно-нравственный статус его ценностей позволяют выделить наличие своеобразной модели развития культуры на основе обращения к образцам и ценностям народного искусства, традициям народной культуры. Культура как система ценностно-смысловых, нормативно-регулятивных и знаково-коммуникативных характеристик модифицируется и транслируется на основе ценностей и норм, что является мощным жизненным стержнем личности современного человека – его культурной идентичности, которая способствует активной позиции противостояния навязыванию чуждых культурных смыслов и значений. Поэтому социально значимое сочетание элементов культурного наследия, в том числе его «живых» элементов, существенным образом зависит от точного определения функций его единиц в прошлом и возможности их комбинирования в настоящем, так как расширение границ социокультурной коммуникации в XXI в., ускорение информационных потоков формируют в сознании фрагментальные знания, приобретая черты «мозаичной культуры» (А. Моль), «ежедневно воздействующего... непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений..., от которых в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки знаний и идей» [3, с. 45].

В связи с этим нужны новые социокультурные смыслы и стандарты из опыта социального бытия казахского и других народов Казахстана, которые были бы нацелены не только на

количественные, но и на качественные параметры удовлетворения культурных потребностей казахстанцев.

Современные достижения информационных технологий должны быть использованы для умножения ресурсов отечественной культуры и включены в социальную и культурную динамику страны. Сформировать общеказахстанскую идентичность и приумножить энергию национального духа казахского и других народов Казахстана может только качественно новая модель культуры, способная противостоять низким образцам массовой и коммерческой культуры, которые размывают этнокультурную идентичность и многонациональный потенциал культуры Казахстана.

Инновационная культура совершенствования человека, качественного улучшения его образа жизни и окружающей культурной среды, сформированная новая ментальность людей будут способствовать интеграции духовно-интеллектуальных и созидательных ценностей в социальные отношения, экономику и политику, одухотворяя их нравственными смыслами, организуя, таким образом, благоприятную совместную жизнь народа Казахстана.

Необходимо сочетать теоретический уровень анализа культурных процессов с практикой культурной политики, с проектированием культурной среды регионов и местных сообществ. В этом контексте актуализируется сотрудничество Республики Казахстан с международными организациями, главной целью которых является защита самобытной культуры народов всего мира, к примеру, с ЮНЕСКО. Республика Казахстан в декабре 2011 г. подписала Конвенцию ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия». Выполнение Казахстаном условий Конвенции, этого международного правового документа для государств – членов ЮНЕСКО, будет способствовать сохранению важных элементов живых культурных традиций, их выдающихся духовных и универсальных ценностей, что, как думается, еще более укрепит опыт межнациональной солидарности народа Казахстана [4].

Возрождение и наследование, сохранение и поддержка, а главное – преемственность поколений в передаче живого культурного наследия – главный фактор культурного разнообразия как на национальном, так и на международном уровнях. Важная составляющая культурного разнообразия есть культурная самобытность, представляющая, как известно, устоявшиеся традиции и обычаи, которыми характеризуются духовность и бытие самого общества. Поэтому первостепенная цель власти и общества должна состоять в сосредоточении усилий государства, гражданского общества, бизнес-структур (сообществ) на создание необходимой самобытной культурной среды, которая способствовала бы духовному и нравственному оздоровлению жизни общества и граждан страны, обретению ими новых смыслообразующих ценностей бытия, основанных на общечеловеческих идеалах взаимоуважения и добра.

Таким образом, казахская, казахстанская культура может и должна стать национальной идеей государства, которая может повлиять на ценностный смысл современной культуры, на духовные идеалы каждого человека в формировании культурной идентичности в процессе консолидации казахстанского общества.

Литература

1. <http://lib.icr.su/node/807>
2. http://tourlib.net/statti_tourism/habuzova.htm
3. Моль А. Социодинамика культуры – М.: КомКнига, 2005.
4. Нормативные и практические меры по охране культуры. Справочник ЮНЕСКО. – Алматы, 2009.

ЖАҒАНДАНУ ДӘУІРІНДЕГІ ЖАҢА ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ПАТРИОТИЗМ

Мұрат Насимов

Саяси жүйе үнемі түрлі ішкі және сыртқы әсерлер, құбылыстар, тенденциялар мен күштер ықпалында болады. Сәйкесінше, міндеттердің тиімділік жүйесін жүзеге асыруда деструктивті және тұрақсыздандыратын факторлардан сақтануы керек.

Жаһандану дәуіріндегі ұлттық-мәдени құндылықтарының әлсіреу қаупі тұрғанда және жаһандық құндылықтар маңыздылығы жоғарылаған тұста патриотизм белгілерін пысықтау қажеттілігі туындайды. Қазіргі қоғамда орын алып жатқан трансформациялық процестер патриотизм мен оның мазмұнына өзгерістер енгізуде.

«Патриотизм мәдениет универсалиі ретінде дағдарысты сезінуде» [1], – деп атап көрсетеді Ресей ғалымы А.И. Костяев. Шынында да қазіргі құбылмалы заманда құндылықтар иерархиясы, өнегелі бағдарлар, патриотизм түсінігінің мазмұны өзгеріс үстінде.

Елбасы, Ұлт көшбасшысы Н.Ә. Назарбаев «Қазақстан-2050» стратегиясы – қалыптасқан мемлекеттің жаңа саяси бағыты» атты Қазақстан халқына Жолдауында жаңа қазақстандық патриотизм – көпұлтты және көпконфессиялық қоғам табысының негізі екендігін атап көрсеткен болатын. Бұл бағыттағы басты мақсат қоғамдық келісімді сақтау және нығайту болып табылады. Ол мемлекет, қоғам, ұлт ретіндегі өмір сүрудің айнымас шарты.

Мемлекет әр азаматтың өмір сапасын, қауіпсіздігіне, тең мүмкіндіктеріне және болашағына кепілдік бергенде елімізді сүйеміз және мақтанамыз. Осы тәсіл арқылы патриотизмді және оны тәрбиелеу мәселесіне прагматикалық және шынайы көзқарас оянып, жаңа қазақстандық патриотизм құндылықтары қалыптасады [2].

Бүгінгі таңда патриотизмді қалыптастыру мәселесін зерттеу, қазіргі қоғамның дамуы үшін, теориялық және тәжірибелік маңызды екеніне күмән жоқ. Өйткені ол қоғамның бүгінгісі мен келешегін анықтайтын қозғаушы және біріктіруші факторлар қатарына жатады. Патриотизм мәселесімен терең тамырлас, құрамдас болып, байланысты дамиды ұғымдар Отан, ана тіл, жер, ұлттық мәдениет, ұлттық идея, ар-намыс, ұлттық мүдделер және т. б. жатады. Қазіргі таңдағы қоғамдық, саяси-экономикалық ахуалдың адам факторынан, рухани дамуымыздың маңыздылыққа ие болып отырған өзекті мәселелердің бірі – қоғамда патриотизмді қалыптастыру.

Азаматтарды отансүйгіштік, патриоттық рухта тәрбиелеу, қазақ тілі мемлекеттік тіл ретінде кең көлемде дамуына, ана тілімізді арындай сақтауға, ел бірлігін нығайтуға атсалысу негізгі мәселелердің қатарына жатады. Елдің рухын көтеру, ұлттық мақтаныш сезімін оята білу, отансүйгіштік, ұлтжандылық, елжандылық сынды қасиет қалыптастыру – тәуелсіз мемлекетіміздің дамуы үшін айрықша маңызды мәселе болып отыр. Патриотизм түсінігі кез келген саяси, әлеуметтік, этникалық топтың ғасырлар бойына тұтастығын қамтитын құбылыс екендігінде дау жоқ. Осы себептерге байланысты еліміздің қоғам мүшелерін біріктірудегі негізгі фактор және тұрақтылықты қамтамасыз ету мен мемлекеттілікті бекітуде патриотизмнің орны зор. Сондықтан қазіргі жағдайда қоғам мүшелерін рухани-адамгершілік және патриоттыққа тәрбиелеудің қазақстандық азаматтардың саяси санасындағы ең негізгі мәселе болып табылмақ.

Мемлекет Басшысы Жолдауда «Қазақстан патриотизмінің іргетасы – барлық азаматтардың тең құқылығы және олардың Отан намысы алдындағы жалпы жауапкершілігі» [2], – деген болатын. Негізгі бағыттары қатарындағы жаңа қазақстандық патриотизм; барлық этностар азаматтары құқықтарының теңдігі; қазақ тілі және тілдердің үштұғырлылығы; мәдениет, дәстүр және даралық; ұлттық интеллигенцияның рөлі; ХХІ ғасырдағы Қазақстандағы дін мәселелері бойынша нақты тапсырмалар жүктелді.

Теңқұқықты, тең мүмкіндіктерді иеленген қазақстандықтар көпұлтты қоғамдағы барлық этностық әркелкіліктерді біріктіре алады. «Жаһандану дәуірі – көпұлтты мемлекеттер дәуірі», – деп Ұлт көшбасшысы нақтылағандай, «барлық ұлт өкілдерімен тіл табысып, тату-тәтті, бейбітшілік пен келісімде өмір сүру – барша қазақтың басты қағидасы болуы шарт» [2].

Бұл Жолдауға дейін Қазақстан Республикасының Президенті – Елбасы Н.Ә. Назарбаев 2006 жылы Қазақстан халықтары Ассамблеясының XII сессиясында сөйлеген сөзінде: «Ұлттың бәсекеге қабілеттілігінің аса маңызды шарты – бұл әлемдік бәсекелестік үдерісінде табысқа жетуге мүмкіндік беретін күшті рух пен білім», – деп пайымдайды. Ұлт көшбасшысы қазақстандық патриотизм сияқты ұлт табысының маңызды құрамдасына тоқталып кетеді. «Бұл өз Отаның мен жеріңе деген сүйіспеншілік, оның тарихы мен мәдениетіне деген зор құрмет, әркімнің өз күш-жігеріне деген сенімі мен барша қоғамның топтасуы. Бұл бүгін тұрғызылып жатқан өз еліңнің тарихына қатыстылықтың және оның болашағы үшін жауаптылықтың жоғары сезімі. Бұл әрбір қазақстандықтың табыстары үшін мақтаныш және қандай тұрғыда болғанына қарамастан өз салаңда табыстарға қол жеткізу ниеті. Және бұл табысты әркім Отанына бағыштап, әлемде оның даңқын асыруы, беделін көтеруі тиіс. Патриотизмді, әсіресе жастардың арасында, біздің балалардың бойында барша қоғамның ортақ күш-қуатымен қалыптастыру керек. Біздің әр азаматтың табысы және халықаралық тұрғыда мойындалуы – бұл баға жеткізгісіз капитал, барша қазақстандықтардың мақтанатын нәрсесі және байлығы екендігі сөзсіз. Осындай үлгілермен ұлттың рухын көтеру керек! Өз Отаныңның патриоты болу – бұл Қазақстанды өз жүрегіңде ұялату. Мен сіздерді осыған шақырамын» [3].

Қазақ тілі және тілдердің үштұғырлылығы мәселелері бойынша қазақ тілінің рухани негізділігі, жаңа буынның қазақ тілімен қатар, орыс және ағылшын тілдерін де белсенді меңгеру үшін жағдай жасау шараларының қабылданып жатқандығы баян болды. Бұл идеяны тұңғыш рет Елбасы Қазақстан

халықтары Ассамблеясының XII сессиясында көтеріп, үш тіл білу жастар келешегіне қажеттілігі айқындалды. Ал 2007 жылғы «Жаңа әлемдегі жаңа Қазақстан» Жолдауында Нұрсұлтан Әбішұлы «Тілдердің үштұғырлығы» мәдени жобасын кезеңдеп іске асыруды ұсынды. Президент Ұлт болып шешуге тиісті принцип ретінде 2025 жылдан бастап латын әліпбиіне көшуді айтты. Бұл Мемлекет Басшысы атап көрсеткен Қазақ Мемлекеті атану негіздерінің бірі деп санаймыз.

Мәдениеті мен дәстүрі бір-бірімен біріккен және толықтырып отыратын қоғам мемлекет бірегейлігінің көрсеткіші. Қазіргі әлемде халықтық көркем шығармалар, ұлттық спорт түрлері, фольклор, ұлттық медицина мен педагогика, мерекелер мен салт-дәстүр сынды мәдениеттің дәстүрлі түрлеріне мән беріліп жатыр. Мұны ұғыну арқылы адамзат мәдениеттің рухани қайнар-көздеріне терең бойлайды. Біздің төл мәдениетіміз мыңдаған жылдар шеңберіндегі көшпенділер ортасында, Еуразия құрлығының орталығында дүниеге келді. Ұзақ кезеңдерден өткен, отырықшы тұрмыстың жаңа қағидаларын сіңіре отырып жоғары дамыған көп құрылымды мәдениетіміз өз тілі мен салт-дәстүрлерін сақтап, қазақ халқының құндылықтары ретінде дамуда. Сонымен бірге, халқымыздың генетикалық толеранттылығы қазақстандық мәдениеттің бастауы болып, мейірімді қазақ жерінде өмір сүріп жатқан жүз отыздан астам этностар ерекшеліктерімен санасады. Қазақ елінің тәуелсіздігі саясат, экономика, әлемдік қауымдастықтағы рөлінің өсуіне ықпал етуімен қатар, мәдениетіміздің дамуына жол ашты.

Осы Жолдауда Елбасы ұлттық интеллигенцияның рөліне ерекше тоқталды. Қазақстан халқының бағыт алып, бой түзеуге тиіс заманның жаңа қаһармандарын танымал ету қажеттілігі баян болды. Осы мәселе тұрғысында Жолдауда: «Біз мемлекеттілігіміздің рухани мәселелер экономикалық, материалдық мәселелерден ешбір кем бағаланбайтын даму кезеңіне келіп отырмыз. Рухани дамуға негізгі рөлге әрқашан интеллигенция ие», – делінген. Елбасының пікірінше, 2050 жылғы Қазақстан прогрессивті идеалдар қоғамы болуға тиіс

және бұл жолда интеллигенцияның орны ерекше. Мемлекет Басшысы өз сөзінде: «Интеллигенция қалыптасқан мемлекет кезеңінде жаңа жалпыұлттық құндылықтар жасауда алдыңғы қатарлы күш болуы керек. Олар заманға сай және болашаққа құлшынысты болуға тиіс. Біз жастарымыз бағыт алып, бой түзеуге тиіс өз заманымыздың жаңа қаһармандарын көрсету және жасауымыз керек. Интеллигенция менің пайымдауымдағы Қазақстан-2050 Жаңа саяси бағыты негізінде ел болашағының ментальді, дүниетанымдық үлгісін жобалауда негізгі рөлді қолға ала алады және алуға тиіс» [2], – деп сенім білдіреді.

Бүгінгі Қазақстан 40-тан астам конфессия өкілдерінің 3000-нан жоғары діни бірлестіктері және 2500-ден көп діни ғимараттары бар поликонфессионалды мемлекет. Тәуелсіз Қазақстанда соңғы жылдары дәстүрлі емес және жалған діни ағымдар мәселесі өткір тұрғандығын Президент Н.Ә. Назарбаев атап көрсетті. Сонымен қатар, Ұлт көшбасшысы: «Біз мұсылманбыз, оның ішінде Әбу Ханифа мазһабын ұстанатын сүнниттерміз. Бабаларымыз ұстанған бұл жол ұлттық салт-дәстүрді, ата-ананы сыйлауға негізделген. Ендеше, бүгінгі ұрпақ та әлемдегі ең ізгі дін – ислам дінін қадірлей отырып, ата дәстүрін ардақтағаны абзал» [2], – деді. Мемлекет Басшысының пікірінше, Қазақстандағы экстремизм мен терроризмде идеялық емес, қылмыстық негіз бар екендігі сөз болды.

Сонымен қатар, Ұлт көшбасшысы экстремизм мен терроризм төңірегінде: «Мемлекет пен азаматтар радикализмнің, экстремизмнің және терроризмнің барлық түрлері мен бой көрсетулеріне қарсы біртұтас шеп құруға тиіс. Діни экстремизм қаупі ерекше алаңдаушылық тудырып отыр. Дінбасылар да ортақ алаңдаушылық білдіруде. Біз Жаратушыға деген кіршіксіз сенімнің агрессиялы және қырып-жойғыш фанатизммен алмасуына жол бермеуіміз керек» [2], – деп мәлімдеді.

Жалпы патриотты тәрбиелеу отбасы, ұжым, мектеп, қоғамдық ұйымдар секілді әлеуметтік ортаның нысандарының объективті факторларының ықпалы мен индивидтің рухани-тәжірибелік қызметінің субъективті шарттарында орын ала-

тын әлеуметтік процесс. Патриотизмге тәрбиелеу жұмысы мемлекеттілікті бекітудің және еліміздің қауіпсіздігі мен тәуелсіздігін қамтамасыз ететін негізгі шарттардың бірі. Бұл шара жүйелі түрде жүріп, саяси әлеуметтендірудің институттары арқылы өз бағыттарын айқындауға тиіс деп ойлаймыз. Патриоттық рухта тәрбиелеу сөзбен немесе кез келген шарамен қалыптаспайтындығын ұғына отырып, патриотизм адамдардың айналада болып жатқан жағдайларға қарап отансүйгіштік орын алатындығын түсінген абзал. Егер олар дұрыс, жақсы өмір көрсе, егер еңбегі мен зейініне құрмет көрсетілгенін сезінсе, әлеуметтік жүйе әділетті жүрсе жағымды пікір қалыптасады. Аталмыш қажеттіліктерді адамзат сезінбесе, қаншалықты әдемі сөздер мен шаралар өткізілгенімен оның көзбояушылық қасиетін халық сезінеді. Сондықтан Елбасы Жолдауындағы басымдықтар еліміз үшін бейбітшілік, тұрақтылық пен гүлденудің «алтын ғасыры» болатын кезеңдегі көздеген мақсаттарға міндетті түрде жеткізетіндігіне және ұлттың 2050 жылға дейінгі даму идеологиясы болып қала беретініне Қазақстан халқы толықтай сенімді.

Әдебиеттер

1. *Костяев А.И.* Патриотизм и его воспитание в условиях трансформации социокультурной реальности: методологический и методический аспект // Патриотическое воспитание в учебных заведениях, отрасли культуры. – Сб. статей. – М., МГУКИ, 2004. – С. 3–16.
2. «Қазақстан-2050» стратегиясы – қалыптасқан мем-лекеттің жаңа саяси бағыты. Қазақстан Республикасының Президенті – Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың Қазақстан халқына Жолдауы // Егемен Қазақстан. – 2012. – 15 желтоқсан.
3. *Назарбаев Н.Ә.* Әрқашан бірге, әрдайым алда болайық // Егемен Қазақстан. – 2006. – 25 қазан.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ермек Токтаров

Республика Казахстан на современном этапе представляет собой государство со стабильной внутривнутриполитической, социально-экономической и культурной обстановкой. В свою очередь, неустойчивость политической системы Кыргызстана, усиление угроз со стороны Афганистана, а также назревающие демографический и водный кризисы в Узбекистане порождают миграционные потоки, которые способствуют изменениям этнодемографической структуры населения Центральной Азии, в том числе и Казахстана. Эти факторы в определенной степени влияют на этнополитические процессы в республике, в частности, на процессы интеграции полиэтничного казахстанского общества.

В этнопсихологическом словаре В.Г. Крысько этническая (национальная) интеграция определена как процесс сближения этнических общностей [1]. Она выступает важнейшим фактором на пути консолидации общества, особенно в полиэтничном и поликонфессиональном социуме. Интеграция общества предполагает разделение большинством населения общих идеологических установок относительно того, как должны строиться жизнь общества, сотрудничество между индивидуумами и различными группами населения в рамках единого государства, а также осознание того, что будущее каждого гражданина и его благополучие связаны со стабильной социально-политической и экономической ситуацией внутри страны.

В то же время, интеграция не означает коллективизм, конформность позиций граждан относительно социально-политических проблем. Она, скорее, подразумевает такую форму организации общества, при которой основополагаю-

щие ценности и цели разделяются всеми членами социума, а гражданское общество выступает дееспособным субъектом управления социально-политическим процессом. То есть граждане, независимо от этнической принадлежности, могут участвовать в управлении государством на разных уровнях. Здесь встает вопрос о степени вовлеченности представителей тех или иных этнических групп в сферу политики.

Конституция РК предоставляет политико-правовые основания для равного участия граждан страны в управлении государством. Согласно ст. 33 Конституции РК, «...граждане Республики Казахстан имеют право участвовать в управлении делами государства», в то же время, никто не может подвергаться дискриминации по национальному признаку [2]. Это означает, что представители всех этнических групп, являющиеся гражданами РК, могут участвовать в управлении государством. Но в государственной службе картина такова, что здесь трудятся в основном представители казахского этноса. Это, в первую очередь, связано с языковым вопросом, поскольку владение казахским языком является одним из обязательных условий при поступлении на административную государственную службу [3]. Таким образом, доступ этнических групп в государственную службу затруднён в силу языкового фактора.

В данных условиях единственными возможными путями участия в управлении государством представителями этнических групп является вхождение в состав депутатов Мажилиса посредством квоты в 9 мест от Ассамблеи народа Казахстана, а также создание неправительственных организаций. Второй путь наиболее доступен, несмотря на то, что должность депутата Мажилиса относится к политическим, а к ним в РК не имеется квалификационных требований, то есть знание государственного языка не обязательно. Реализация политической активности посредством неправительственных организаций предполагает апелляцию к гражданской идентичности. Представитель нетитульного этноса вправе участвовать в управлении государством в силу своего казахстанского гражданства. Это становится одним из факторов, способствующих под-

держке гражданской концепции представителями как тюркских народов, так и европейских этнических групп.

Основными группами выражения интересов в вопросах национального строительства являются казахская и русская этнические группы. Европейские народы поддерживают позиции русских, поскольку находятся в равном с ними положении в условиях национального строительства Казахстана. Представители тюркских народов, скорее, поддержат позиции казахов в вопросе усиления роли государственного языка, поскольку он является родственным им тюркским языком. Следовательно, в зависимости от соотношения численности европейских и тюркских этносов будет определяться, какая из концепций национального строительства будет доминировать в общественном сознании. Таким образом, этнодемографический фактор оказывает все большее влияние на процессы нациестроительства и перспективы формирования гражданской нации независимого Казахстана.

Этнодемографическая структура населения тех или иных регионов Казахстана определяет позиции граждан в отношении этнокультурных вопросов и проблем национальной политики. Так, этнический состав населения влияет на позитивное или негативное восприятие усиления роли государственного языка в жизни общества, на отношение граждан к межэтническим бракам, что характеризует межэтнические взаимоотношения по стране в целом [4].

За годы независимости демографические изменения в стране произошли за счет эмиграции большого числа представителей европейских этнических групп, притока иммигрантов из стран Центральной Азии, в том числе казахских репатриантов, а также за счет естественного прироста коренного населения.

Данные Агентства РК по статистике свидетельствуют о том, что основная часть европейских этнических групп проживает в северных и центральной областях Казахстана. В свою очередь репатрианты и иммигранты из Центральной Азии в основном заселяют Юг и Запад Казахстана, а также города

Астана и Алматы [5]. В соответствии с этим, сложилась такая ситуация, когда жители Кызылорды, где население более чем на 90% состоит из казахов, негативно относится к межэтническим бракам, тогда как в Павлодаре население к этим явлениям относится более лояльно, что обусловлено этнодемографической структурой населения обоих городов [4, с. 12]. Следовательно, население регионов, где достаточно высок процент представителей нетитульной нации, более толерантно, поскольку частота социальных контактов между различными этническими группами на личностном и групповом уровнях выше, а конфликты с этнической окраской происходят реже, нежели в более густонаселенных южных и западных областях. Таким образом, этнический состав населения влияет на характер и динамику межкультурных коммуникаций в регионах, усложняя задачу консолидации казахстанского общества и побуждая государство активизировать внутренние ресурсы общества для решения данной проблемы.

Если же обратиться к миграционному фактору этнодемографических изменений, то ситуация складывается следующим образом. Согласно данным Агентства Республики Казахстан по статистике, внешняя миграция по этносам характеризуется оттоком европейских этнических групп (в основном, русские, украинцы, немцы) и притоком тюркских народов (казахи, узбеки, уйгуры). Совокупное отрицательное сальдо миграции европейских этнических групп на 2011 г. составляло – 22 630 человек, тогда как положительное сальдо миграции тюркских народов на тот же период составляло 25 888 человек. Причем такая динамика сохраняется как минимум с 1999 г. [6], что позволяет говорить об устойчивой тенденции увеличения доли казахов и других тюркских народов в составе населения.

В свою очередь, внутренняя миграция характеризуется оттоком граждан из сельской местности в города, независимо от их этнической принадлежности. В то же время, показатель естественного прироста у тюркских этнических групп положителен, тогда как у русских и украинцев он отрицателен [7].

Динамика этнодемографических изменений, отраженная в табл. 1, показывает, что структура населения за период независимости изменялась за счёт уменьшения числа представителей европейских этнических групп и роста числа тюркских народов. Причём изменения численности этнических групп обуславливались как миграцией, так и естественным приростом населения. Всё это в совокупности сделало возможным проведение национальной политики, ориентированной на повышение статуса государственного языка, обусловившее увеличение доли представителей казахского этноса в государственном управлении, бизнесе и культуре. Таким образом, всё большую актуальность приобретает этнический подход в реализации национальной политики.

Таблица 1

**Численность этнических групп
(в % к общему числу населения)**

Этнос \ Годы	1989	1999	2009
Казахи	40,1	53,3	62,98
Русские	37,4	30,02	23,76
Узбеки	2,0	2,47	2,85
Украинцы	5,4	3,68	2,09
Уйгуры	1,1	1,41	1,4
Татары	1,7	1,67	1,28
Немцы	2,4	2,38	1,12
Другие	5,1	5,07	4,51

По данным Агентства РК по статистике.

Динамика этнодемографических изменений показывает, что вопросы национальной политики могли быть подняты именно при таком соотношении численности этнических групп, когда казахи будут представлять большую часть населения, а европейские народы займут лояльную позицию, либо сложатся устойчивые тенденции уменьшения их доли в

общей численности населения. Несмотря на складывающуюся демографическую картину, государству в условиях полиэтничного общества необходимо параллельно проводить политику по консолидации казахского этноса, а также интеграции казахстанского общества в целом.

Пока что формирование такой модели межэтнического взаимодействия, при которой происходит ассимиляция представителей нетитульного этноса, в казахстанских условиях невозможно – в силу особенностей этнокультурного развития страны. Совмещение двух моделей, этнической и гражданской, в процессе национального строительства, предполагает объединение всего казахстанского общества вокруг казахского этноса.

Но у русских, украинцев, узбеков и других этнических групп есть исторические родины, и трансформация их идентичности значительно усложняется. Для них Казахстан должен стать именно той страной, где они имеют больше возможностей для повышения качества жизни. Следовательно, государственная политика в сфере национального строительства не может не включать в себя меры по формированию гражданской идентичности.

В то же время, уменьшение числа представителей европейских этнических групп не означает, что формируются предпосылки для интенсификации процессов национализации. Наоборот, декларируя равноправие и поддержку всех этносов, населяющих территорию республики, государству необходимо решать задачу по защите конституционных прав и свобод, законных интересов представителей нетитульных этносов. В этой связи в Казахстане будут ещё долгое время существовать национально-патриотическое движение, а также организации, отстаивающие интересы нетитульных этносов, что обусловит сосуществование этнического и гражданского подходов в сфере национальной политики. По мнению Д.Д. Ешпановой, перспективы национальной интеграции в Казахстане далеки от однозначной определенности в сторону формирования гражданской нации [8]. Следовательно, можно сделать вывод о том,

что доминирующим подходом станет всё же этнический, при условии, что нынешние тенденции этно-демографических изменений структуры населения сохранятся.

Нельзя также отбрасывать геополитические, экономические факторы, которые существенно влияют на национальную политику в РК. Планируемое вхождение Кыргызстана в ТС, ухудшение обстановки в Узбекистане, рост исламского экстремизма в Афганистане, вступление Казахстана в ВТО, а также создание в 2015 г. Евразийского союза – всё это создаст новые вызовы и угрозы, с которыми столкнутся государство и общество. И от того, как скоро решится задача интеграции казахстанского общества, его консолидации, необходимые для сохранения и развития государства, зависит будущее страны.

Литература

1. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. – М., 1999. – С. 74.
2. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 1998.
3. Типовые квалификационные требования к категориям административных государственных должностей // Казахстанская правда. – 2008, 17 января. – С. 8.
4. Кадыржанов Р.К., Ешпанова Д.Д., Нарбекова Г.А. Проблемы национальной интеграции казахстанского общества. – Алматы: СаГа, 2008.
5. Обзор ПРООН «Положение оралманов в Казахстане». – Алматы, 2006.
6. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. – Алматы, 2006.
7. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Агентство РК по статистике. – Астана, 2012.
8. Ешпанова Д.Д. Национальная интеграция казахстанского общества: социокультурный аспект // Аль-Фараби. – 2010. – № 3. – С. 56–67.

КОСМОПОЛИТИЗМ ОНЛАЙН-СОЦИАЛЬНОСТИ: ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ?

Мухтарбек Шайкемелев

В небольшой статье не представляется возможным провести полноценный анализ форм социальности, генерируемых Интернетом и виртуальными сообществами Казнета, отражающий стремительно растущий сегмент казахстанского информационного пространства. В контексте онлайн (сетевой) проблематики в результате взаимодействия различных этнических и социальных групп вырастает новая исследовательская тематика – воздействия новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на социально-политические, стратификационные, межэтнические и др. взаимоотношения внутри казахстанского общества; их воздействия на индивидуальную и групповую идентичность. Возникает целый ряд основополагающих вопросов к данной теме: насколько современные социологические и социально-психологические методы подходят для анализа новых форм социальности, или мы нуждаемся в коренном пересмотре прежней методологии, ориентированной на привычные формы институциональности? Будут ли достоверны новые типологии стратификационных и идентификационных процессов, происходящих внутри казахстанского общества в отсутствие критической массы эмпирических данных? Насколько адекватны будут новые закономерности и типологии для общества, эклектично соединяющего институциональные матрицы аграрного (кочевого), индустриального и постиндустриального (информационного) общества? И, наконец, проблематика, методологические подходы к которой мы попытаемся раскрыть в данной статье: каким образом и в каком направлении новая социальность, генерируемая культивируемыми трендами информационного общества, трансформирует нашу идентичность, в том числе этническую?

Когда мы говорим о постепенной трансформации привычных классических социальных институтов под воздействием интернетизации и сетевизации общества, то мы имеем в виду не только процесс децентрализации и деиерархизации вертикальных бюрократических общественных институтов. Кристаллизация новых горизонтальных социальных взаимодействий – это не просто новый вид коммуникации, порождающий новые виртуальные сообщества, но стремление отдельных людей реализовать свои потребности, зафиксировать ценностные нормы и ориентации в коллективной идентификации. Трансформации нашей социальности в сторону разрушения привычных коллективистских институциональных кодов и все большей индивидуализации вызывают острую потребность в признании ценности групповых идентификационных проектов, одним из которых являются сетевые сообщества. Разумеется, эти слабо оформленные интенции новой социальности относятся к определенной части нашего социума, являющего малочисленной урбанизированной прослойкой, имеющей явную тенденцию к росту. Тем не менее, трансформации моделей социальности под воздействием ИКТ, рассматриваемые такими ведущими западными исследователями Интернета и информационного общества, как М. Кастельс, П. Друкер, Ф. Уэбстер и др., соотносимы с теоретическим дискурсом и реалиями западных обществ. Данные обобщения, пусть и подкрепленные эмпирическими исследованиями, не могут быть некритически экстраполированы в казахстанский дискурс.

Авторы, анализирующие реалии российского общества, схожего с казахстанским по социальной структуре, ценностным и стратификационным аспектам, считают, что новая форма коммуникации между различными социально-экономическими институтами создает иное, параллельное пространство. Психологическое объяснение феномена сетевого сообщества, по их мнению, заключается в том, что сетевые структуры удовлетворяют потребности людей в социальной защищенности, личных, неформальных отношениях, чувстве групповой иден-

тичности. На их основе формируется новый тип социально-профессиональных групп [1]. Представляет ли опасность этот нарождающийся феномен новых сообществ и генерируемой ими социальности, пусть и со временем, для целостности национальной идентичности, строительство и формирование которой определяется как ключевая задача стратегического документа «Казахстан-2050»? Рассмотрим научно-теоретические аспекты субъективного и объективного толкования идентичности, ее отношения с социальными трансформациями, вызванными новыми моделями информационного влияния.

Субъективное толкование идентичности присуще большинству западных философов. Так, Э. Фромм говорит о чувстве идентичности. «Потребность испытывать чувство идентичности, – пишет он, – вырастает из самих условий человеческого существования, и является источником наиболее сильных стремлений» [2, с. 64]. «Идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности», – заявляют представители феноменологической социологии П. Бергер и Т. Лукман [3, с. 279]. Согласно авторам, источником идентичности является не сама по себе субъективность, а субъективность во взаимосвязи с общественным целым: «Идентичность формируется социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями. Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя или даже ее переформируя» [3, с. 279]. Аналогична и трактовка идентичности С.П. Хантингтоном: «Идентичность – самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них. Идентичность присуща даже новорожденному, у которого она определяется такими

признаками, как пол, имя, родители, гражданство... Идентичность важна потому, что определяет поведение человека. Если я считаю себя ученым, я буду вести себя соответственно этому представлению. Однако индивиды склонны менять идентичности» [4, с. 50]. Тем не менее, как нам представляется, человек, считающий себя ученым и ведущий себя сообразно данному образу, может на деле таковым и не быть. Следовательно, идентичность, толкуемая как продукт самосознания, может быть как адекватной, так и неадекватной, иллюзорной.

В процитированном фрагменте также заметны некоторые несоответствия. Если идентичность – форма самосознания и продукт самоидентификации, то на чем она основывается? К примеру, взять новорожденного, у которого, разумеется, отсутствует не только самосознание, но и вообще сознание, то откуда у него идентичность? Разомкнуть этот порочный круг, очевидно, возможно лишь допустив, что существует объективная социокультурная идентичность, точнее, целая система идентичностей, которая и является основанием для формирования субъективной идентичности – продукта самоидентификации, по верной характеристике С. Хантингтона.

Каковы же особенности феномена идентичности, понимаемой в социально-философском и т. п. смысле? В.С. Малахов пишет: «Идентичность есть не свойство (т. е. нечто присущее индивиду изначально), но отношение. Она формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия» [5, с. 48]. Свойства формируются и обнаруживаются лишь во взаимоотношениях. Понятно, что в условиях сетевого онлайн-взаимодействия выявить социально-психологические изменения, влияющие на идентичность, представляется крайне затруднительным. Несомненно и то, что в этом случае нужны новые методики экспериментальных и полевых исследований, отличающиеся от обычных офлайн-методик.

По поводу того, дана или же не дана индивиду изначально его идентичность, можно сказать следующее. Одни формы идентичности действительно меняются, трансформируются,

утрачиваются и т. д. Это к ним применимы слова С. Хантингтона: «Идентичности в общем и целом представляют собой конструкты. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению» [4, с. 51]. И то нельзя утверждать, что конструирование это всецело исходит от индивидов. Данного рода идентичности связаны с существованием в социуме социальных, профессиональных и иных ролей, статусов и тому подобных градаций, которые индивиды застают уже имеющимися, т. е. объективно существующими и потому конструируют свои идентичности в соответствии с этими ролями, статусами и т. д. Но существуют и такие идентичности, которые даны человеку изначально, то есть фактом его появления на свет и существования. Для аргументации можно в качестве примера взять историческое время. Человек рождается внутри определенной культуры, находящейся на определенной стадии развития. Скажем, в Италии в эпоху Ренессанса или в монгольской степи времен Чингисхана в XIII в. Кем бы он ни был по своему сословию, уровню образованности и т. д., он не может объективно идентифицировать себя с человеком будущего или далекого прошлого. Разве что только в случае психопатических отклонений, или же, если данный индивидум – игрок, актер, играющий соответствующую роль. И то он может играть лишь то, что есть сегодня или же было представлено в культурно-историческом опыте прошлого.

Категория идентичности, отмечает В.С. Малахов, выражает не свойство, а отношение. Идентичность обнаруживает себя в процессах ее установления, то есть в процессах идентификации. Эти процессы осуществляются только индивидами, а не общностями, группами или обществом в целом. В.С. Малахов прав, когда пишет: «Общество, в отличие от личности, не имеет качества субъективности» [5, с. 47]. Групповая, национальная и т.п. идентичность определяется представителями самих этих групп или наций по отношению к себе (самоидентификация) или по отношению к другим (иноидентификация). Идентификация и самоидентификация могут формироваться двояко:

1) через установление отличия от другого (других) и 2) через установление принадлежности к чему-то более объемлющему – к группе, этносу, нации и т. д. Но, в принципе, это лишь два аспекта одного и того же, так как во втором случае устанавливается отличие своей общности от другой. Бесспорен и тот факт, что идентификация как установление отличия себя от других в пространстве социальных сетей крайне затруднена.

В каждом социокультурном целом существует не только система разного рода идентичностей, но также и иерархия их внутри этой системы. Причем данная иерархия или, по крайней мере, отдельные ее составляющие, как правило, обладают ценностной атрибутикой и характеризуются разным престижем. И каждый индивид обладает не одной, а многими идентичностями; он, как выражаются некоторые авторы, – полиидентичен. Более того, в процессе своей жизнедеятельности он может приобретать новые идентичности и утрачивать прежние или просто освобождаться от них. В связи с ценностным характером идентичностей случается, что индивид может обладать такими идентичностями, которыми он, возможно, предпочитал бы и не обладать. Именно ценностный характер идентичности актуализируется в интернет-пространстве, когда становится возможным камуфлирование ценностно негативных идентичностей или симулирование других, обладающих в данном социокультурном офлайн-контексте высоким ценностным статусом. Псевдоидентичность и многониковость (от англ. *nickname* – прозвище, кличка; когда пользователь скрывается за несколькими именами, разными фото и аватарами, регистрируясь в различных сетевых сообществах и имея несколько аккаунтов) как отражение стремления к субъективному конструированию в виртуальном пространстве собственной идентичности стали достаточно привычным свойством-отношением, одним из социально-психологических оснований построения социальных сетей. И как раз в такого рода сетевых идентификациях становится крайне затруднительным или невозможным отличить копию (симулякр) от оригинала. В связи с этим актуализируется второй идентифи-

кационный тип, устанавливающий коммуникационные связи посредством принадлежности к этносу или нации, поскольку установление отличий своей этнической общности от другой представляется массовому сознанию изначально ясным и исторически аргументированным.

Интернет-пространство дало возможность свободно размышлять и дискутировать о социальных условиях существования, их эволюции. Кто-то занимается голым теоретизированием в сетях, кто-то грезит о революционных изменениях, пытаясь спровоцировать и запустить механизмы ретрайбализации. Как бы то ни было, социальные сети во многом становятся местом рождения новых идей и выражения сублимированных и неартикулированных интенций индивидуального и группового сознания. Растет прослойка критически мыслящих людей – интеллектуалов-блоггеров, гражданских активистов, модераторов социальных сетей и т. д., использующих атмосферу культурного плюрализма для пропаганды собственных идей по общественному переустройству. В западной социологии теория, объясняющая данный феномен, носит название «рефлексивной модернизации». Ее авторство приписывается сразу нескольким маститым ученым – У. Беку, Э. Гидденсу, Ю. Хабермасу. И здесь не столь важно, кому из них принадлежит первоавторство в теории, сколько фокусировка внимания на общей тенденции, выявленной этими учеными, и заключающуюся в том, что ключевым мегатрендом трансформации социальности в XXI в. становится индивидуализация. Человек начинает нести персональную ответственность в формировании собственной идентичности и биографии, что означает частичную утрату или даже полный разрыв традиционных связей. Но данный процесс входит в противоречие с актуализацией этнокультурной идентичности в сознании многих новых независимых государств постсоветского пространства. Этнокультурная идентичность центрально-азиатских и большинства кавказских республик, тяготеющих к коллективистским формам социальности, начинает воспроизводить архетипические социальные практики, как способ самозащиты и самосохранения. В западной социологии этот процесс

носит название ретрайбализации – ответной реакции на процесс деколлективизации в «глобальной деревне» [6]. В нашем случае основные причины становления характерного для современной казахской идентичности гипервыраженного типа этноидентичности связаны, в первую очередь, с кризисом этнической идентичности казахов, вызванного процессом деколлективизации и детрайбализации. Кризис этнической идентичности и, что еще важнее, самоидентичности, проявляется, прежде всего, в повышении в сознании индивида и этнической общности значимости этноидентичности по сравнению с другими формами индивидуальной и групповой идентичности. Повышенное внимание к собственной этнической идентичности и к своей этнической культуре обостряет чувства «мы – они» и повышает самооценку, т. е. оценку своих обычаев, стереотипов, ценностей, языка, символики и т. д. При этом включаются механизмы генеалогической самозащиты и самосохранения этноидентичности. Такое сосредоточение внимания на себе неизбежно сопровождается противопоставлением себя другим этносам, чьи стереотипы, образ жизни, ценности и символы явно или неявно, осознанно или неосознанно наделяются отрицательными характеристиками. Следовательно, начало кризиса этнокультурной идентичности – это повышенное внимание, «заикливание» на этой идентичности в целях самосохранения. «Заикливание» это произрастает на почве культурно-исторических, экономических, социально-психологических и идеологических факторов. Причем наибольшую актуализацию этнокультурной идентичности придают социальный фон и экономические факторы, детерминирующие степень выраженности подобного «заикливания». Чем более неустроен и невежественен человек, чем меньше у него шансов на успешную социализацию и интеграцию в чужеродной среде, определяемой трендами «глобальной, всемирной деревни», тем более выражен его внутренний разлад и стремление подключить ресурсы самозащиты, придавая социальной проблематике этническую окраску.

Не будем останавливаться на культурно-исторических причинах кризиса и становления гипервыраженного типа ка-

захской этнической идентичности. Воспримем это как социально-историческую данность – объективную идентичность, во взаимном отношении с которой кристаллизуется субъективная идентичность индивидуума. Таким образом, модели социальных отношений, несущие в себе социокультурные коды этнической идентичности, которая продолжительное время подавлялась, провоцируют воспроизводство и доминирование архаических институциональных матриц, определяющих тип социальности. В соответствии с этим выводом отметим, что сущностные формы, «присущие одной институциональной матрице, не могут быть эффективны в обществе с другим типом такой матрицы. Именно этим объясняется неудача реформ, сводящих модернизацию к насаждению институций, присущих более развитым государствам» [7, с. 56].

В самом деле, когда мы берем в качестве наглядного примера процессы вытеснения, сглаживания этнической идентичности в социальных сетях, имея в виду, что она перестает доминировать в «информационном обществе», теряет свою социализирующую функцию, мы должны ясно представлять, что «такой подход скорее характерен для англосаксонской протестантской культуры с ее «зацикливанием» на равенстве и правах человека [8]. На наш взгляд, взаимодействие Интернета с незападными культурами развивающихся стран, напротив, обнажает этнические противоречия, нисколько не нивелируя их. Частично это объясняется тем, что в казахстанском обществе крайне актуализирована проблема языка, а интернет-общение и дальнейшее конструирование субъективных идентичностей в первую очередь идет при помощи языка и текста. Тем не менее, трудно отрицать, что на молодых людей, во многом уже западноориентированных благодаря глобализации и Интернету, с самого рождения обрушивается релятивистский кодекс постмодернистского общества с его гедонистической моралью ежеминутных удовольствий, космополитизмом, жизнью в кредит, рисками, нестабильностью, индивидуальной ответственностью и рыночным принуждением. Современная молодежь уже достаточно ясно представля-

ет, чего она хочет, осознанно или неосознанно включая механизмы социальной рефлексии модернизационных процессов. Новое интернет-поколение хочет «всего и сразу» – как в ярких картинках голливудских, а теперь и болливудских (индийских, имеющих ошеломляющий успех в развивающихся странах) фильмах. При этом этнокультурные и национальные приоритеты в ценностной иерархии отходят на второй план. Происходит формирование новых идентичностей, где этнокультурная идентичность постепенно теряет свои позиции под напором глобальных, космополитических тенденций.

Согласно данным республиканского социологического опроса, проведенного по заказу Института философии, политологии и религиоведения [9], более 81% опрошенных казахстанцев используют Интернет для выполнения различных конкретных задач и офлайн-контактов в контексте реальной жизни. Из них 40% – для работы и учебы, а 41% – для поддержания дружеских и родственных контактов. На компьютерные игры тратит свое время 3,4% респондентов (следует учесть, что в опросе участвовали респонденты возрастом от 18 лет, т. е. в число опрошенных не попали подростки). Менее 1% отслеживает политические новости, ищет необходимую информацию и совершает интернет-покупки. Учитывая, что ищет новые контакты и общение в социальных сетях около 10,3% опрошенных казахстанцев, можно составить представление о реальной активности интернет-аудитории.

Данные нашего социологического опроса практически совпадают с данными американских социологов 12-летней давности, в которых указывалось, что более 85% случаев использования Интернета приходится на электронную почту, основной функциональный объем которой связан с рабочими задачами и контактами с родными и друзьями в реальных условиях [10]. Конструирование идентичности в сетевых онлайн-овых взаимодействиях составляет лишь небольшую часть системы социальных связей, основанной на Интернете. К сожалению, мы пока не располагаем детальными данными о состоянии проблематики информационного неравенства – по областям и

городам Казахстана. Тем не менее, ссылаясь на данные того же опроса [9], мы можем констатировать, что количество респондентов, не пользующихся Интернетом, на селе более чем в два раза превышает количество опрошенных в Алматы и Астане. Также мы располагаем данными о том, какому источнику информации более всего доверяют казахстанцы. Оказалось, что доверяют: веб-сайтам правительства РК – 6,5%; сайтам мировых информагентств – 8,5%; негосударственным сайтам – 2,2%; социальным сетям Facebook, Twitter, Одноклассники и др. – 3,6%; радио, телевидению, газетам и журналам – 53%; друзьям, соседям, родственникам – 10,3%. Мы видим, что с огромным отрывом лидируют традиционные СМИ, что подчеркивает примерно 10–15-летнее отставание от передовых стран в области внедрения и использования ИКТ.

Следовательно, говорить об устойчивых тенденциях проникновения виртуально-информационных трендов современности пока еще преждевременно. Тем более преждевременным было бы говорить об устойчивых изменениях социальности или этнокультурной идентичности под воздействием онлайн-пространства. Для этого должны созреть условия – социальное благополучие, уровень образования, глубина проникновения ИКТ в повседневную жизнь населения городов и аулов, офлайн-активизация ростков гражданского общества, формирующихся в сетевых сообществах интернет-пространства и т. д.

Сетевые сообщества, объединенные профессиональными и жизненными интересами, новыми стилями, не укорененными в офлайн-среде, пока не в состоянии противостоять этнокультурным идентификационным сценариям. Тем не менее, можно с полной уверенностью говорить о ростках новой социальности, формирующейся в онлайн-среде, с выходом в офлайн-пространство, т. е. мы имеем дело с установлением новых социальных границ не только в виртуальном мире, но и со стратификационным перераспределением в реальном мире.

Так, ведущий специалист в области интернет-исследований, М. Кастельс, считает, что социальная практика является продол-

жением жизни как таковой, во всех ее измерениях и модальностях. Более того, даже в ролевых играх и в неформальных чатах реальная жизнь оказывает определяющее влияние и на характер онлайн-взаимодействия. Основная часть имеющихся данных не подтверждает мнение, согласно которому, использование Интернета ведет к ослаблению социального взаимодействия и усугублению общественной изоляции. На нашем примере мы разделяем мнение американского социолога испанского происхождения относительно прямой связи между офлайн- и онлайн-социальностью. Общий вывод Кастельса таков: изучение социального взаимодействия в Интернете и его посредством должно быть помещено в контекст трансформации моделей социальности в нашем обществе [11, с. 151–160]. Хотя в виртуальном пространстве мы имеем дело с разноскоростными процессами деэтнизации, тем не менее, для развивающихся стран, актуализирующих процессы этнокультурной идентификации, данный вид идентичности остается наиболее значимым, хотя и проявляется достаточно противоречиво.

Значение, которое придает возрождению языка казахская этнокультурная идентичность, размывается в глобальном интернет-пространстве. Противоречивость проявляется и в том, что казахского языка пока нет в списке языков интерфейса популярных сайтов, что также вызвано наступлением американизированного информконтента, нивелирующего этнокультурные критерии «слабых» стран. Западноориентированная часть казахстанской молодежи уже не испытывает проблем с восприятием массивифицированных, англоязычных социокультурных моделей новой усредненной, космополитической идентичности. К тому же, пока рано говорить о рождении новой онлайн-идентичности, которая бы активно воздействовала на транзитную офлайн-социальность казахстанского общества. Скорее, нам необходимо задуматься о преодолении социального и информационного неравенства реальной жизни, и уже в контексте его решения конструировать наше отношение к сетевому общению, изменяющему нормы и ценности нашей повседневности.

Литература

1. Таратухина Ю.В., Мальцева С.В. Сетевые сообщества: коммуникационные аспекты // Автоматизация и современные технологии. – 2008. – № 2.
2. Фромм Э. Человеческая ситуация – ключ к гуманистическому психоанализу // Человеческая ситуация. – М.: Смысл, 1995.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Academia-Центр, 1995.
4. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ, 2004.
5. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – № 2.
6. Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне. – М.: АСТ: Астрель, 2012.
7. Соколова Д.М. Субстанциональная и коммуникативная модели социальности: сравнительный анализ // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12. – Вып. 3.
8. Nakamura, L. Cybertypes: Race, Ethnicity and Identity on the Internet. – New York: Routledge, 2002.
9. Научно-исследовательская ассоциация «Институт демократии» в ноябре 2012 года по заказу ИФПР КН МОН РК провела социологическое исследование интернет-аудитории в Казахстане. Опрос был проведен во всех областях Республики Казахстан, а также в городах республиканского значения Астана и Алматы. Выборка репрезентировала взрослое население Казахстана старше 18 лет по полу, возрасту, национальной принадлежности, уровню образования и месту проживания – по типу населенных пунктов.
10. Howard, P.E. Days and Nights on the Internet: The Impact of Diffusing Technology / P.E. Howard, L. Rainie and S. Jones. In American Behavioral Scientist. – 2001. – Vol. 45.
11. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алияров Есенжол Каниевич – президент Казахстанского центра гуманитарно-политической конъюнктуры, доктор политических наук, профессор

Абдуллина Зарема Альфредовна – заместитель проректора по воспитательной и социальной работе Алматинского университета энергетики и связи, профессор кафедры социальных дисциплин, кандидат философских наук

Ананьева Светлана Викторовна – заведующая отделом аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей РК

Айтымбетов Нуркен Исакович – научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Биекенова Никара Жалгасбаевна – научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Вержбицки Анджей (Польша) – профессор Варшавского университета, доктор политических наук

Дедерер Александр Федорович – председатель Республиканской Ассоциации немцев Казахстана «Возрождение», член Совета Ассамблеи народа Казахстана

Дунаев Владимир Юрьевич – заведующий сектором политических технологий, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор

Жотабаев Нигмет Рахметович – доцент кафедры политологии Казахского национального университета им. аль-Фараби, кандидат политических наук, заслуженный деятель Республики Казахстан

Илеуова Гульмира Токшалыковна – президент Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук

Кадыржанов Рустем Казахбаевич – заведующий сектором этнополитических исследований, главный научный сотрудник Института

философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор

Курганская Валентина Дмитриевна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор

Кыдырбекулы Дулатбек Балгабекович – профессор Международного университета информационных технологий, доктор политических наук

Мендигалиев Кубаш Сагидоллаевич – PhD докторант кафедры политологии Казахского национального университета им. аль-Фараби

Мионг Сун Ок (Южная Корея) – преподаватель факультета востоковедения Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор PhD

Нарбекова Гульнара Ашимовна – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат философских наук, доцент

Насимов Мурат Орленбаевич – доцент Кызылординского университета «Болашақ», кандидат политических наук

Нургалиева Мадина Маратовна – руководитель экспертно-прикладного отдела Института политических решений, кандидат политических наук

Садыкова Галия Темиртоновна – ученый секретарь Государственного Центрального музея Республики Казахстан, кандидат философских наук

Султангалиева Алма Кадыргалиевна – научный сотрудник Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан, кандидат исторических наук

Токтаров Ермек Бауржанович – научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич – заведующий отделом политологии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институты туралы мәлімет

Философия және саясаттану институты 1999 жылдың ақпан айында 1958 жылы ашылған Философия және құқық институтының және 1991 жылғы Философия институтының негізінде құрылды. Ол 2012 жылдың мамыр айында ҚР Үкіметінің қаулысымен Философия, саясаттану және дінтану институты болып қайта аталды.

Институттың мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекеме ретіндегі негізгі міндеттері қазіргі қазақстандық қоғамның зияткерлік және рухани-адамгершілік әлеуетін дамытуға бағытталған философиялық-дүниетанымдық, философиялық-әдіснамалық, саясаттанулық, дінтанулық және әлеуметтанулық зерттеулер жүргізу болып табылады.

Бүгінде Философия, саясаттану және дінтану институты жоғары кәсіби ғылыми-зерттеу орталығы болып табылады. Институт оның құрылымын айқындайтын үш басты бағыт бойынша жұмыс істейді: философия, саясаттану және дінтану. Онда ҚР ҰҒА 1 академигі, 2 корреспондент мүшесі, 21 ғылым докторы, 13 ғылым кандидаты, 1 PhD докторы, 8 PhD докторанты ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізеді. Институт 2012–2014 жылдарға арналған гранттық қаржыландыру шеңберінде «Елдің зияткерлік әлеуеті» басым бағыты бойынша 24 ғылыми-зерттеу жобасын орындап, «Ғылыми қазына» салааралық ғылыми бағдарламасы аясында зерттеулер жүргізіп келеді.

Институт қызметкерлері саясат, ғылым, білім беру, мәдениет, дін, қазақ және әлемдік философия мәселелері бойынша монографиялар мен ғылыми мақалалар жариялайды. Институт қызметкерлерінің ғылыми жарияланымдары таяу және алыс шетелдердің ғылыми рейтингтік басылымдарында сұранысқа ие.

Институт «Мәдени мұра» бағдарламасының шеңберінде «Шығыс Аристотелі» – әл-Фарабидің шығармалар жинағын (10 том), «Әлемдік философиялық мұраны» (20 том), «Қазақ халқының философиялық мұрасын» (20 том) шығарды.

Институт екі журнал шығарады: «Адам әлемі» (1999 жылдан бері) және «Әл-Фараби» (2003 жылдан бері). Қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі Институттың өз сайты бар.

Институт үнемі халықаралық ғылыми конференциялар, дөңгелек үстелдер, семинарлар, пікірталас алаңдарын өткізіп

тұрады. Бұл іс-шараларға қазақстандық және шетелдік ғалымдар қатысады. Институт Ресейдің, Белорустің, Әзірбайжанның, Қырғызстанның, Қытайдың, Германияның, АҚШ-ң, Түркияның, Иранның, Өзбекстанның, Тәжікстан-ның және басқа да елдердің ғылыми-зерттеу құрылымдарымен тығыз ынтымақтастық орнатқан.

Философия, саясаттану және дінтану институтының базасында әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Абай атындағы ҚазҰПУ, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, ҚазКжҚҚА және т. б. тәрізді басты қазақстандық жоғары оқу орындарының студенттері, магистранттары және PhD докторанттары тағылымдама мен диплом алдындағы практикасын өткізеді.

Институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми тұрғыда өсуі үшін барлық қажетті жағдайлар жасалған.

Философия, саясаттану және дінтану институты туралы анағұрлым кең ақпаратты мына мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы,

Құрманғазы көшесі, 29 (3 қабат)

Тел.: +7(727) 272-59-10

Факс.: +7(727) 272-59-10

E-mail: iph@iph.kz

<http://www.iph.kz288>

Информация об Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Институт философии и политологии был образован в феврале 1999 г. на базе созданных в 1958 г. Института философии и права и в 1991 г. Института философии. В мае 2012 г. постановлением Правительства он был переименован в Институт философии, политологии и религиоведения.

Основной задачей Института как государственного научно-исследовательского учреждения является проведение философско-мировоззренческих, философско-методологических, политологических, религиоведческих и социологических исследований, направленных на развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала современного казахстанского общества.

Сегодня Институт философии, политологии и религиоведения является высокопрофессиональным научно-исследовательским центром. Институт работает по трем ключевым направлениям, определяющим его структуру: философия, политология и религиоведение. Здесь проводят научные исследования: 1 академик, 2 члена-корреспондента НАН РК, 21 доктор и 13 кандидатов наук, 1 доктор PhD, 8 докторантов PhD. В Институте выполняется 24 научно-исследовательских проектов в рамках грантового финансирования на 2012–2014 годы по приоритету «Интеллектуальный потенциал страны», ведется работа в рамках междисциплинарной научной программы «Ғылыми қазына».

Сотрудниками издаются монографии и научные статьи по проблемам политики, науки, образования, культуры, религии, казахской и мировой философии. Научные публикации сотрудников Института востребованы в научных рейтинговых изданиях ближнего и дальнего зарубежья.

В рамках программы «Культурное наследие» Институтом изданы собрание сочинений «Аристотеля Востока» – аль-Фараби (10 томов), «Мировое философское наследие» (20 томов), а также исследование «Философское наследие казахского народа» (20 томов).

Издаются два журнала: «Адам әлемі» (с 1999 г.) и «Аль-Фараби» (с 2003 г.). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

Институт регулярно проводит международные научные конференции, круглые столы, семинары, дискуссионные площадки, в которых принимают участие казахстанские и зарубежные ученые. Институт тесно сотрудничает с научно-исследовательскими структурами России, Белоруссии, Азербайджана, Кыргызстана, Китая, Германии, США, Турции, Ирана, Узбекистана, Таджикистана и других стран. На базе Института философии, политологии и религиоведения проходят стажировку и преддипломную практику студенты, магистранты и PhD-докторанты ведущих казахстанских высших учебных заведений, таких, как КазНУ им. аль-Фараби, КазНПУ им. Абая, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, КазАТиСО и др.

В Институте созданы все необходимые условия для профессиональной работы и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию об Институте философии, политологии и религиоведения можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010

Алматы, ул. Курмангазы, 29 (3 этаж)

Тел.: +7(727) 272-59-10

Факс.: +7(727) 272-59-10

E-mail: iph@iph.kz

<http://www.iph.kz290>

Information on the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Institute for Philosophy and Political Science was established in February 1999 on the base of established in 1958 the Institute for Philosophy and Law, and the Institute for Philosophy in 1991. By the Decree of Kazakhstan Government in 31 May, 2012, Institute was re-named to Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The main objectives of the Institute of Philosophy and Political Science as a public research institution are conducting of philosophical-world outlook, philosophical-methodological, political studies, religion studies and sociological studies aimed at social-cultural and social-political development and strengthening the independence of Republic of Kazakhstan, development its intellectual and spiritual-moral potential.

Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies is a highly skilled scientific research center. Institute has a three key directions that define its structure: philosophy, political science and religion studies. Currently, 1 academician, 2 correspondent member of National Academy of Science of RK, 21 doctors of Science, 13 candidates in science, 1 PhD, 8 PhD doctorate candidates are conducting research works. 24 scientific-research projects within the framework of grant financing for 2012-2014 years on priority of «Intellectual potential of the country» are being conducted, also the works within the framework of interdisciplinary scientific program «Gilimy kazyna» are being carried out.

Institute employees publish the dozens of books and hundreds of scholarly articles on important issues of politics, science, education, religion, culture, Kazakh and world philosophy, etc. The quality of scientific publications of the Institute is determined by the demand for scientific articles in journals of rating of near and far abroad.

Under the «Cultural Heritage» state program ten-volume collection of works called «Aristotle of the East» - al-Farabi, twenty volume «World philosophical heritage», twenty volume «The philosophical heritage of the Kazakh people», and other books were published by the Institute.

Institute publishes two magazines: «Adam alemi» and «Al-Farabi» (in Russian and Kazakh). The Institute has its own website in three languages: Kazakh, Russian and English.

Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies science regularly organizes international scientific conferences, seminars, «round tables», where not only leading Kazakhstani political scientists and philosophers, but also by scientists from foreign countries take place. Institute has close cooperation with scientific-research establishments of Russia, China, Germany, the USA, Turkey, France, Britain, Iran, Azerbaijan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Belarus and others.

Undergraduate students, Master's degree and Doctorate students from leading Kazakh universities, such Al-Farabi KazNU, Abai KazNPU, Abylaikhan KazUIR& WL, KazATiSO are conducting their research work and are trained at the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The Institute has created all necessary conditions for professional and scientific development of employees.

More detailed information on the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies can be found at:

The Republic of Kazakhstan, 050010

Almaty, str. Kurmangazy, 29 (3rd floor)

Tel.: +7 (727) 272-59-10

Fax.: +7 (727) 272-59-10

E-mail: iph@iph.kz

Для заметок

Научное издание

**НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ КАЗАХСТАНА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник материалов круглого стола,
(г. Алматы, 28 марта 2013 г.)

Редакторы: *Е.Н. Дремкова, Ж.Б. Ошакбаева*

Компьютерный дизайн и верстка *Ж.А. Рахметова*

Подписано в печать 10.06.2013 г. Формат 60x84 1/16.
Усл. п.л. 12,25. Печать офсетная.
Тираж 500.

Отпечатано в типографии «ИП Волкова Н.А.»
г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1